Россия – путь сквозь века

Матушка Екатерина

1760–1770-е гг.

Россия – путь сквозь века

Матушка Екатерина

1760–1770-е гг.

МОСКВА
ОЛМА Медиа Групп
2010

УДК 94(47)
ББК 63.3
М 33

Scan By Vitaulis & Kali

В книге использованы материалы «Русской истории» В. О. Ключевского (В. К-ский)

Авторы тематических статей:

Волков В. (В. В.), Воронин В. (Вс. В.), Воронин И. (И. В.), Кумпан П. (П. К.), Наумов О. (О. Н.), Никитин Д. (Д. Н.), Петрусенко Н. (Н. П.), Секачев В. (В. С.), Секачева Е. (Е. С.)

М 33 **Матушка Екатерина (1760 — 1770-е гг.)** / Сост. М. Н. Смыр. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. — 256 с.
ISBN 978-5-373-03076-2

Предлагаемая читателю книга продолжает серию «Россия — путь сквозь века». Она посвящена началу правления Екатерины II и внешней политике, проводимой ею.

Честолюбивая, умная жена Петра III при угрозе развода решилась на узурпацию власти супруга, что отвечало ее сокровенным чаяниям. Императрицу, очень популярную в гвардии, поддержали многие, недовольные Петром III. «Императрица по явному и нелицемерному желанию всех верных подданных вступила на престол, став на защиту Православной Русской Церкви, русской победной славы и внутренних порядков, совсем ниспроверженных», — писал В. О. Ключевский.

Екатерина оказалась деятельной правительницей. Она успешно решала насущные государственные задачи, прежде всего внешнеполитические: расширения и укрепления южных границ государства и воссоединения украинских и белорусских земель в результате разделов Польши.

УДК 94(47)
ББК 63.3

ISBN 978-5-373-03076-2

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй половине 18 века в России наступила эра «просвещенного абсолютизма». Петру I не удалось внедрить в народное сознание идею государства. Последовавшая за ним череда случайных правителей мало заботилась о благе страны и народа, об устройстве и налаживании управления. В результате июньского переворота 1762 г. вместо непопулярного императора Петра III российский престол заняла его жена Екатерина II. Императрица оказалась незаурядной личностью, декларировавшей «просвещенное» управление. В основном же деятельность правительства была по-прежнему направлена на усиление могущества империи, укрепление абсолютизма и позиций дворянского сословия.

В царствование Елизаветы Петровны, в 1745 г. наследник российского императорского престола, великий князь Петр Федорович женился на Софье Августе Фредерике Ангальт-Цербстской, происходившей из обедневшего княжеского рода Северной Германии.

Его супруга, в православии Екатерина Алексеевна, была некрасива, но обладала гибким,

пытливым умом, неординарным характером и недюжинным честолюбием.

Брак ее сложился несчастливо, при дворе она была одинока и терпела много унижений и обид от своенравной императрицы и ее окружения. Великая княгиня знала, что ей не от кого ждать поддержки и делала все возможное для укрепления своего положения при дворе: «Я хотела быть русской, чтобы русские меня любили». Не будучи религиозной, она истово исполняла все православные обряды, дарила подарки, угождала всем — от императрицы до прислуги, одним словом, всеми средствами старалась снискать расположение публики. Она упорно воспитывала в себе необходимые качества, чтобы чужую слабость обращать в свою силу.

В эти годы утешением и лекарством от скуки придворной жизни для нее стало чтение философской и исторической литературы, особенно произведений Вольтера. Развивая свой ум и природные дарования, к концу царствования Елизаветы она добилась того, что многие ее полюбили, другие относились к ней сочувственно.

Положение великой княгини между тем ухудшалось: Петр III взошел на престол и серьезно намеревался жениться на своей фаворитке Елизавете Воронцовой. Екатерине грозил развод и ссылка в монастырь. Она начала активно собирать сторонников, поставив на

карту все: «или умру или буду царствовать». Петр III вызывал всеобщее недовольство своей политикой, потому сторонников у Екатерины нашлось множество, прежде всего в гвардии. 28 июня 1762 г. произошел бескровный переворот, в результате которого к власти пришла императрица.

Взойдя на престол, Екатерина чувствовала себя неуверенно. Многие остались недовольны результатами переворота, требуя для себя все больших почестей и наград. Народные массы, не испытывавшие обаяния личности императрицы, а видевшие лишь узурпацию власти, роптали. Екатерине срочно надо было принимать меры, чтобы упрочить свое положение на троне. Необходимо было действовать либерально, отстаивать национальные интересы и одновременно угождать дворянскому сословию.

Национальные интересы нашли свое яркое выражение во внешней политике Екатерины.

Задача укрепления южных границ империи была решена в ходе победоносных русско-турецких войн. В результате войны 1768–1774 гг. России отходили земли между Бугом и Днепром, включая морское побережье и крепости в Крыму. Крымское ханство объявлялось независимым. Торговый флот России получил право свободного плавания через проливы. Кабарда была присоединена к России. Мирный договор, завершивший

войну 1787–1791 гг., устанавливал границы с Турцией по Днестру, Россия получила Очаков и Крым. Но российские войска выводились из Грузии.

Другой важной внешнеполитической задачей являлось присоединение к России украинских и белорусских земель. Она была решена в ходе так называемых разделов Польши. По разделу 1772 г. Россия получила часть украинских и белорусских территорий, Пруссия — Поморье и часть Великой Польши, Австрия — Галицию. По второму разделу 1793 г. Россия получила Белоруссию и Правобережную Украину, Пруссия — коренные польские земли. Второй раздел привел к восстанию в Польше, которое было подавлено, и вызвал третий раздел, в результате которого Речь Посполитая как государство перестала существовать. России отошли Курляндия, Литва, Западная Белоруссия и Западная Волынь, к Пруссии и Австрии — коренные польские земли.

Книга составлена на основе лекций выдающегося русского историка В. О. Ключевского. В нее входят также тематические статьи современных историков — ученых Института всеобщей истории РАН. Эти статьи, сопровождающие соответствующие главы лекций В. О. Ключевского, создадут для читателя более полную картину эпохи.

ПУТЬ К ТРОНУ

Петр III за короткий период сумел восстановить против себя почти все российское общество. Первой пришла в волнение армия. Ведь русский император буквально подарил своему обожаемому Фридриху II все завоевания русских войск в Семилетней войне. Лучшие силы русской гвардии были расформированы, их заменили голштинцы. В этой ситуации назрел заговор, в результате которого императрицей стала Екатерина Алексеевна.

Гвардия меняет монарха

Супруга Петра III, Екатерина Алексеевна, сумела приобрести в обществе заметное влияние и подружиться с гвардейцами. Они-то и помогли ей взойти на трон.

ПЕРЕВОРОТ 28 ИЮНЯ 1762 г. Император дурно жил с женой, грозил развестись с ней и, даже заточить в монастырь, а на ее место поставить близкую ему особу, племянницу канцлера графа Воронцова. Екатерина долго держалась в стороне, терпеливо перенося свое положение и не входя в прямые сношения с недовольными. Но сам Петр вызвал ее к действию.

Чтобы переполнить чашу русского огорчения и довести всенародный ропот до открытого взрыва, император заключил мир (24 апреля 1762 г.) с тем самым Фридрихом, который при Елизавете приведен был в отчаяние русскими победами. Теперь Петр отказался не только от завоеваний, даже от тех, которые уступал сам Фридрих, от Восточной Пруссии, не только заключил с ним мир, но присоединил свои войска к прусским, чтобы действовать против австрийцев, недавних русских союзников.

Русские скрежетали зубами от досады, замечает Болотов. За парадным обедом 9 июня по случаю подтверждения этого мирного договора император провозгласил тост за императорскую фамилию. Екатерина выпила свой бокал сидя. На вопрос Петра, почему она не встала, она отвечала, что не считала этого нужным, так как императорская фамилия вся состоит из императора, из нее самой и их сына, наследника престола. «А мои дяди, принцы голштинские?» — возразил Петр и приказал стоявшему у него за креслом генерал-адъютанту Гудовичу подойти к Екатерине и сказать ей бранное слово. Но, опасаясь, как бы Гудович при передаче не смягчил этого неучтивого слова, Петр сам выкрикнул его через стол во всеуслышание. Императрица расплакалась.

В тот же вечер приказано было арестовать ее, что, впрочем, не было исполнено по ходатайству одного из дядей Петра, невольных виновников этой сцены. С этого времени Екатерина стала внимательнее прислушиваться к предложениям своих друзей, какие делались ей, начиная с самой смерти Елизаветы. Предприятию сочувствовало множество лиц высшего петербургского общества, большею частью лично обиженных Петром. Таков был граф Никита Панин, елизаветинский дипломат и воспитатель великого князя — наследника Павла; такова была 19-летняя дама княгиня

Дашкова, сестра фаворитки, имевшая через мужа большие связи в гвардии. Сочувствовал делу и архиепископ новгородский Димитрий Сеченов, который по своему сану, разумеется, не мог принять прямого участия в заговоре. Но всего больше помогал делу втихомолку малороссийский гетман и президент Академии наук граф Кирилл Разумовский, богач, за щедрость чрезвычайно любимый в своем гвардейском Измайловском полку.

Настоящими дельцами предприятия была гвардейская офицерская молодежь, преображенцы Пассек и Бредихин, измайловцы Ласунский и братья Рославлевы, конногвардейцы Хитрово и унтер-офицер Потемкин. Центром, около которого соединялись эти офицеры, служило целое гнездо братьев Орловых, из которых особенно выдавались двое, Григорий и Алексей: силачи, рослые и красивые, ветреные и отчаянно-смелые, мастера устраивать по петербургским окраинам попойки и кулачные бои насмерть, они были известны во всех полках как идолы тогдашней гвардейской молодежи.

Старший из них, Григорий, артиллерийский офицер, давно был в сношениях с императрицей, которые искусно скрывались. Заговорщики делились на четыре отделения, во главе которых стояли особые вожди, собиравшиеся для совещаний. Впрочем, не было обычного конспиративного ритуала:

ни правильных собраний, ни рассчитанных приемов пропаганды; не заметно и подробно разработанного плана действий. Да в этом и не было надобности: гвардия давно была так воспитана целым рядом дворцовых переворотов, что не нуждалась в особой подготовке к подобному предприятию, лишь бы было популярное лицо, во имя которого всегда можно было поднять полки.

Накануне переворота Екатерина считала на своей стороне до 40 офицеров и до 10 тысяч солдат гвардии. Переворот не был нечаянным: его все ждали. Всего за неделю до него среди все усиливавшегося волнения по улицам столицы ходили толпы народа, особенно гвардейцев, и почти въявь «ругали» государя. Впечатлительные наблюдатели считали часы в ожидании взрыва.

Разумеется, к Петру шли доносы, а тот, веселый и беззаботный, не понимая серьезности положения, ни на что не обращал внимания и продолжал ветреничать в Ораниенбауме, не принимая никаких мер предосторожности, даже сам, как деятельный заговорщик против самого себя, раздувал тлевший огонь.

Окончив бесполезно для России одну войну, Петр затевал другую, еще менее полезную, разорвав с Данией, чтобы возвратить отнятый ею у Голштинии Шлезвиг. Воинственно двигая силы Русской империи на маленькую Данию для восстановления целости родной

Голштинии, Петр в то же время ратовал за свободу совести в России. Синоду 25 июня дан был указ, предписывавший равенство христианских вероисповеданий, необязательность постов, неосуждение грехов против седьмой заповеди, «ибо и Христос не осуждал», отобрание в казну всех монастырских крестьян; в заключение указ требовал от Синода непререкаемого исполнения всех мероприятий императора.

Сумасбродные распоряжения Петра побуждали верить самым невероятным слухам. Так, рассказывали, что он хочет развести всех придворных дам с их мужьями и перевенчать с другими по своему выбору, а для примера развестись с собственной женой и жениться на Елизавете Воронцовой, что, впрочем, могло случиться. Становится понятным общее молчаливое соглашение во что бы ни стало избавиться от такого самодержца. Выжидали только благоприятного случая, и его подготовлял сам Петр своей датской войной. Гвардия с огорчением ожидала приказа выступать в поход за границу, и приезд государя в Петербург на проводы Панин считал удобным моментом для переворота. Но взрыв был ускорен случайным обстоятельством.

К Пассеку вбежал встревоженный преображенский капрал с вопросом, скоро ли свергнут императора, и с известием, что им-

ператрица погибла; тревога солдат вызвана была слухами, какие распускали про Екатерину сами заговорщики. Пассек выпроводил солдата, уверив его, что ничего подобного не случилось, а тот бросился к другому офицеру, не принадлежавшему к заговору, и сказал ему то же самое, прибавив, что был уже у Пассека. Этот офицер донес о слышанном по начальству, и 27 июня Пассек был арестован. Арест его поднял на ноги всех заговорщиков, испугавшихся, что арестованный может выдать их под пыткой.

Ночью решено было послать Алексея Орлова за Екатериной, которая жила в Петергофе в ожидании дня именин императора (29 июня). Рано утром 28 июня А. Орлов вбежал в спальню к Екатерине и сказал, что Пассек арестован. Кое-как одевшись, императрица села с фрейлиной в карету Орлова, поместившегося на козлах, и была привезена прямо в Измайловский полк. Давно подготовленные солдаты по барабанному бою выбежали на площадь и тотчас присягнули, целуя руки, ноги, платье императрицы. Явился и сам полковник граф К. Разумовский. Затем в предшествии приводившего к присяге священника с крестом в руке двинулись в Семеновский полк, где повторилось то же самое.

Во главе обоих полков, сопровождаемая толпой народа, Екатерина поехала в Казанский собор, где на молебне ее возгласили са-

модержавной императрицей. Отсюда она отправилась в новоотстроенный Зимний дворец и застала там уже в сборе Сенат и Синод, которые беспрекословно присоединились к ней и присягнули. К движению примкнули конногвардейцы и преображенцы с некоторыми армейскими частями и в числе свыше 14 тысяч окружили дворец, восторженно приветствуя обходившую полки Екатерину; толпы народа вторили войскам.

Без возражений и колебаний присягали и должностные лица, и простые люди, все, кто ни попадал во дворец, всем тогда открытый. Все делалось как-то само собой, точно чья-то незримая рука заранее все приладила, всех согласила и вовремя оповестила. Сама Екатерина, видя, как радушно все ее приветствовали, ловили ее руку, объясняла это единодушие народным характером движения: все приняли в нем добровольное участие, чувствовали себя в нем самостоятельными деятелями, а не полицейскими куклами или любопытными зрителями.

Между тем наскоро составили и раздавали народу краткий манифест, который возвещал, что императрица по явному и нелицемерному желанию всех верных подданных вступила на престол, став на защиту Православной Русской Церкви, русской победной славы и внутренних порядков, совсем ниспроверженных.

Вечером 28 июня Екатерина во главе нескольких полков, верхом, в гвардейском мундире старого петровского покроя и в шляпе, украшенной зеленой дубовой веткой, с распущенными длинными волосами, рядом с княгиней Дашковой, тоже верхом и в гвардейском мундире, двинулась в Петергоф, куда в тот день должен был приехать из Ораниенбаума император со свитой, чтобы обедать в Монплезире, петергофском павильоне, где помещалась Екатерина.

С большим придворным обществом Петр подъехал к Монплезиру — он оказался пустым. Обшарили весь сад — нигде ее нет! Узнали, что императрица рано утром тайком уехала в Петербург. Все растерялись в недоумении. Три сановника, в том числе канцлер Воронцов, догадываясь в чем дело, вызвались ехать в Петербург разузнать, что там делается, и усовестить императрицу. Екатерина всенародно уверяла после, что им велено было даже убить ее в случае надобности.

Разведчики, приехав в Петербург, присягнули императрице и не воротились. Получив кое-какие известия из Петербурга, в Петергофе принялись рассылать адъютантов и гусар по всем дорогам к столице, писать приказы, давать советы, как поступить. Решено было захватить Кронштадт, чтобы оттуда действовать на столицу, пользуясь морскими силами. Но когда император

со свитой приблизился к крепости, оттуда было объявлено, что по нему будут стрелять, если он не удалится. У Петра не хватало духа, чтобы по совету Миниха спрыгнуть на берег или плыть к Ревелю, а оттуда в Померанию и стать во главе русской армии, находившейся за границей. Петр забился в самый низ галеры и среди рыданий сопровождавших экспедицию придворных дам поплыл назад в Ораниенбаум.

Попытка вступить в переговоры с императрицей не удалась; предложение помириться и разделить власть осталось без ответа. Тогда Петр принужден был собственноручно переписать и подписать присланный ему Екатериной акт якобы «самопроизвольного» клятвенного отречения от престола. Когда Екатерина со своими полками утром 29 июня заняла Петергоф, а Петр дал увезти себя туда из Ораниенбаума, его с трудом защитили от раздраженных солдат.

В петергофском дворце от непосильных потрясений с ним сделался обморок. Несколько времени спустя, когда пришел Панин, Петр бросился к нему, ловил его руки, прося его ходатайства, чтобы ему было позволено удержать при себе четыре особенно дорогие ему вещи: скрипку, любимую собаку, арапа и Елизавету Воронцову. Ему позволили удержать три первые вещи, а четвертую отослали в Москву и выдали замуж за Полянского.

Случайный гость русского престола, он мелькнул падучей звездой на русском политическом небосклоне, оставив всех в недоумении, зачем он на нем появлялся. Бывшего императора удалили в Ропшу, загородную мызу, подаренную ему императрицей Елизаветой, а Екатерина на другой день торжественно вступила в Петербург.

Так кончилась эта революция, самая веселая и деликатная из всех нам известных, не стоившая ни одной капли крови, настоящая дамская революция. Но она стоила очень много вина: в день въезда Екатерины в столицу, 30 июня, войскам были открыты все питейные заведения; солдаты и солдатки в бешеном восторге тащили и сливали в ушаты, бочонки, во что ни попало, водку, пиво, мед, шампанское. Три года спустя в Сенате еще производилось дело петербургских виноторговцев о вознаграждении их «за растащенные при благополучном ее величества на императорский престол восшествии виноградные напитки солдатством и другими людьми».

Дело 28 июня, завершая собою ряд дворцовых переворотов 18 в., не во всем было на них похоже. И оно было исполнено посредством гвардии; но его поддержало открыто выразившееся сочувствие столичного населения, придавшее ему народную окраску. Притом оно носило совсем иной политический характер. В 1725, 1730 и 1741 гг. гвардия

установляла или восстановляла привычную верховную власть в том или другом лице, которое вожди ее представляли ей законным наследником этой власти. В 1762 г. она выступала самостоятельной политической силой, притом не охранительной, как прежде, а революционной, низвергая законного носителя верховной власти, которому сама недавно присягала. К возмущенному национальному чувству примешивалось в ней самодовольное сознание, что она создает и дает отечеству свое правительство, хоть и незаконное, но которое лучше законного поймет и соблюдет его интересы.

Объясняя гвардейский энтузиазм, проявившийся в перевороте, Екатерина вскоре писала, что последний гвардейский солдат смотрел на нее как на дело рук своих. И в ответ на эту революционную лояльность своей гвардии Екатерина поспешила заявить, что узурпация может стать надежным залогом государственного порядка и народного благоденствия.

Когда в Петербурге улеглось движение, поднятое переворотом, излишества уличного патриотического ликования покрыты были торжественным актом, изъяснившим смысл совершившихся событий. Обнародован был второй, «обстоятельный» манифест от 6 июля. Это — и оправдание захвата, и исповедь, и обличение павшего властителя, и целая политическая программа. С беспощад-

ной откровенностью разоблачаются преступные или постыдные деяния и злоумышления бывшего императора, которые, по уверению манифеста, должны были привести к мятежу, цареубийству и гибели государства. Видя отечество гибнущее и вняв «присланным от народа избранным верноподданным», императрица отдала себя или на жертву за любезное отечество, или на избавление его от угрожавших опасностей. В лице низложенного императора манифест обличал и бичевал не злосчастную случайность, а самый строй русского государства. «Самовластие, — гласил манифест, — не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственно бывает причиною».

Никогда русская власть с высоты престола так откровенно не вещала своему народу такой печальной истины, что венец государственного здания, в коем он обитает, своим непрочным построением всегда грозит разрушить самое здание. В предотвращение этого бедствия императрица «наиторжественнейше» обещала своим императорским словом узаконить такие государственные установления, которые « в потомки» предохранили бы целость империи и самодержавной власти, а верных слуг отечества вывели бы «из уныния и оскорбления».

Но и у этого переворота, так весело и дружно разыгравшегося, был свой печальный и ненужный эпилог. В Ропше Петра поместили в одной комнате, воспретив выпускать его не только в сад, но и на террасу. Дворец окружен был гвардейским караулом. Приставники обращались с узником грубо; но главный наблюдатель Алексей Орлов был с ним ласков, занимал его, играл с ним в карты, ссужал его деньгами. С самого приезда в Ропшу Петру нездоровилось. Вечером того же 6 июля, когда был подписан манифест, Екатерина получила от А. Орлова записку, писанную испуганной и едва ли трезвой рукой. Можно было понять лишь одно: в тот день Петр за столом заспорил с одним из собеседников; Орлов и другие бросились их разнимать, но сделали это так неловко, что хилый узник оказался мертвым. «Не успели мы разнять, а его уже и не стало; сами не помним, что делали».

Екатерина, по ее словам, была тронута, даже поражена этой смертью. Но, писала она месяц спустя, «надо идти прямо— на меня не должно пасть подозрение». Вслед за торжественным манифестом 6 июля по церквам читали другой, от 7 июля, печальный, извещавший о смерти впавшего в прежестокую колику бывшего императора и приглашавший молиться «без злопамятствия» о спасении души почившего. Его привезли прямо в Александро-Невскую лавру и там скромно похоронили

рядом с бывшей правительницей Анной Леопольдовной. Весь Сенат просил Екатерину не присутствовать при погребении. *В. К-ский*

ОРЛО́В Григорий Григорьевич (06.10.1734–13.04.1783 гг.) — князь, русский государственный деятель, фаворит Екатерины II.

Григорий, как его отец и братья, получил образование в Сухопутном шляхетском корпусе и был выпущен в Преображенский полк. Он участвовал в Семилетней войне 1756–1763 гг. и был ранен при Цорндорфе, затем служил в артиллерии в Санкт-Петербурге и вскоре стал фаворитом цесаревны Екатерины Алексеевны, будущей императрицы Екатерины II. У них родился сын Алексей, получивший имя графа Бобринского. Григорий объединил и возглавил всех недовольных Петром III и фактически возглавил переворот 1762 г., возведшего на престол Екатерину II. Григорий фактически оказался первым лицом в государстве. Он получил графское, позднее княжеское достоинство, воинские и придворные звания, в т. ч. генерал-фельдцейхмейстера (командующего артиллерией) и камергера двора.

По отзывам современников, Орлов был разумным советником императрицы и участником многих полезных начинаний первого периода ее правления. Он помог Екатерине подготовить «Наказ», который использовали при составлении Уложения — свода законов. Сама

Екатерина отмечала смелость и решительность Орлова и в то же время бранила его за излишнюю мягкость. В 1865 г. Григорий Орлов стал первым президентом Вольного экономического общества, стремился распространять необходимые для земледелия знания, заботился об улучшении жизни крестьян.

В 1771 г. граф Орлов по поручению императрицы возглавил борьбу с чумой и усмирил «чумной бунт» в Москве. В Царском Селе в знак благодарности соорудили триумфальную арку с надписью: «Орловым от беды избавлена Москва».

Григорий Орлов всегда поддерживал борьбу греков против турецкого владычества. В 1772 г. он возглавил русскую делегацию на мирных переговорах с Турцией в Фокшанах. Турки намеренно затягивали переговоры, и Орлов самовольно вернулся оттуда в Петербург, не дожидаясь их завершения. Но его звезда уже закатилась. У Екатерины II появился новый фаворит — А. С. Васильчиков. Затем при дворе возвысился Г. А. Потемкин, и Орлов принял решение выйти в отставку (1775 г.). В 1777 г. он женился, но в 1781 г. его молодая жена умерла. От горя Г. Орлов потерял рассудок. Он пережил ее всего на два года. *В. С.*

ОРЛО́В-ЧЕСМЕ́НСКИЙ Алексей Григорьевич (24.09.1737–24.12.1807 гг.) — граф,

русский военный и политический деятель, генерал-аншеф, генерал-адмирал, один из пяти сыновей новгородского губернатора Григория Ивановича Орлова.

Сыновья Г. И. Орлова выделялись среди сверстников и ростом, и силой, но Алексей превосходил всех. Это был настоящий Геркулес, и его называли атаманом Алеханом. Как его отец и братья, Алексей окончил Сухопутный шляхетский корпус и был выпущен в Преображенский полк.

Вместе с братьями Федором и Григорием, фаворитом Екатерины Алексеевны, Алексей был во главе переворота 1762 г., возведшего Екатерину на престол. За это он получил графское достоинство, был произведен в генерал-майоры и пожалован огромными имениями. Алексей отвез Петра III в поместье Ропша, где охранял его до тех пор, пока он не был убит своими охранниками. Начальником охраны был сам Алексей, и есть предположения, что именно он убил Петра III. Позднее силач и красавец Алексей Орлов стал фаворитом Екатерины II. Он приобрел громадное влияние на ход государственных дел, хотя и не занимал крупных постов в правительстве и не обладал талантом выдающегося политического деятеля.

В 1768–1769 гг. Орлов разработал план военно-морской экспедиции против Турции в Средиземном море, и в 1770 г. возглавил мор-

ские и сухопутные русские силы, действовавшие на островах Архипелага. Под командованием Орлова русские эскадры разбили турок в сражении у Наварина и битве при Чесме, где турецкий флот был полностью уничтожен. Это открыло русскому флоту быстрый путь к завоеванию Архипелага, который Россия удерживала до заключения Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г.

В кон. 1774 г., по поручению Екатерины II, Орлов организовал захват самозванки княжны Таракановой, которая объявила себя дочерью императрицы Елизаветы Петровны. Из Рагузы (Дубровника) «бродяжка» была доставлена в Петропавловскую крепость, где и умерла.

В 1775 г. Орлов стал именоваться Орловым-Чесменским, вышел в отставку и поселился в своем подмосковном имении Нескучное. Между всевозможными забавами — цыганами, кулачными боями, гуляньями, конными скачками и т. п.— он особенно занимался лошадьми. В его имениях выведены две новые породы: орловский рысак и верховая.

Император Павел I выслал Орлова за границу. Он жил в Лейпциге и Карлсбаде, возглавлял там местные стрелковые общества и был кумиром горожан. При Александре I во время Отечественной войны 1812 г. он формировал милицейские ополчения.

После смерти А. Г. Орлов-Чесменский оставил, по словам современников, 5 млн рублей и 30 тыс. душ крепостных.

Единственная дочь Орлова, Анна Алексеевна (1785–1848 гг.), одна из богатейших невест России, вовсе отказалась от светской жизни. Она тяжело переживала участие отца в убийстве Петра III и желала искупить его вину. Она занималась благотворительностью и, продав часть отцовских имений, удалилась (в т. ч. под влиянием архимандрита Фотия) в Юрьевский монастырь, не принимая, однако, монашеского пострига. *В. С.*

Письмо Алексея Орлова Екатерине II о смерти Петра III

Матушка, милосердная государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному своему рабу; но как перед Богом скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть; но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка — его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руки на Государя! Но, Государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором, не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали; но все до единого виноваты, до-

стойны казни. Помилуй меня, хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил; прогневали тебя и погубили души на век.

На пороге перемен

ОБЗОР ИЗЛОЖЕННОГО. Читая манифест 6 июля, чувствуем, что стоим на каком-то важном переломе русской жизни. Он сулил нечто новое или дотоле не удававшееся, именно закономерное государство. Оглянемся несколько назад, чтобы видеть, как мало такое государство было подготовлено, как мысль о нем, вспыхивая по временам, скоро гасла.

До конца 16 в. мы наблюдали русское государство, державшееся еще на основах вотчинного порядка, в котором государство считалось не народным союзом, а фамильным достоянием государя, подданный знал только свои обязанности, не имея законом обеспеченных прав. Казалось, Смутное время должно было очистить государство от последних остатков этого порядка, народ своими силами вышел из безурядицы, избрал новую династию, которая не строила государства, как ее предшественница, и не могла считать его своей вотчиной; он показал, что способен стать деятельным участником государственного строения, перестав служить простым строительным материалом.

Действительно, после Смуты наблюдаем в московской государственной жизни два течения, из которых одно промывало себе новое земское русло, хотя другое тянуло к покину-

тым приказным берегам. Но по мере удаления от своего источника новая струя постепенно наклонялась к старой и к концу 17 в. слилась с нею. Вместе с новой династией оживали прежние вотчинные понятия и привычки.

Родоначальник новой династии в своих правительственных актах старался показать народу, что видит в себе не народного избранника, а племянника царя Федора и в этом родстве полагает истинную основу своей власти. Народная самодеятельность, вызванная Смутой, правда, закреплялась во всесословном земском соборе; но в то же время падало его естественное основание, местное земское самоуправление, и сам земский собор не отлился в твердое постоянное учреждение, скоро утратил свой первоначальный всесословный состав и, наконец, замер, заметенный вихрем петровской реформы.

Петр I своими понятиями и стремлениями близко подошел к идее правового государства: он видел цель государства в добре общем, в народном благе, не в династическом интересе, а средство для ее достижения — в законности, в крепком хранении «прав гражданских и политических»; свою власть он считал не своей наследственной собственностью, а должностью царя, свою деятельность — служением государству.

Но обстоятельства и привычки помешали ему привести свое дело в полное согласие с

собственными понятиями и намерениями. Обстоятельства вынуждали его работать больше в области политики, чем права, а от предшественников он унаследовал два вредных политических предрассудка — веру в творческую мощь власти и уверенность в неистощимости народных сил и народного терпения. Он не останавливался ни перед чьим правом, ни перед какой народной жертвой. Став преобразователем в европейском духе, он сберег в себе слишком много московского, допетровского царя, не считался ни с правосознанием народа, ни с народной психологией и надеялся искоренить вековой обычай, водворить новое понятие так же легко, как изменял покрой платья или ширину фабричного сукна

Вводя все насильственно, даже общественную самодеятельность вызывая принуждением, он строил правомерный порядок на общем бесправии, и потому в его правомерном государстве рядом с властью и законом не оказалось всеоживляющего элемента, свободного лица, гражданина.

Петру не удалось укрепить свою идею государства в народном сознании, а после него она погасла и в правительственных умах. Законным преемникам Петра, его внуку и дочери, была недоступна его государственная идея. Остальные смены приносили на престол нечаянных властителей, даже инородцев, которые не могли видеть в России

не только своей вотчины, но и своего отечества. Государство замкнулось во дворце. Правительства, охранявшие власть даже не как династическое достояние, а просто как захват, которого не умели оправдать перед народом, нуждались не в народной, а в военно-полицейской опоре.

Но мутная волна дворцовых переворотов, фаворов и опал своим прибоем постепенно наносила вокруг престола нечто похожее на правящий класс с пестрым социальным составом, но с однофасонным складом понятий и нравов. Это была только новая формация военно-служилого класса, давно действовавшего при дворе московских государей-вотчинников под командой бояр.

В опричнине Грозного этот класс получил яркую политическую окраску — как полицейский охранный корпус, направленный против боярской и земской крамолы. В 17 в. верхний слой его, столичное дворянство, поглощая в себя остатки боярства, становился на его место в управлении, а при Петре Великом, преобразованный в гвардию и приправленный дозой иностранцев, сверх того предназначался стать проводником западной культуры и военной техники. Государство не скупилось на вознаграждение дворянства за его административные и военные заслуги, увеличивало податное бремя народа на содержание дворян, роздало им огромное количество госу-

дарственных земель и даже закрепостило за ними до двух третей сельского населения.

Наконец, после Петра дворянство во всем своем составе через гвардию делает случайные правительства, освобождается от обязательной службы и с новыми правами становится господствующим сословием, держащим в своих руках и управление и народное хозяйство. Так формировалось это сословие из века в век, перелицовываясь по нуждам государства и по воспринимаемым попутно влияниям. К моменту воцарения Екатерины II оно составило народ в политическом смысле слова, и при его содействии дворцовое государство преемников Петра I получило вид государства сословно-дворянского. Правовое народное государство было еще впереди и неблизко. *В. К-ский*

ОСНОВНОЙ ФАКТ ЭПОХИ. Манифест Екатерины II от 6 июля 1762 г. возвестил о новой силе, имевшей впредь направлять государственную жизнь России. Доселе единственным двигателем этой жизни, признанным в единственном основном законе империи, в уставе Петра Великого о престолонаследии, была всевластная воля государя, личное усмотрение. Екатерина объявила в манифесте, что самодержавное самовластие само по себе, без случайной, необязательной узды добрых и человеколюбивых качеств есть зло, пагубное

для государства. Торжественно были обещаны законы, которые указывали бы всем государственным учреждениям пределы их деятельности. Как проводилось в государственную жизнь возвещенное начало законности, в этом интерес царствования Екатерины II и ее преемников; как случилось, что именно Екатерине II пришлось возвестить это начало, в этом интерес ее личности, ее судьбы и характера. *В. К-ский*

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ

Июньский переворот 1762 г. сделал Екатерину II самодержавной русской императрицей. С самого начала 18 в. носителями верховной власти у нас были люди либо необычайные, как Петр Великий, либо случайные, каковы были его преемники и преемницы. Екатерина II замыкает собою ряд этих исключительных явлений 18 в. Ее царствование было продолжительным и плодотворным. Она создала целую эпоху в нашей истории. Далее пойдут уже царствования по законному порядку и в духе установившегося обычая.

« Я хотела быть русской...»

ЕКАТЕРИ́НА II АЛЕКСЕ́ЕВНА (21.04.1729–06.11.1796 гг.) — российская императрица с 28.06.1762 г.

Екатерина II, в девичестве Софья Августа Фредерика Ангальт-Цербстская родилась в г. Штеттине в Померании. Ее отцом был Христиан Август Ангальт-Цербстский, выходец из обедневшего княжеского рода Северной Германии, генерал-майор армии прусского короля Фридриха II.

В 1744 г., когда девушке было 15 лет, ее сватали наследнику российского императорского престола, великому князю Петру Федоровичу. В феврале 1744 г., по приглашению императрицы Елизаветы Петровны, она вместе со своей матерью приехала в Москву, где в это время находилась российская императрица со своим двором. Через несколько месяцев София Августа приняла православие и получила новое имя — Екатерина Алексеевна. Свадьба с Петром Федоровичем состоялась 21 августа 1745 г. в Санкт-Петербурге.

С самого начала отношения между молодыми супругами не сложились. Петр больше интересовался игрушками и солдатами, чем своей молодой женой. Невнимание мужа оскорбляло Екатерину. Ее отношения с императрицей Елизаветой были напряженными,

и Екатерина делала все возможное для того, чтобы завоевать популярность при дворе и в гвардии. Великая княгиня серьезно и ревностно исполняла все православные обряды, очень быстро освоила русский язык. Благодаря уму, обаянию и природному такту ей удалось заручиться расположением многих елизаветинских вельмож. Влияние Екатерины Алексеевны при дворе, среди гвардии и дворянства постоянно росло.

Екатерина думала, что страна может стать могучей и богатой только в руках просвещенного государя. Она читала произведения Платона, Плутарха, Тацита, труды французских просветителей Монтескье и Вольтера. Так ей удалось восполнить пробелы своего образования и получить основательные знания в области истории и философии.

25 декабря 1761 г. скончалась императрица Елизавета Петровна. На престол вступил супруг Екатерины Алексеевны — Петр III. Он заключил союз с Пруссией, отказался от побед России в Семилетней войне и начал терять прежних союзников России. Петр возвышал и приближал к себе немцев, прежде всего своих родственников. Его политика вызывала острую неприязнь у гвардии и дворянства. Недовольство не смог смягчить даже Манифест о вольности дворянской, обнародованный 18 февраля 1762 г. Против Петра III сложился заговор придворных и гвардейцев,

центром которого стала его честолюбивая супруга Екатерина Алексеевна, а главными организаторами — братья Орловы. 28 июня 1762 г. произошел дворцовый переворот. Опираясь на Измайловский и Семеновский гвардейские полки, Екатерина отстранила от власти своего супруга, а себя провозгласила императрицей.

Взойдя на престол, Екатерина II постаралась осуществить программу преобразований в экономической и политической жизни России. В 1767 г. в Москве начала свою работу Уложенная комиссия по разработке нового Уложения — Свода законов Российской империи. К началу работы комиссии Екатерина подготовила «Наказ», призванный стать основой для создания Уложения. Самой подходящей формой правления для России императрица считала абсолютную монархию. Вместе с тем, по ее мнению, надо было ввести законы, которые защищали бы основные права подданных. Императрица настаивала на необходимости равенства всех перед законом. Но Екатерина вовсе не собиралась лишать дворянство, которое было ее опорой, его главного богатства — крепостных крестьян. Она не помышляла о воле для крестьян — были лишь общие рассуждения о гуманном обращении помещиков с крестьянами.

При Екатерине в России впервые появились выборные суды. Они избирались отдельно для дворян, для городских жителей и для

государственных крестьян. (Крепостных судил сам помещик.) Суд должен стать гласным, и без его решения никто не мог быть признан виновным. В «Наказе» Екатерина выступала противницей пыток и смертной казни. Она отстаивала необходимость развития торговой и промышленной деятельности, строительства новых городов, внесения порядка в вопросы земледелия.

С самого начала работы Комиссии вскрылись острые противоречия между представителями разных сословных групп, входивших в нее. В 1768 г. деятельность этого органа была приостановлена, а затем и вовсе прекращена.

Екатерина продолжила свои реформы в 1775 г., после подавления восстания Е. И. Пугачева. Однако теперь она не стремилась к составлению законов, защищающих права своих подданных, а заботилась лишь об укреплении основ российской государственности и повышении дисциплины.

7 ноября 1775 г. было издано «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». Его целью было усилить административный аппарат на местах и дать в руки провинциальному дворянству средства к подавлению крестьянских восстаний. Число губерний увеличилось с 20 до 51. Каждая из них делилась на уезды. Население губерний составляло 300–400 тыс. жителей, а уезда — 20–30 тыс.

Главной заслугой Екатерины II в области просвещения и культуры было создание в России системы начального образования для детей из всех сословий, кроме крепостных крестьян. Врачебная помощь также стала делом государственным. Каждый город обязан был иметь аптеку и больницу. Екатерина одной из первых в России сделала себе прививку от оспы. Так было положено начало вакцинации.

21 апреля 1785 г. были опубликованы «Жалованные грамоты» дворянству и городам. Дворянству предоставлялось исключительное право владения крестьянами, землями и недрами земли; право основывать заводы и фабрики и оптом продавать все, что производится в их вотчинах; право заводить на своих землях торги и ярмарки. Дворяне освобождались от налогов и телесных наказаний. Уездные дворяне раз в три года должны были собираться в центральном городе уезда и выбирать из своей среды местную администрацию. Города получали право на выборное самоуправление.

Екатерина II проводила активную внешнюю политику. В результате двух успешных русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 гг. к России отошли Крымский полуостров и вся территория Северного Причерноморья. Россия получила выход к Черному морю, и ей больше не угрожали набеги крымских татар.

Теперь можно было осваивать черноземные степи. На Черном море был создан Черноморский флот.

В 1788 г. на территорию Российской империи вторглись шведские войска, но война оказалась для Швеции безрезультатной: она не получила никаких территорий. В 1772–1795 гг. Россия приняла участие в трех разделах Речи Посполитой, в результате которых к Российской империи присоединились территории Белоруссии, Западной Украины, Литвы и Курляндии.

Екатерина II была крайне обеспокоена началом революции во Франции в 1789 г. Казнь Людовика XVI в 1793 г. вызвала ее возмущение. Императрица разрешила въезд в Россию французским эмигрантам и оказывала им открытую финансовую поддержку. Все торговые и дипломатические отношения с Францией были разорваны. Началась подготовка к войне, которая прекратилась только после смерти императрицы в 1796 г.

Екатерина выдвигала на высшие государственные, военные и административные должности людей, уже проявивших свои способности. Среди них были Г. А. Потемкин, П. А. Румянцев, З. Г. Чернышев, братья Г. Г. и А. Г. Орловы, Я. Е. Сиверс и др. В годы правления Екатерины II своими победами прославились А. В. Суворов и адмирал Ф. Ф. Ушаков.

В последние годы жизни перед Екатериной II встал вопрос о наследнике престола. Императрица опасалась, что сын, Павел Петрович, своими начинаниями может погубить дело всей ее жизни.

Перед смертью Екатерина II попыталась через голову Павла передать императорский престол своему внуку Александру Павловичу. Но Александр не хотел вступать в ссору с отцом, и целый ряд влиятельных сановников помешали умирающей императрице осуществить эту последнюю политическую интригу. Умерла Екатерина II 6 ноября 1796 г. Ее похоронили в Петропавловской крепости. На российский престол вступил ее сын Павел.

При Екатерине II Россия превратилась в мощное государство, по праву занявшее место великой державы на мировой арене. Однако самодержавие и крепостное право при ней только окрепли. Эти факты не укладывались в круг идей европейского Просвещения, которые разделяла Екатерина II. *И. В.*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЦАРИЦЫ. Екатерина по матери принадлежала к голштейн-готторпскому княжескому роду, одному из многочисленных княжеских родов Северной Германии, а по отцу — к другому тамошнему же и еще более мелкому владетельному роду — ангальт-цербстскому. Отец Екатерины, Христиан Август из цербст-дорнбургской

линии ангальтского дома, подобно многим своим соседям, мелким северогерманским князьям, состоял на службе у прусского короля, был полковым командиром, комендантом, а потом губернатором города Штеттина, неудачно баллотировался в курляндские герцоги и кончил свою экстерриториальную службу прусским фельдмаршалом, возведенный в это звание по протекции русской императрицы Елизаветы. В Штеттине и родилась у него (21 апреля 1729 г.) дочь Софья-Августа, наша Екатерина. Таким образом, эта принцесса соединяла в своем лице два мелких княжеских дома северо-западной Германии.

Эта Северо-Западная Германия представляла в 18 в. любопытный во многих отношениях уголок Европы. Здесь средневековый немецкий феодализм донашивал тогда сам себя, свои последние династические регалии и генеалогические предания. С бесконечными фамильными делениями и подразделениями, с принцами брауншвейг-люнебургскими и брауншвейг-вольфенбюттельскими, саксен-гомбургскими, саксен-кобургскими, саксен-готскими и саксен-кобург-готскими, мекленбург-шверинскими и мекленбург-стрелицкими, шлезвиг-голштейнскими, голштейн-готторпскими и готторп-эйтинскими, ангальт-дессаускими, ангальт-цербстскими и цербст-дорнбургскими это был запоздалый феодальный муравейник, суетливый и в боль-

шинстве бедный, донельзя переродившийся и перессорившийся, копошившийся в тесной обстановке со скудным бюджетом и с воображением, охотно улетавшим за пределы тесного родного гнезда.

В этом кругу все жило надеждами на счастливый случай, расчетами на родственные связи и заграничные конъюнктуры, на желанные сплетения неожиданных обстоятельств. Потому здесь всегда сберегались в потребном запасе маленькие женихи, которые искали больших невест, и бедные невесты, тосковавшие по богатым женихам, наконец, наследники и наследницы, дожидавшиеся вакантных престолов. Понятно, такие вкусы воспитывали политических космополитов, которые думали не о родине, а о карьере и для которых родина была везде, где удавалась карьера. Здесь жить в чужих людях было фамильным промыслом, служить при чужом дворе и наследовать чужое — династическим заветом. Вот почему этот мелкокняжеский мирок получил в 18 в. немаловажное международное значение: отсюда не раз выходили маленькие принцы, игравшие иногда крупные роли в судьбах больших европейских держав, в том числе и России. Мекленбург, Брауншвейг, Гольштиния, Ангальт-Цербст поочередно высылали и к нам таких политических странников-чужедомов в виде принцев, принцесс и простых служак на жалованье.

Благодаря тому что одна из дочерей Петра Великого вышла за герцога голштинского, этот дом получил значение и в нашей истории. Родичи Екатерины по матери, прямые и боковые, с самого начала 18 в. либо служили на чужбине, либо путем браков искали престолов на стороне. Дед ее (по боковой линии) Фридрих Карл, женатый на сестре Карла XII шведского, в начале Северной войны сложил голову в одном бою, сражаясь в войсках своего шурина. Один ее двоюродный дядя, сын этого Фридриха Карла, герцог Карл Фридрих женился на старшей дочери Петра I Анне и имел неудачные виды на шведский престол. Зато сына его Карла Петра Ульриха, родившегося в 1728 г. и рождением своим похоронившего мать, шведы в 1742 г., при окончании неудачной войны с Россией, избрали в наследники шведского престола, чтобы этой любезностью задобрить его тетку, русскую императрицу, и смягчить условия мира; но Елизавета уже перехватила племянника для своего престола, а вместо него навязала шведам не без ущерба для русских интересов другого голштинского принца — Адольфа-Фридриха, родного дядю Екатерины, которого русское правительство прежде проводило уже в герцоги курляндские. Другой родной дядя Екатерины из голштинских — Карл — был объявлен женихом самой Елизаветы, когда она была еще цесаревной, и только

скорая смерть принца помешала ему стать ее мужем.

Ввиду таких фамильных случаев один старый каноник в Брауншвейге мог, не напрягая своего пророческого дара, сказать матери Екатерины: «На лбу вашей дочери я вижу по крайней мере три короны». Мир уже привыкал видеть в мелком немецком княжье головы, которых ждали чужие короны, остававшиеся без своих голов.

Екатерина родилась в скромной обстановке прусского генерала из мелких немецких князей и росла резвой, шаловливой, даже бедовой девочкой, любившей попроказить над старшими, особенно надзирательницами, щегольнуть отвагой перед мальчиками и умевшей не смигнуть, когда трусила. Родители не отягощали ее своими воспитательными заботами. Отец ее был усердный служака, а мать, Иоанна-Елизавета, — неуживчивая и непоседная женщина, которую так и тянуло на ссору и кляузу, ходячая интрига, воплощенное приключение; ей было везде хорошо, только не дома.

На своем веку она исколесила чуть не всю Европу, побывала в любой столице, служила Фридриху Великому по таким дипломатическим делам, за которые стеснялись браться настоящие дипломаты, чем заслужила большой респект у великого короля, и незадолго до воцарения дочери умерла в Париже в очень

стесненном положении, потому что Фридрих скупо оплачивал услуги своих агентов.

Екатерина могла только благодарить судьбу за то, что мать редко бывала дома: в воспитании детей штеттинская комендантша придерживалась простейших правил, и Екатерина сама потом признавалась, что за всякий промах приучена была ждать материнских пощечин. Ей не исполнилось и 15 лет, когда в нее влюбился один из ее голштинских дядей, состоявший на саксонской, а потом на прусской службе, и даже добился от племянницы согласия выйти за него замуж. Но чисто голштинская встреча благоприятных обстоятельств разрушила эту раннюю идиллию и отвела ангальт-цербстскую принцессу от скромной доли прусской полковницы или генеральши, чтобы оправдать пророчество брауншвейгского каноника, доставив ей не три, а только одну корону, но зато стоившую десяти немецких.

Во-первых, императрица Елизавета, несмотря на позднейшие увлечения своего шаткого сердца, до конца жизни хранила нежную память о своем так рано умершем голштинском женихе и оказывала внимание его племяннице с матерью, посылая им безделки вроде своего портрета, украшенного бриллиантами в 18 тыс. тогдашних рублей (не менее 100 тыс. нынешних). Такие подарки служили семье штеттинского губернатора, а потом прусско-

го фельдмаршала немалым подспорьем в ненастные дни жизни.

А затем Екатерине много помогла ее фамильная незначительность. В то время петербургский двор искал невесты для наследника русского престола и дальновидные петербургские политики советовали Елизавете направить поиски к какому-нибудь скромному владетельному дому, потому что невестка крупного династического происхождения, пожалуй, не будет оказывать должного послушания и почтения императрице и своему мужу. Наконец, в числе сватов, старавшихся пристроить Екатерину в Петербурге, было одно довольно значительное лицо в тогдашней Европе — сам король прусский Фридрих II. После разбойничьего захвата Силезии у Австрии он нуждался в дружбе Швеции и России и думал упрочить ее женитьбой наследников обеих этих держав. Елизавете очень хотелось женить своего племянника на прусской принцессе, но Фридриху жаль было расходовать свою сестру на русских варваров, и он наметил ее за шведского наследника упомянутого выше ставленника Елизаветы из голштинских Адольфа-Фридриха для подкрепления своей дипломатической агентуры в Стокгольме, а за русского наследника хотел испоместить дочь своего верного фельдмаршала, бывшего штеттинского губернатора, рассчитывая создать из нее тоже надежного

агента в столице страшной для него империи. Он сам признается в своих записках с большим самодовольством, что брак Петра и Екатерины — его дело, его идея, что он считал его необходимым для государственных интересов Пруссии и в Екатерине он видел лицо, наиболее пригодное для их обеспечения со стороны Петербурга.

Все это и решило выбор Елизаветы, несмотря на то или скорее, между прочим, потому, что невеста по матери приходилась троюродной сестрой своему жениху. Елизавета считала голштинскую родню своей семьей и видела в этом браке свое семейное дело. Оставалось успокоить отца, строгого лютеранина старой ортодоксальной школы, не допускавшего мысли о переходе дочери в греческую ересь, но его убедили, что религия у русских почти что лютеранская и даже почитание святых у них не приемлется.

Помыслы 14-летней Екатерины шли навстречу тонким расчетам великого короля. В ней рано проснулся фамильный инстинкт: по ее признанию, уже с 7 лет у нее в голове начала бродить мысль о короне, разумеется чужой, а когда принц Петр голштинский стал наследником русского престола, она «во глубине души предназначала себя ему», потому что считала эту партию самой значительной из всех возможных; позднее она откровенно признается в своих записках, что по приезде в

Россию русская корона ей больше нравилась, чем особа ее жениха.

Когда (в январе 1744 г.) из Петербурга пришло к матери в Цербст приглашение немедленно ехать с дочерью в Россию, Екатерина уговорила родителей решиться на эту поездку. Мать даже обиделась за своего влюбленного брата, которому Екатерина уже дала слово. «А мой брат Георг, что он скажет?» — укоризненно спросила мать. «Он только может желать моего счастья», — отвечала дочь, покраснев. И вот, окутанные глубокой тайной, под чужим именем, точно собравшись на недоброе дело, мать с дочерью спешно пустились в Россию и в феврале представились в Москве Елизавете. Весь политический мир Европы дался диву, узнав о таком выборе русской императрицы.

Тотчас по приезде к Екатерине приставили учителей закона божия, русского языка и танцев — это были три основные предмета высшего образования при национально-православном и танцевальном дворе Елизаветы. Еще не освоившись с русским языком, заучив всего несколько расхожих фраз, Екатерина затвердила, «как попугай», составленное для нее исповедание веры и месяцев через пять по приезде в Россию при обряде присоединения к православию произнесла это исповедание в дворцовой церкви внятно и громко, нигде не запнувшись; ей дано было

православное имя Екатерины Алексеевны в честь матери-императрицы.

Это было первое торжественное ее выступление на придворной сцене, вызвавшее общее одобрение и даже слезы умиления у зрителей, но сама она, по замечанию иноземного посла, не проронила слезинки и держалась настоящей героиней. Императрица пожаловала новообращенной аграф и складень бриллиантовый в несколько сот тысяч рублей. На другой день, 29 июня 1744 г., чету обручили, а в августе 1745 г. обвенчали, отпраздновав свадьбу 10-дневными торжествами, перед которыми померкли сказки Востока. *В. К-ский*

ДВОР ЕЛИЗАВЕТЫ. Екатерина приехала в Россию совсем бедной невестой; она сама потом признавалась, что привезла с собой всего дюжину сорочек, да три-четыре платья, и то сшитые на вексель, присланный из Петербурга на путевые издержки; у нее не было даже постельного белья. Этого было очень мало, чтобы жить прилично при русском дворе, где во время одного дворцового пожара у Елизаветы сгорела только частица ее гардероба — до 4 тыс. платьев.

Свои дворцовые наблюдения и впечатления тех лет Екатерина вспоминала потом с самодовольным спокойствием человека, издалека оглядывающегося на пройденную грязную дорогу. Дворец представлял не то ма-

скарад с переодеванием, не то игорный дом. Дамы меняли костюмы по два, по три раза в день, императрица — даже до пяти раз, почти никогда не надевая два раза одного и того же платья. С утра до вечера шла азартная игра на крупные суммы среди сплетен, подпольных интриг, пересудов, наушничества и флирта, флирта без конца. По вечерам сама императрица принимала деятельное участие в игре. Карты спасали придворное общежитие: другого общего примиряющего интереса не было у этих людей, которые, ежедневно встречаясь во дворце, сердечно ненавидели друг друга. Говорить прилично между собою им было не о чем; показать свой ум они умели только во взаимном злословии; заводить речь о науке, искусстве или о чем-либо подобном остерегались, будучи круглыми невеждами; половина этого общества, по словам Екатерины, наверное, еле умела читать и едва ли треть умела писать.

Это была мундирная придворная лакейская, нравами и понятиями мало отличавшаяся от ливрейной, несмотря на присутствие в ее среде громких старофамильных имен, титулованных и простых. Когда играл фаворит граф А. Разумовский, сам держа банк и нарочно проигрывая, чтобы поддержать славу тороватого барина, статс-дамы и другие придворные крали у него деньги; действительный тайный советник и президент вот-

чинной коллегии министр своего рода князь Одоевский однажды тысячи полторы в шляпе перетаскал, отдавая краденые деньги в сенях своему слуге.

С этими сановниками и поступали, как с лакеями. Жена самого бойкого государственного дельца при Елизавете — графа П. И. Шувалова служила молебны, когда ее муж возвращался с охоты того же Разумовского, не высеченный добродушным фаворитом, который бывал буен, когда напивался. Екатерина рассказывает, что раз на празднике в Ораниенбауме Петр III на глазах у дипломатического корпуса и сотни русских гостей высек своих любимцев: шталмейстера Нарышкина, генерал-лейтенанта Мельгунова и тайного советника Волкова. Полоумный самодержец поступал со своими сановными фаворитами, как пьяный фаворит умной самодержицы мог поступить с любым придворным сановником.

Тон придворной жизни давала сама императрица. Символизируя размеры и богатство своей империи, она являлась на публичных выходах в огромных фижмах и усыпанная брильянтами, ездила к Троице молиться во всех русских орденах, тогда существовавших. В будничном обиходе дворца царили неряшество и каприз; ни порядок придворной жизни, ни комнаты, ни выходы дворца не были устроены толково и уютно; случалось, навстречу иноземному послу, являв-

шемуся во дворец на аудиенцию, выносили всякий сор из внутренних покоев. Придворные дамы во всем должны были подражать императрице, но ни в чем не превосходить ее; осмелившиеся родиться красивее ее и одеться изящнее неминуемо шли на ее гнев: за эти качества она раз при всем дворе срезала ножницами «прелестное украшение из лент» на голове у обер-егермейстерши Нарышкиной.

Раз ей понадобилось обрить свои белокурые волосы, которые она красила в черный цвет. Сейчас приказ всем придворным дамам обрить головы. С плачем расставались они со своими прическами, заменяя их безобразными черными париками. А то однажды, раздраженная неладами своих четырех фаворитов, она в первый день пасхи разбранила всех своих 40 горничных, дала нагоняй певчим и священнику, испортила всем пасхальное настроение. Любя веселье, она хотела, чтобы окружающие развлекали ее веселым говором, но беда — обмолвиться при ней хотя одним словом о болезнях, покойниках, о прусском короле, о Вольтере, о красивых женщинах, о науках, и все большею частью осторожно молчали. Елизавета с досадой бросала на стол салфетку и уходила. *В. К-ский*

ПОЛОЖЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ ПРИ ДВОРЕ. Екатерина ехала в Россию с мечтой о короне,

а не о семейном счастье. Но в первое время по приезде она поддалась было иллюзии счастливого будущего: ей казалось, что великий князь любит ее даже страстно; императрица говорила, что любит ее почти больше, чем великого князя, осыпала ее ласками и подарками, из которых самые маленькие были в 10–15 тыс. руб. Но она скоро отрезвилась, почувствовав опасности, какими грозил ей двор, где образ мыслей был, переводя возможно мягче ее выражение, низкий и испорченный (lache et corrompue). Почва затряслась под ее ногами.

Раз у Троицы сидят они с женихом на окне и смеются. Вдруг из комнат императрицы выбегает ее лейб-медик Лесток и объявляет молодой чете: «Скоро ваше веселье кончится». Потом, обратившись к Екатерине, он продолжал: «Укладывайте ваши вещи; вы скоро отправитесь в обратный путь домой!» Оказалось, что мать Екатерины перессорилась с придворными, замешалась в интригу французского уполномоченного, маркиза Шетарди, и Елизавета решилась выслать неугомонную губернаторшу с дочерью за границу. Ее потом и выслали, только без дочери.

При этой опасности нежданной разлуки жених дал понять невесте, что расстался бы с нею без сожаления. «Со своей стороны я, — прибавляет она как бы в отместку, — зная его свойства, и я не пожалела бы его, но к русской

короне я не была так равнодушна». Незадолго до свадьбы она раздумалась над своим будущим. Сердце не предвещало ей счастья; замужество сулило ей одни неприятности. «Одно честолюбие меня поддерживало, — добавляет она, припоминая эти дни много после в своих записках, — в глубине души моей было я не знаю, что такое, что ни на минуту не оставляло во мне сомнения, что рано или поздно я добьюсь своего, сделаюсь самодержавной русской императрицей».

Это предчувствие помогало ей не замечать или терпеливо переносить многочисленные терния, которыми был усыпан ее жизненный путь. После свадьбы 16-летняя вещая мечтательница вступила в продолжительную школу испытаний. Серо и черство началась ее семейная жизнь с 17-летним вечным недорослком. Впрочем, самые тяжкие уроки шли не со стороны мужа. С ним она еще кое-как, с грехом пополам уживалась. Он играл в свои куклы и солдаты, наделав глупостей, обращался за советом к жене, и та выручала его, выдавал ее с головой в ее затруднениях, то принимался обучать ее ружейным приемам и ставить на караул, то ругал ее, когда проигрывал ей в карты, поверял ей свои амурные делишки с ее фрейлинами и горничными, нисколько не интересовался ее мыслями и чувствами и предоставлял ей заниматься вдоволь своими слезами и книгами.

Так изо дня в день через длинный ряд лет тянулась супружеская жизнь, в которой царило полное равнодушие друг к другу, чуть не дружеское взаимное безучастие супругов, не имевших ничего общего, даже обоюдной ненависти, хотя они жили под одной кровлей и носили звание жены и мужа — не самый высокий, зато довольно привычный сорт семейного счастья в тех кругах.

Настоящей тиранкой Екатерины была «дорогая тетушка». Елизавета держала ее, как дикую птицу в клетке, не позволяла ей выходить без спросу на прогулку, даже сходить в баню и переставить мебель в своих комнатах, иметь чернила и перья. Окружающие не смели говорить с ней вполголоса; к родителям она могла посылать только письма, составленные в Коллегии иностранных дел; следили за каждым ее шагом, каждое слово подслушивалось и переносилось императрице с наговорами и вымыслами; сквозь замочные скважины подсматривали, что она делает одна в своих комнатах. Люди из прислуги, которым она оказывала доверие или внимание, тотчас изгонялись из дворца.

Раз по оскорбительному доносу ее заставили говеть в неурочное время только для того, чтобы через духовника выяснить ее отношения к красивому лакею, с которым она обменялась несколькими словами через залу в присутствии рабочих, и чтобы живее дать

ей почувствовать, что для набожного двора нет ничего святого, именем императрицы ей запретили долго плакать по умершем отце на том основании, что он не был королем: не велика-де потеря.

До поздних лет Екатерина не могла без сердечного возмущения вспомнить о таком бессердечии. Ласки и безумно щедрые подарки чередовались с более частыми грубыми выговорами, которые были тем обиднее, что нередко пересылались через лакеев; делая это лично, Елизавета доходила до исступления, грозившего побоями. «Не проходило дня, — пишет Екатерина, — чтобы меня не бранили и не ябедничали на меня» После одной из непристойных сцен, когда Елизавета наговорила «тысячу гнусностей», Екатерина поддалась было ужасному порыву: вошедшая к ней горничная застала ее с большим ножом в руке, который, к счастью, оказался так туп, что не одолел даже корсета. *В. К-ский*

ОБРАЗ ДЕЙСТВИЙ ЕКАТЕРИНЫ. Это был минутный упадок духа перед невзгодами жизни. Но Екатерина явилась в Россию со значительной подготовкой ко всяким житейским невзгодам. В ранней молодости она многое видела. Родившись в Штеттине, она подолгу живала на попечении бабушки в Гамбурге, бывала в Брауншвейге, в Киле и в самом Берлине, где видела двор прусского короля. Все это

помогло ей собрать обильный запас наблюдений и опытов, развило в ней житейскую сноровку, привычку распознавать людей, будило размышление. Может быть, эта житейская наблюдательность и вдумчивость при ее природной живости была причиной и ее ранней зрелости: в 14 лет она казалась уже взрослой девушкой, поражала всех высоким ростом и развитостью не по летам.

Екатерина получила воспитание, которое рано освободило ее от излишних предрассудков, мешающих житейским успехам. В то время Германия была наводнена французскими гугенотами, бежавшими из отечества после отмены Нантского эдикта Людовиком XIV. Эти эмигранты принадлежали большею частью к трудолюбивому французскому мещанству; они скоро захватили в свои руки городские ремесла в Германии и начинали овладевать воспитанием детей в высших кругах немецкого общества.

Екатерину обучали закону божию и другим предметам французский придворный проповедник патер Перар, ревностный служитель папы, лютеранские пасторы Дове и Вагнер, которые презирали папу, школьный учитель кальвинист Лоран, который презирал и Лютера и папу, а когда она приехала в Петербург, наставником ее в греко-российской вере назначен был православный архимандрит Симон Тодорский, который со своим богослов-

ским образованием, довершенным в немецком университете, мог только равнодушно относиться и к папе, и к Лютеру, и к Кальвину, ко всем вероисповедным делителям единой христианской истины.

Можно понять, какой разнообразный запас религиозных миросозерцаний и житейских взглядов можно было набрать при столь энциклопедическом подборе вероучителей. Это разнообразие, сливавшееся в бойкой 15-летней голове в хаотическое религиозное безразличие, очень пригодилось Екатерине, когда в ней, заброшенной к петербургскому двору ангальт-цербст-голштинской судьбой и собственным честолюбием, по ее словам, среди непрерывных огорчений «только надежда или виды не на небесный венец, а именно на венец земной поддерживали дух и мужество»

Для осуществления этих видов понадобились все наличные средства, какими ссудили ее природа и воспитание и какие она приобрела собственными усилиями. В детстве ей твердили, и она сама знала с семи лет, что она очень некрасива, даже совсем дурнушка, но знала и то, что она очень умна. Поэтому недочеты наружности предстояло восполнять усиленной разработкой духовных качеств. Цель, с какой она ехала в Россию, дала своеобразное направление этой работе. Она решила, что для осуществления честолюбивой мечты, глубоко запавшей в ее душу, ей необходимо всем

нравиться, прежде всего мужу, императрице и народу. Эта задача сложилась уже в ее 15-летней голове в целый план, о котором она говорит приподнятым тоном, не без религиозного одушевления, как об одном из важнейших дел своей жизни, совершавшемся не без воли провидения. План составлялся, по ее признанию, без чьего-либо участия, был плодом ее ума и души и никогда не выходил у нее из виду: «Все, что я ни делала, всегда клонилось к этому, и вся моя жизнь была изысканием средств, как этого достигнуть».

Для этого она не щадила ни своего ума, ни сердца, пуская в оборот все средства от искренней привязанности до простой угодливости. Задача облегчалась тем, что она хотела нравиться надобным людям независимо как от их достоинств, так и от своего внутреннего к ним отношения; умные и добрые были благодарны ей за то, что она их понимает и ценит, а злые и глупые с удовольствием замечали, что она считает их добрыми и умными; тех и других она заставляла думать о ней лучше, чем она думала о них.

Руководясь такой тактикой, она обращалась со всеми как можно лучше, старалась снискать себе расположение всех вообще, больших и малых, или по крайней мере смягчить неприязнь людей, к ней не расположенных, поставила себе за правило думать, что она во всех нуждается, не держалась никакой

партии, ни во что не вмешивалась, всегда показывала веселый вид, была предупредительна, внимательна и вежлива со всеми, никому не давая предпочтения, оказывала великую почтительность матушке, которой не любила, беспредельную покорность императрице, над которой смеялась, отличное внимание к мужу, которого презирала, — «одним словом, всеми средствами старалась снискать расположение публики», к которой одинаково причисляла и матушку, и императрицу, и мужа.

Поставив себе за правило нравиться людям, с какими ей приходилось жить, она усваивала их образ действий, манеры, нравы и ничем не пренебрегала, чтобы хорошенько освоиться с обществом, в которое втолкнула ее судьба. Она вся превратилась, по ее словам, в зрителя, весьма страдательного, весьма скромного и даже видимо равнодушного, между тем прибегала к расспросам прислуги, обоими ушами слушала россказни словоохотливой камерфрау, знавшей соблазнительную хронику всех придворных русских фамилий со времен Петра Великого и даже раньше, запаслась от нее множеством анекдотов, весьма пригодившихся ей для познания окружавшего ее общества, наконец, не брезгала даже подслушиванием. Во время продолжительной и тяжкой болезни вскоре по приезде в Россию Екатерина привыкла лежать с закрытыми глазами; думая, что она спит, приставленные к ней придворные

женщины, не стесняясь, делились друг с другом россказнями, из которых она, не разрушая их заблуждения, узнавала много такого, чего никогда не узнала бы без такой уловки.

«Я хотела быть русской, чтобы русские меня любили». По усвоенному ею способу нравиться это значило и жить по-русски, т. е. как жили толкавшиеся перед ней русские придворные. В первое время, по ее словам, она «с головой окунулась» во все дрязги двора, где игра и туалет наполняли день, стала много заботиться о нарядах, вникать в придворные сплетни, азартно играть и сильно проигрываться, наконец, заметив, что при дворе все любят подарки от последнего лакея до великого князя — наследника, принялась сорить деньги направо и налево; стоило кому похвалить при ней что-нибудь, ей казалось уже стыдно этого не подарить. Назначенных ей на личные расходы 30 тыс. руб. не хватало, и она входила в долги, за что получала обидные выговоры от императрицы. Она занимала десятки тысяч даже с помощью английского посла, что уже было близко к политическому подкупу, и к концу жизни Елизаветы довела свой кредит до такого истощения, что не на что стало сшить платья к Рождеству.

К тому времени по ее смете, не считая принятых ею на себя долгов матери, она задолжала свыше полумиллиона — не менее 3 $^{1}/_{2}$ млн руб. на наши деньги — «страшная сумма,

которую я выплатила по частям лишь по восшествии своем на престол». Она прилагала свое правило и к другой хорошо подмеченной ею особенности елизаветинского двора, где религиозное чувство сполна разменялось на церковные повинности, исполняемые за страх или из приличия, подчас не без чувствительности, но и без всякого беспокойства для совести.

С самого прибытия в Россию она прилежно изучала обряды русской церкви, строго держала посты, много и усердно молилась, особенно при людях, даже иногда превосходя в этом желания набожной Елизаветы, но страшно сердя тем своего мужа. В первый год замужества Екатерина говела на первой неделе Великого поста. Императрица выразила желание, чтобы она попостилась и вторую неделю. Екатерина ответила ей просьбой позволить ей есть постное все семь недель. Не раз заставали ее перед образами с молитвенником в руках. *В. К-ский*

ЕЕ ЗАНЯТИЯ. Как ни была она гибка, как ни гнулась под русские придворные нравы и вкусы, окружающие чувствовали и давали ей понять, что она им не ко двору, не их поля ягода. Ни придворные развлечения, ни осторожное кокетство с придворными кавалерами, ни долгие остановки перед зеркалом, ни целодневная езда верхом, ни летние охотничьи

блуждания с ружьем на плече по прибрежьям под Петергофом или Ораниенбаумом не заглушали чувства скуки и одиночества, просыпавшегося в ней в минуты раздумья. Покинуть родину для далекой страны, где надеялась найти второе отечество, и очутиться среди людей одичалых и враждебных, где слова по душе сказать не с кем и никого не приручишь никакой уживчивостью, — в таком положении минутами меркла светлая мечта честолюбия, которая завела ее в такую нелюдимую пустыню.

В первое время Екатерина много плакала втихомолку. Но всегда готовая к борьбе и самообороне, она не хотела сдаваться и из уныния сделала средство самовоспитания, духовного закала. Всего больше боялась она показаться жалкой, беззащитной жертвой. Выходки императрицы возмущали ее как человека; пренебрежение со стороны мужа оскорбляло ее как жену и как женщину; самолюбие ее страдало, но из гордости она не показывала своих страданий, не жаловалась на свое унижение, чтобы не стать предметом обидного сострадания. Наедине она обливалась слезами, но тотчас тихонько утирала глаза и с веселым лицом выбегала к своим фрейлинам.

Настоящую, надежную союзницу в борьбе со скукой Екатерина встретила в книге. Но она не сразу нашла свою литературу. В Германии и в первое время по приезде в Россию

она не обнаруживала особой охоты к чтению. Незадолго до свадьбы один образованный и уважаемый ею иностранец, опасаясь тлетворного влияния русского двора на ее ум, посоветовал ей читать серьезные книги, между прочим, «Жизнь Цицерона» и Монтескье о причинах величия и упадка Римской республики. С большим трудом [она] достала эти книги в Петербурге, но прочла две страницы о Цицероне, потом принялась за Монтескье, который заставил ее задуматься, но, не будучи в состоянии читать последовательно, она стала зевать и, сказав, вот хорошая книга, бросила ее, чтобы вернуться к нарядам.

Однако невыносимо бестолковая жизнь, какую устроила своей племяннице Елизавета, пошлая компания (linsipite compagnie), какой окружена была Екатерина, бессмысленные разговоры, которые она каждый день вокруг себя слышала, научили ее читать внимательнее, сделали для нее книгу убежищем от тоски и скуки. После свадьбы она, по ее словам, только и делала, что читала. «Никогда без книги и никогда без горя, но всегда без развлечений» — так очерчивает Екатерина свое тогдашнее времяпровождение. В шутливой эпитафии, которую она написала себе самой в 1778 г., она признается, что в течение 18 лет скуки и уединения (замужество) она имела достаточно времени, чтобы прочитать много книг.

Сначала она без разбора читала романы; потом ей попались под руку сочинения Вольтера, которые произвели решительный перелом в выборе ее чтения: она не могла от них оторваться и не хотела, прибавляет она в письме к самому Вольтеру, читать ничего, что не было так же хорошо написано и из чего нельзя было бы извлечь столько пользы. Но чтение не было для нее только развлечением. Потом она принимается за историю Германии, изданную в 1748 г. французским каноником Барром в 10 тяжеловесных томах, усидчиво прочитывая по одному тому в 8 дней, столь же регулярно изучает огромный, в четырех объемистых томах философский словарь Бэйля, прочитывая по тому в полгода.

Трудно даже представить себе, как она справлялась с этим словарем, продираясь сквозь чащу ученых цитат, богословских и философских учений, не все в них понимая, и как производила в своей голове логическое размещение познаний, извлекаемых из источника в алфавитном беспорядке. В то же время она прочитала множество русских книг, какие могла достать, не пугаясь очень трудных по неуклюжему изложению. Екатерина превращала свой спорт в регулярную работу, а работу любила доводить до крайнего напряжения сил, терпеливо коротала долгие часы в своей комнате за Барром или Бэйлем, как летом в Ораниенбауме по целым утрам блужда-

ла с ружьем на плече или по 13 часов в сутки скакала верхом. Ее не пугало переутомление. Словно она пробовала себя, делала смотр своим силам, физическим и умственным; ее как будто занимало в чтении не столько содержание читаемого, сколько упражнение внимания, гимнастика ума.

И она изощрила свое внимание, расширила емкость своей мысли, без труда прочитала даже «Дух законов» Монтескье, вышедший в том же 1748 г., не швырнула его, зевая, со словами, что это хорошая книга, как прежде поступила она с другой книгой того же писателя, а «Анналы» Тацита своей глубокой политической печалью произвели даже необыкновенный переворот в ее голове, заставив ее видеть многие вещи в черном свете и углубляться в интересы, которыми движутся явления, проносящиеся перед глазами. *В. К-ский*

«Или умру, или буду царствовать»

ИСПЫТАНИЯ И УСПЕХИ. Екатерина не могла корпеть над своими учеными книгами спокойной академической отшельницей: придворная политика, от которой ее ревниво и грубо отталкивали, задевала ее за живое, била прямо по чувству личной безопасности. Ее выписали из Германии с единственной целью добыть для русского престола запасного наследника на всякий случай при физической и духовной неблагонадежности штатного. Долго, целых 9 лет, не могла она исполнить этого поручения и за такое замедление потерпела немало горестей. Впрочем, и рождение великого князя Павла (20 сентября 1754 г.) не заслужило ей приличного с ней обращения. Напротив, с ней стали поступать, как с человеком, исполнившим заказанное дело и ни на что более не нужным.

Новорожденного как государственную собственность тотчас отобрали от матери и впервые показали ей только спустя 40 дней. Больную, заливавшуюся слезами и стонавшую, бросили одну без призора в дурном помещении между дверьми и плохо затворявшимися окнами, не переменяли ей белья, не давали пить. В это время великий князь на радостях пил со своей компанией, едва повернувшись у

жены, чтобы сказать ей, что ему некогда с ней оставаться.

Императрица подарила Екатерине 100 тыс. руб. за рождение сына. «А мне зачем ничего не дали?»— сказал страшно рассерженный Петр. Елизавета велела и ему дать столько же. Но в кабинете не оказалось ни копейки, и секретарь кабинета ради бога выпросил у Екатерины взаймы пожалованные ей деньги, чтобы передать их великому князю.

Она старалась укрепить свое шаткое положение, всеми мерами и с заслуженным успехом приобретая сочувствие в обществе. Она хорошо говорила и даже порядочно писала по-русски; господствовавшая при дворе безграмотность извиняла ее промахи в синтаксисе и особенно в орфографии, где она в слове из трех букв делала четыре ошибки (исчо — еще). В ней замечали большие познания о русском государстве, какие редко встречались тогда среди придворного и правительственного невежества. По словам Екатерины, она, наконец, добилась того, что на нее стали смотреть, как на интересную и очень неглупую молодую особу, а иноземные послы незадолго до Семилетней войны писали про Екатерину, что теперь ее не только любят, но и боятся, и многие, даже те, кто находится в лучших отношениях к императрице, все-таки ищут случая под рукой угодить и великой княгине. *В. К-ский*

ГРАФ А. П. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН. Но общественное мнение в России и тогда, как всегда, было плохой опорой всякого политического положения. Екатерина искала более надежного союзника. Чрезвычайно пронырливый и подозрительный, непоколебимый в своих мнениях, упорный, деспотичный и мстительный, неуживчивый и часто мелочный, как характеризует его Екатерина, канцлер граф А. П. Бестужев-Рюмин резко выделялся из толпы придворных ничтожеств, какими окружала себя Елизавета. Заграничный выученик Петра Великого, много лет занимавший дипломатические посты за границей, Бестужев-Рюмин хорошо знал отношения европейских кабинетов. Потом — креатура Бирона в кабинете министров императрицы Анны, присужденный к четвертованию, но помилованный после падения регента и из ссылки призванный к делам императрицей Елизаветой, он приобрел мастерство держаться при петербургском дворе, в среде, лишенной всякой нравственной и политической устойчивости.

Ум его, весь сотканный из придворных каверз и дипломатических конъюнктур, привык додумывать каждую мысль до конца, каждую интригу доплетать до последнего узла, до всевозможных последствий. Раз составив мнение, он проводил его во что бы ни стало, ничего не жалея и никого не щадя. Он решил,

что захватчивый король прусский опасен для России, и не хотел идти ни на какие сделки с разбойничьим государством, каким тогда слыла в Европе Пруссия.

Он и Екатерину встретил враждебно, видя в ней прусского агента. И этому врагу, от которого она ждала себе всякого зла, она первая протянула руку, подхваченную с недипломатической доверчивостью. И они стали друзьями, как люди, молчаливо понявшие друг друга и умевшие вовремя забыть, чего не следовало помнить, приберегая, однако, за пазухой камень друг против друга. Их сблизили общие враги и опасности.

С императрицей начались болезненные припадки. В случае ее смерти при императоре Петре III, настоящем прусском агенте, Бестужеву грозила ссылка из-за Пруссии, Екатерине — развод и монастырь из-за Воронцовой. Личные и партийные вражды усугубляли опасность. В женские царствования 18 в. фавориты заместили роль прежних цариц, приводивших ко двору свою родню, которая и мутила придворную жизнь. У дряхлевшей Елизаветы явился новейший молодой фаворит И. И. Шувалов, который поднял придворный курс своей фамилии с ее приверженцами. Они увеличили число врагов страшного и ненавистного канцлера, которыми и без того был полон двор; они стали недругами и Екатерины за ее дружбу с Бес-

тужевым. Оба друга насторожились и стали готовиться.

Бестужев сочинил и сообщил Екатерине план, по которому она в случае смерти Елизаветы провозглашалась соправительницей своего мужа, а канцлер, оставаясь руководителем внешней политики, становился во главе гвардейских полков и всего военного управления, сухопутного и морского. Но соправительство с мужем обещало Екатерине быть не более удачным, чем было супружество. Она хотела полной, а не долевой власти, решилась, по ее словам, царствовать или погибнуть. «Или умру, или буду царствовать», — писала она своим друзьям. Она стала запасаться средствами и сторонниками, выпросила взаймы на подарки и подкупы 10 тыс. фунтов стерлингов у английского короля, обязавшись честным словом действовать в общих англо-русских интересах, стала помышлять о привлечении гвардии к делу в случае смерти Елизаветы, вступила в тайное соглашение об этом с гетманом К. Разумовским, командиром одного из гвардейских полков; вмешивалась исподтишка при участии канцлера в текущие политические дела.

Но Семилетняя война налетела вихрем на обоих заговорщиков; канцлер повалился. Екатерина удержалась на ногах. Бестужев-Рюмин привык соединять в своей вражде Пруссию и Францию, дружа Англии, а английская пенсия

в 12 тыс. руб., подкрепляя 7-тысячный русский канцлерский оклад, подогревала его неостывавшее убеждение в единстве интересов России и Англии. Теперь международные отношения перевернулись: Франция очутилась на стороне врагов Пруссии, а Англия дружила Фридриху.

Бестужев не умел извернуться; Шуваловы подорвали доверие к нему Елизаветы, и в феврале 1758 г. он был арестован. Он и Екатерина успели сжечь опасные бумаги; но следствие вскрыло их секретные сношения, ее переписку с главнокомандующим русской армией, действовавшей против Фридриха, строго воспрещенное вмешательство в политику. Императрица была страшно раздражена. В обществе пошли толки, будто Екатерину собираются выслать из России. «Надобно раздавить змею», — шептали Петру враги Екатерины.

Придворные боялись говорить с ней, как с опальной. Непристойная выходка великого князя сделала ее положение еще более щекотливым. Около того времени она опять готовилась стать матерью. Шальной супруг по этому поводу высказал окружающим свое крайнее недоумение. Екатерина выпрямилась во весь свой рост и приготовилась к самообороне. На угрозу высылкой она отвечала встречным ходом, написала императрице по-русски решительное письмо с просьбой отпустить ее

домой в Германию, так как жить в России среди ненависти мужа и немилости императрицы стало для нее невыносимо. Елизавета обещала поговорить с ней; но разговор заставил ждать себя томительно долго. Екатерина измучилась и исплакалась, похудела, наконец, сказалась больной и потребовала духовника. Встревоженный гофмаршал граф А. Шувалов привел докторов, но она объявила им, что, умирая, нуждается в духовной помощи, что душа ее в опасности, а телу врачи уж больше не нужны.

Дубянский, ее и императрицын духовник, выслушав ее подробный рассказ о своем положении, мигом устроил дело. Через день, уже за полночь, Екатерину позвали. Фаворит советовал ей для успеха оказать императрице хоть маленькую покорность. Екатерина пошла и на большую, бросилась на колени перед Елизаветой и не встала, когда та попыталась поднять ее. «Вы хотите, чтобы я отпустила вас к родным? — сказала Елизавета со слезами на глазах, — но у вас дети». — «Они в ваших руках, и лучше для них ничего не может быть». — «Но как объяснить обществу эту высылку?» — возразила Елизавета. — «Ваше величество объявите, если найдете удобным, чем я навлекла на себя вашу немилость и ненависть великого князя». — «А чем вы будете жить у своих родных?» — «Чем жила перед тем, как вы удостоили взять меня сюда».

Елизавета была сбита с позиции и, вторично велев Екатерине встать, в раздумье отошла в сторону, чтобы сообразить, что делать дальше. Вспомнив, что она пришла распекать великую княгиню, она принялась упрекать ее во вмешательстве не в свои дела, в политику, попрекнула ее чрезмерной гордостью, напомнила, как четыре года назад она не хотела поклониться ей, императрице, как следует, и прибавила: «Вы воображаете, что никого нет умнее вас».

Екатерина отвечала на все отчетливо и почтительно, а на последний упрек возразила, что если бы она так думала о себе, то не допустила бы себя до настоящего глупого положения. Во все это время великий князь поодаль шептался с графом Шуваловым. Уверенный, что Екатерине не выздороветь, он на радостях в этот самый день дал своей Воронцовой слово жениться на ней, как только овдовеет. Теперь, вовлеченный в разговор, в досаде, что Екатерина вовсе не собирается умирать, он набросился на нее. Та отвечала твердо и сдержанно на его озлобленные и нелепые речи.

Ходя взад и вперед по комнате, Елизавета все более смягчалась и, подошедши к Екатерине, доброжелательно вполголоса сказала ей: «У меня еще много о чем говорить с вами», и при этом дала ей понять, что не хочет говорить при свидетелях. «Я также не могу говорить, как ни сильно хочется мне открыть

вам мое сердце и душу», — поспешила сказать Екатерина чуть слышно. Задушевный шепот дошел по назначению, тронул Елизавету; у ней навернулись слезы, и, чтобы скрыть свое волнение, «она отпустила нас» под предлогом позднего часа. Так описывает сама Екатерина этот полуторачасовой томительный разговор. Две захватчицы престола сцепились, и будущая одолела: ее же потом упрашивали не делать того, чем ей грозили, отказаться от мысли о возвращении в отечество, сильно-де печалившей императрицу и всех честных людей. Впечатление, вынесенное из разговора, Елизавета выразила окружающим в отзыве, что племянник ее — дурак, а великая княгиня очень умна. *В. К-ский*

ЕКАТЕРИНА ПРИ ИМПЕРАТОРЕ ПЕТРЕ III. Так Екатерина с бою взяла свое положение и к концу царствования Елизаветы настолько его упрочила, что благополучно прошла сквозь все придворные превратности. Умея уступить печальным обстоятельствам, она примирилась с незавидным положением молодой брошенной жены, даже извлекла из этого положения свои выгоды. Супружеский раздор помог разъединению политической судьбы супругов: жена пошла своей дорогой. Под конец жизни Елизавета совсем опустилась; ежедневные занятия ее, по словам Екатерины, сделались сплошною цепью капри-

зов, ханжества и распущенности; нервы ее, развинченные мелкими раздражениями зависти и тщеславия, не давали ей покоя; ее мучила боязнь, как бы и ее не постигла участь, какую она сама устроила Анне Леопольдовне. Женщина без твердых правил и без всякого серьезного дела, но настолько умная, чтобы понимать нелепость своего положения, она впала в безысходную скуку, от которой спасалась только тем, что спала, сколько было возможно. В таком состоянии она могла уступить настойчивому представлению приближенных о необходимости изменить престолонаследие.

При дворе одни думали о шестилетнем цесаревиче Павле с удалением из России обоих его родителей, другие хотели выслать только отца, видя в матери опору порядка; те и другие с тревогой ждали смерти Елизаветы, ничего не чая от ее племянника для России, кроме бедствий. В самой Елизавете эта тревога доходила минутами до ужаса, но, отвыкнув думать о чем-либо серьезно, она колебалась, а фавориты не внушили ей решимости.

Воцарился Петр III. С первых же дней его царствования с Екатериной стали обращаться презрительно. Но роль жертвы была уже ей знакома; французский посол Бретейль в своих депешах вел дневник ее исполнения. В начале апреля 1762 г. он писал: «Императрица старается вооружиться философией, хотя это

и противно ее характеру». В другой депеше он сообщает: «Люди, видающие императрицу, говорят, что она неузнаваема, чахнет и, вероятно, скоро сойдет в могилу».

Но она не сошла в могилу, но все время твердым, хотя и неслышным шагом шла по намеченному пути, подкрадываясь к престолу. Весь Петербург, приходя во дворец поклониться праху Елизаветы, видел Екатерину в глубоком трауре благоговейно стоящей у гроба покойной. При погребении она усерднее всех исполняла похоронные обряды русской церкви; и духовенство и народ были этим очень тронуты, и тем больше крепло их доверие к ней среди усиливавшегося ропота на безумства императора. По словам того же посла, она строго соблюдала все праздники и посты, все, к чему император относился так легкомысленно и к чему русские так неравнодушны. Тот же посол вопреки апрельскому пророчеству о скорой смерти императрицы в начале июня должен был написать, что императрица обнаруживает мужество, ее любят и уважают все в такой же степени, в какой ненавидят императора.

Мы видели, как воспользовалась Екатерина общим недовольством, особенно в гвардии, и со своими сообщниками произвела переворот, положивший конец шестимесячному царствованию Петра III. *В. К-ский*

ХАРАКТЕР. Она родилась в неприветливой доле и рано спозналась с лишениями и тревогами, неразлучными с необеспеченным положением. Но из родной обстановки, бедной и тесной, судьба в ранней молодости бросала ее на широкие и шумные политические сцены, где действовали крупные люди и делались крупные дела. Здесь Екатерина видела много славы и власти, обилие блеска и богатства, встречала людей, которые всем рисковали для приобретения этого, подобно Фридриху II, видела и людей, которые путем риска добивались всего этого, подобно императрице Елизавете. Виденные примеры соблазняли, возбуждали аппетит честолюбия, побуждая напрягать все силы в эту сторону, а Екатерина от природы не была лишена качеств, из которых при надлежащей выработке выделываются таланты, необходимые для успеха на таком соблазнительном и скользком поприще.

Екатерина выросла с мыслью, что ей самой надобно прокладывать себе дорогу, делать карьеру, вырабатывать качества, необходимые для этого, а замужество доставило ей отличную практику такой работы, не только указало цель ее честолюбию, но и сделало достижение этой цели вопросом личной безопасности. И она умело повела свою работу. С детства ей толковали, что она некрасива, и это рано заставило ее учиться искусству нра-

виться, искать в душе того, чего недоставало наружности. Чтобы быть чем-нибудь на свете, писала она, припоминая свои детские думы, надобно иметь нужные для того качества; заглянем-ка хорошенько внутрь себя, имеются ли у нас такие качества, а если их нет, то разовьем их. И она открывала или развивала в себе свойства высокой житейской ценности, отчетливое знание своего духовного инвентаря, самообладание без сухости, живость без возбуждения, гибкость без вертлявости, решительность без опрометчивости.

Ее трудно было застать врасплох; она всегда была в полном сборе; частый смотр держал ее силы наготове, в состоянии мобилизации, и в житейских столкновениях она легко направляла их против людей и обстоятельств. В обращении она пускала в ход бесподобное умение слушать, терпеливо и внимательно выслушивать всякий вздор, угадывать настроение, робкие или не находившие слов мысли собеседника и шла им на подмогу. Это подкупало, внушало доверие, располагало к откровенности; собеседник чувствовал себя легко и непринужденно, словно разговаривал сам с собой. К тому же наперекор обычной наклонности людей замечать чужие слабости, чтобы пользоваться ими во вред другим, Екатерина предпочитала изучать сильные стороны других, которые при случае можно обратить в свою пользу, и умела указать их самому обла-

дателю. Люди вообще не любят чужих поисков в своей душе, но не сердятся, даже бывают тронуты, когда в них открывают достоинства, особенно малозаметные для них самих. В этом умении дать человеку почувствовать, что есть в нем лучшего, — тайна неотразимого обаяния, какое, по словам испытавшей его на себе княгини Дашковой, Екатерина производила на тех, кому хотела нравиться, а она хотела нравиться всем и всегда, считая это своим ремеслом.

Усвоенная ею манера обхождения с людьми сослужила ей неоценимую службу в правительственной деятельности. Она обладала в высокой степени искусством, которое принято называть даром внушения, умела не приказывать, а подсказывать свои желания, которые во внушаемом уме незаметно перерождались в его собственные идеи и тем усерднее исполнялись. Наблюдательное обращение с людьми научило ее узнавать их коньки, и, посадив такого дельца на его конька, она предоставляла ему бежать, как мальчику верхом на палочке, и он бежал и бежал, усердно подстегивая самого себя.

Она умела чужое самолюбие делать орудием своего честолюбия, чужую слабость обращать в свою силу. Своим обхождением она облагообразила жизнь русского двора, в прежние царствования походившего не то на цыганский табор, не то на увеселительное ме-

сто. Заведен был порядок времяпровождения; не требовались строгие нравы, но обязательны были приличные манеры и пристойное поведение. Вежливая простота обхождения самой Екатерины даже с дворцовыми слугами была совершенным новшеством после обычной грубости прежнего времени. Только под старость она стала слабеть, капризничать и прикрикивать, впрочем, всегда извиняясь перед обиженным с признанием, что становится нетерпеливой. Как с людьми, точно так же поступала она и с обстоятельствами.

Она старалась примениться ко всякой обстановке, в какую попадала, как бы она ни была противна ее вкусам и правилам. «Я, как Алкивиад, уживусь и в Спарте, и в Афинах», — говаривала она, любя сравнивать себя с героями древности. Но это значит поступаться своими местными привязанностями, даже нравственными убеждениями. Так что же? Она ведь была эмигрантка, добровольно променявшая природное отечество на политическое, на чужбину, избранную поприщем деятельности. Любовь к отечеству была для нее воспоминанием детства, а не текущим чувством, не постоянным мотивом жизни. Ее происхождение мелкой принцессы северной Германии, гибкость ее природы, наконец, дух века помогли ей отрешиться от территориального патриотизма. Из ангальт-цербстского лукошка ей было нетрудно подняться на космополитическую

точку зрения, на которую садилась тогдашняя философская мысль Европы, а Екатерина сама признавалась, что «свободна от предрассудков, и от природы ума философского».

При всем том она была слишком конкретный человек, слишком живо чувствовала свои реальные аппетиты, чтобы витать в заоблачной космополитической пустыне, довольствуясь голодной идеей всечеловечества. Ее манила земная даль, а не небесная высь. Оправдываясь в усвоении образа жизни русского двора, о котором она отзывалась как нельзя хуже, она писала в записках, что ставила себе за правило нравиться людям, с какими ей приходилось жить. Необходимость жить с людьми не по выбору заставила ее с помощью философского анализа пополнить это правило, чтобы спасти хоть тень нравственной независимости: среди чужих и противных людей жить по-ихнему, но думать по-своему.

Для Екатерины жить смолоду значило работать, а так как ее житейская цель состояла в том, чтобы уговорить людей помочь ей выбиться из ее темной доли, то ее житейской работой стала обработка людей и обстоятельств. По самому свойству этой работы она в других нуждалась гораздо больше, чем другие нуждались в ней. Притом судьба заставила ее долго вращаться среди людей, более сильных, но менее дальновидных, которые вспоминали об ней только тогда, когда она им надобилась.

Потому она рано усвоила себе мысль, что лучшее средство пользоваться обстоятельствами и людьми — это плыть до времени по течению первых и служить не слепым, но послушным орудием в руках вторых. Она не раз отдавалась в чужие руки, но только для того, чтобы ее донесли до желаемого ею места, до которого она не могла сама добраться. В этом житейском правиле источник сильных и слабых свойств ее характера и деятельности.

Применяясь к людям, чтобы приручить их, она и с их стороны ждала взаимности, расположения стать ручными. Людей упрямых, с неподатливым характером или готовых идти напролом она не любила; они и не подходили к ней или уходили от нее, так что ее победы над чужими душами облегчались нечувствительным для нее подбором субъектов. С другой стороны, она была способна к напряжению, к усиленному, даже непосильному труду и потому себе и другим казалась сильнее самой себя. Но она больше привыкла работать над своими манерами и над способом обращения с людьми, чем над самой собой, над своими чувствами и побуждениями; потому ее манеры и обращение с людьми были лучше ее чувств и побуждений.

В ее мышлении было больше гибкости и восприимчивости, чем глубины и вдумчивости, больше выправки, чем творчества. Недостаток нравственного внимания и самодеятель-

ной мысли сбивали Екатерину с правильного пути развития, на который она была поставлена своей счастливой природой. Она рано поняла, что познание людей каждый должен начинать с самого себя. Екатерина принадлежала к числу довольно редких людей, умеющих взглянуть на себя со стороны, как говорится, объективно, как на любопытного прохожего. Она подмечала в себе слабости и недостатки с каким-то самодовольством, не прикрашивая их, называя настоящими именами, без малейшего угрызения совести, без всякого позыва к сожалению или раскаянию.

Будучи 15 лет, она написала наскоро для одного образованного иностранца свой философский портрет. Спустя 13 лет она перечитала это свое изображение «философа в 15 лет» и была поражена, что в таком возрасте так уже хорошо знала все изгибы и тайники своей души. Это удивление и было каплей искусительного яда, попавшей в ее самопознание. Она не сводила глаз с любопытного прохожего, и на ее глазах он вырастал в обаятельный образ; природная гордость и закал души среди горестей делали для него невыносимой мысль быть несчастным; он являлся рыцарем чести и благородства и даже начинал перерождаться из женщины в мужчину.

Екатерина пишет про себя в записках, что у нее ум и характер, несравненно более мужской, чем женский, хотя при ней оставались

все приятные качества женщины, достойной любви. Древо самопознания без достаточного нравственного удобрения дало нездоровый плод — самомнение. В сочинениях Екатерины отразились и разнообразные интересы, и увлечения ее возбужденной мысли. Немка по рождению, француженка по любимому языку и воспитанию, она занимает видное место в ряду русских писателей 18 в.

У нее были две страсти, с летами превратившиеся в привычки или ежедневные потребности, — читать и писать. В свою жизнь она прочитала необъятное количество книг. Уже в преклонные лета она признавалась своему секретарю Храповицкому, что читала книг по шести вдруг. Начитанность возбуждала ее литературную производительность. Она много писала по-французски и даже по-русски, хотя с ошибками, над которыми подшучивала. Обойтись без книги и пера ей было так же трудно, как Петру I без топора и токарного станка. Она признавалась, что не понимает, как можно провести день, не измарав хотя одного листа бумаги.

Академия наук издала ее сочинения в 12 объемистых томах. Она писала в самых разнообразных родах: детские нравоучительные сказки, педагогические инструкции, политические памфлеты, драматические пьесы, автобиографические записки, сотрудничала в журналах, переводила из Плутарха жизнь Ал-

кивиада и даже составила житие преп. Сергия Радонежского. Когда у нее появились внуки, она принялась для них за русские летописи, заказывала выписки и справки профессору Чеботареву, графу Мусину-Пушкину и другим лицам и составила удобочитаемые записки по русской истории в частях с синхронистическими и генеалогическими таблицами. «Вы все твердите мне, что я пройдоха, — писала она Гримму, — а я вам скажу, что стала настоящей архивной крысой».

Ее сочинения не обнаруживают самобытного таланта. Но она была очень переимчива и так легко усвояла чужую идею, что присвояла ее себе; у нее то и дело слышны отзвуки и перепевы то мадам Севинье, то Вольтера, Монтескье, Мольера и т.п. Это особенно заметно в ее французских письмах, до которых она была большая охотница. Ее переписка с Вольтером и заграничным агентом бароном Гриммом — это целые томы. Она превосходно усвоила стиль и манеру своих образцов, современных французских писателей, особенно их изящное и остроумное балагурство. Содержание очень разнообразно, но тон везде одинаков, видимо непринужденный и изысканно игривый, и таким тоном она пишет и о таинстве евхаристии, и о политике, и о своем дворе, и о нездоровье комнатной собачки. В письмах слова значительно лучше мыслей.

Очень большое место в своей писательской деятельности Екатерина отводила драматургии. Она была главной поставщицей репертуара на театр в своем Эрмитаже, где она собирала избранное общество. Она писала пословицы или водевили, комедии, комические оперы, даже «исторические представления из жизни Рюрика и Олега, подражание Шекспиру». Олег был сыгран на городском театре в Петербурге по случаю мира с Турцией в Яссах (1791 г.) с необычайной пышностью: на сцену выступало более 700 исполнителей и статистов.

Бедный Храповицкий ночи просиживал, переписывая пьесы императрицы и сочиняя арии и куплеты к ее операм и водевилям, — сама Екатерина никак не могла сладить со стихами. В своих пьесах Екатерина изображала шведского короля, мартинистов, своих придворных. Трудно сказать, насколько сама она сказалась в своей драмомании. Правда, в ее характере и образе действий было много драматического движения.

От природы веселая, она не могла обойтись без общества и сама признавалась, что любила быть на людях. В своем интимном кругу она была проста, любезна, шутлива, и все чувствовали себя около нее весело и непринужденно. Но она преображалась, выходя в приемную залу, принимала сдержанно-величественный вид, выступала медленно, некрупными шага-

ми, встречала представлявшихся стереотипной улыбкой и несколько лукавым взглядом светло-серых глаз. Манера держаться отражалась и на всей деятельности, образуя вместе с ней цельный состав характера. В каком бы обществе ни вращалась Екатерина, что бы она ни делала, она всегда чувствовала себя как бы на сцене и потому слишком много делала напоказ. Задумав дело, она больше думала о том, что скажут про нее, чем о том, что выйдет из задуманного дела; обстановка и впечатление были для нее важнее самого дела и его последствий. Отсюда ее слабость к рекламе, шуму, лести, туманившей ее ясный ум и соблазнявшей ее холодное сердце.

Она больше дорожила вниманием современников, чем мнением потомства; за то и ее при жизни ценили выше, чем стали ценить по смерти. Как она сама была вся созданием рассудка без всякого участия сердца, так и в ее деятельности больше эффекта, блеска, чем величия, творчества. Казалось, она желала, чтобы ее самое помнили дольше, чем ее деяния. *В. К-ский*

ПОЛОЖЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ НА ПРЕСТОЛЕ. Вступая на престол, Екатерина поверхностно знала положение дел в империи, свои правительственные средства и ожидавшие ее затруднения, а между тем она должна была сгладить впечатление переворота, путем которого

вступила на престол, оправдать незаконное присвоение власти.

В первые минуты по воцарении она не могла удержаться от упоения удачей, осуществившей давнюю мечту, которая в Штеттине или Цербсте могла казаться только ребяческим бредом. Но это упоение отравлялось мыслью о своей непрочности на престоле. Нередко среди придворного общества на нее набегало раздумье, и при всем умении держать себя она не могла скрыть своего тревожного настроения. Не все, даже участники переворота, остались им довольны, как недостаточно награжденные. Удача одних кружила головы другим, подстрекала к повторению, поддерживая ропот, а предлог для ропота был налицо. Екатерина совершила двойной захват: отняла власть у мужа и не передала ее сыну, естественному наследнику отца.

В гвардии бродили тревожные для Екатерины толки о возведении на престол Иванушки, как звали бывшего императора Ивана VI, также о том, зачем цесаревич Павел не коронован. В обществе поговаривали даже, что Екатерине для своего упрочения на престоле не мешало бы выйти замуж за бывшего императора. Екатерина виделась с ним вскоре по воцарении и приказала уговаривать его к пострижению в монашество.

В гвардии составлялись кружки, «партии», впрочем не успевавшие сложиться в заговор.

Особенно встревожила Екатерину в 1764 г. полоумная попытка замотавшегося армейского подпоручика Мировича освободить Иванушку из Шлиссельбургской крепости и провозгласить императором — попытка, кончившаяся убийством помешавшегося в заточении узника, ужасной жертвы беззаконий, питомником которых был русский престол по смерти Петра I.

Немало хлопот и огорчений причиняли Екатерине и ее пособники, подготовившие и совершившие июньский переворот. Они чувствовали, как много обязана им Екатерина, и, разумеется, хотели пользоваться своим положением. Король Фридрих II был прав, когда много лет спустя говорил ехавшему в Петербург французскому послу Сегюру, что Екатерина была не столько виновницей, сколько орудием переворота: слабая, молодая, одинокая в чужой земле, накануне развода и заточения она отдалась в руки людей, хотевших ее спасти, и после переворота не могла еще ничем управлять.

Эти люди, теперь окружившие Екатерину, с пятерней пожалованных в графы братьев Орловых во главе, и спешили пожинать плоды «великого происшествия», как они называли июньское дело. Это были, по выражению иностранцев, все закоренелые русаки, поражавшие недостатком образования и в этом отношении стоявшие ниже дельцов елизаве-

тинского времени Паниных, Шуваловых, Воронцовых. Привыкнув еще во время конспирации обращаться с Екатериной запросто, они не хотели отстать от этой привычки и после переворота.

В минуту смерти императрицы Елизаветы гвардейский капитан муж княгини Дашковой прислал сказать Екатерине: «Прикажи, мы тебя возведем на престол». Теперь эти люди готовы были сказать ей: «Мы тебя возвели на престол, так ты наша». Они не довольствовались полученными наградами, тем, что Екатерина раздала им до 18 тыс. душ крестьян и до 200 тыс. руб. (не менее 1 млн на наши деньги) единовременных дач, не считая пожизненных пенсий. Они осаждали императрицу, навязывали ей свои мнения и интересы, иногда прямо просили денег. В разговоре с послом Бретейлем она сравнивала себя с зайцем, которого поднимают и гонят, что есть мочи, так донимают ее со всех сторон представлениями, не всегда разумными и честными. Екатерине приходилось ладить с этими людьми. Это было неприятно и неопрятно, но не особенно мудрено. Она пустила в ход свои обычные средства, неподражаемое умение терпеливо выслушивать и ласково отвечать, найтись в затруднительном случае.

В записках княгини Дашковой встречаем образчик искусства, с каким императрица пользовалась этими средствами. На четвер-

тый день после переворота, когда обе дамы беседовали вдвоем, врывается к ним генерал-поручик И. И. Бецкой и, упав на колени, чуть не со слезами умоляет Екатерину сказать, кому она считает себя обязанной престолом. «Богу и избранию моих подданных», — отвечает Екатерина. «Так я не стою этого знака отличия», — восклицает Бецкой и хочет снять с себя александровскую ленту. «Что это значит?»— спрашивает Екатерина. «Я несчастнейший из смертных, если ваше величество не признаете меня единственным виновником вашего воцарения! Не я ли подбивал к этому гвардейцев? Не я ли бросал деньги в народ»

Сначала смущенная Екатерина скоро нашлась и сказала: «Я признаю, сколь многим я вам обязана, и так как я вам обязана короной, то кому, как не вам, поручить приготовление короны и всего, что я надену во время коронации? Отдаю в ваше распоряжение всех ювелиров империи». Бецкой вне себя от восторга раскланялся с дамами, которые долго не могли нахохотаться.

Екатерине нужно было немного времени и терпения, чтобы ее сторонники успели образумиться и стали к ней в подобающие отношения. Гораздо труднее было оправдать новое правительство в глазах народа. Екатерина плохо знала положение этого народа до воцарения и имела очень мало средств

узнать его: русский двор при Елизавете стоял слишком далеко от России не только географически, но еще более нравственно. Вступив на престол, Екатерина скоро поняла, что там совсем неблагополучно: она замечала «признаки великого роптания на образ правления прошедших последних годов»; заводские и монастырские крестьяне почти все были в явном непослушании властей, и к ним начинали присоединяться местами и помещичьи.

В 1763 г. в народе распространился подложный указ Екатерины, проникнутый сильным раздражением против дворянства, «пренебрегающего божий закон и государственные права, изринувшего и из России вон выгнавшего правду». Далекие от столицы глубокие народные массы не испытывали на себе личного обаяния императрицы, довольствуясь темными слухами да простым фактом, какой можно было выразуметь из всенародных манифестов: был император Петр III, но жена — императрица свергнула его и посадила в тюрьму, где он скоро умер. Эти массы, давно находившиеся в состоянии брожения, можно было успокоить только ощутительными для всех мерами справедливости и общей пользы.
В. К-ский

ДА́ШКОВА Екатерина Романовна (17.03.1743–04.01.1810 гг.) — княгиня, общественная деятельница.

Е. Р. Дашкова была дочерью генерал-поручика и сенатора графа Р. И. Воронцова. Ей было 4 года, когда умерла ее мать, и она воспитывалась в доме дяди графа М. И. Воронцова. Дашкова получила хорошее по тем временам образование, говорила на французском, итальянском, немецком языках, рисовала, пела, очень любила читать. Она увлекалась идеями французских просветителей: Вольтера, Монтескье.

В 1758 г. на одном из вечеров в доме Воронцовых она познакомилась с Екатериной Алексеевной, будущей императрицей. Вскоре Дашкова примкнула к кружку великой княгини и, когда произошел государственный переворот 1762 г., она поддержала Екатерину. Но Дашкова преувеличивала свою роль в перевороте, и это стало причиной охлаждения ее отношений с императрицей.

В 1769 г. она много путешествовала по Европе, в Париже встречалась с Д. Дидро, в Женеве — с Вольтером. В 1776 г. она с семьей вновь уехала за границу в Шотландию, чтобы дать сыну образование в Эдинбургском университете. В Риме ее принимал сам папа Римский — они обсуждали план создания музея в Ватикане. За Дашковой утвердилась слава просвещенной женщины, друга философов, она была принята в несколько иностранных научных обществ и академий.

В 1782 г., по приглашению Екатерины II, она вернулась в Россию. В 1783–1794 гг. Дашкова была президентом Петербургской академии наук. В 1783 г. по инициативе Дашковой для изучения «российского слова» была учреждена Российская академия, которую она возглавила. В Российской академии изучался русский язык, разрабатывалась его грамматика. При участии Дашковой через 11 лет был издан толковый словарь русского языка «Словарь Академии российской», содержавший более 40 тыс. слов. Дашкова подарила Академии наук редкие книги, коллекции минералов, образцы растений из Европы и Америки. При ней вышло первое собрание сочинений М. В. Ломоносова. По ее просьбе в «Собеседнике любителей русского слова» сотрудничали известные литераторы Г. Державин, Д. Фонвизин, М. Херасков; в журнал писала даже сама Екатерина II. Дашкова основала сборник «Российский театр», в котором печатались русские пьесы. За публикацию трагедии опального поэта Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», помещенную ею в этом сборнике, Дашкову сняли со всех ее постов.

Павел I, взойдя на престол, удалил из Петербурга всех участников переворота 1762 г., который привел на престол его мать, и сослал Дашкову в Калужскую губернию.

Александр I в 1801 г. вновь предложил ей возглавить Российскую академию, но она от-

казалась. Последние годы жизни вела переписку, сотрудничала в журналах, работала над «Записками», в которых содержатся яркие характеристики многих деятелей эпохи. *О. Н.*

ПРОГРАММА ЕКАТЕРИНЫ. Екатерина революционным захватом власти затянула сложный узел разнообразных интересов и ожиданий, указывавших ей направления деятельности. Чтобы сгладить впечатление захвата, Екатерине надобно было стать популярной в широких кругах народа, действуя наперекор предшественнику, поправляя, что было им испорчено. Предшественник ее оскорбил национальное чувство, презирая все русское, выдав Россию головой ее врагу; Екатерина обязана была действовать усиленно в национальном духе, восстановить попранную честь народа.

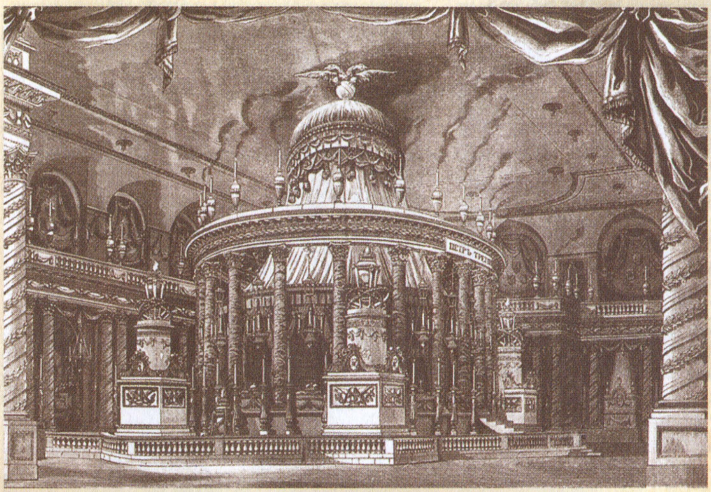
Прежнее правительство вооружило против себя всех своим бесцельным произволом; новое разумно-либеральными мерами должно было упрочить законность в управлении, что и было обещано в июльском манифесте. Но Екатерина была возведена на престол дворянской гвардией, а дворянство не довольствовалось законом о вольности дворянской, требовало расширения и укрепления своих прав как господствующего сословия. Гвардейско-дворянский голос был, разумеется, самым внушительным для верховной

Императрица Екатерина II в коронационном одеянии.
Худ. В. Эриксен

Графиня Елизавета Воронцова

Граф Г. Г. Орлов

Корона Российской империи. Предназначалась для коронации Екатерины II



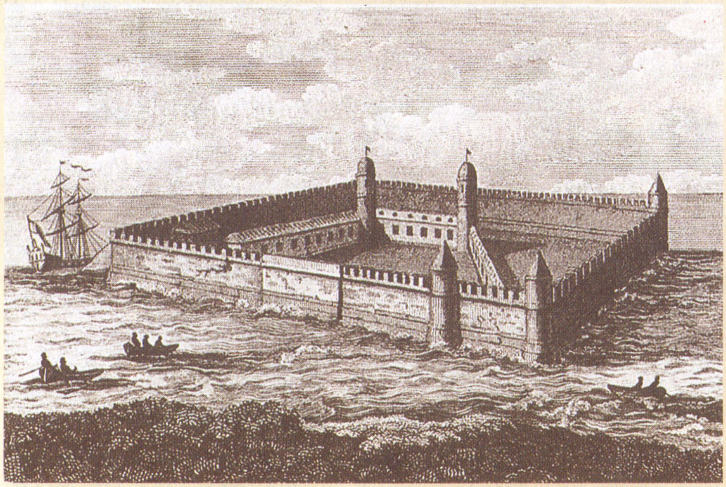
Катафалк в Александро-Невской лавре над гробами Петра III и Екатерины II

Аллегория, изображающая царствование Екатерины II

Аллегория на издание «Наказа» Екатерины II

Граф А. П. Бестужев-Рюмин

Граф Н. И. Панин

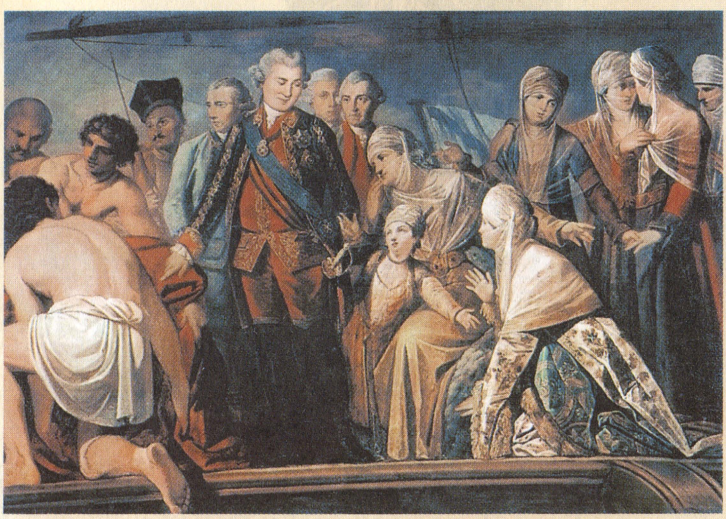


Вид Шлиссельбургской крепости

Вид Московского Кремля. Худ. Ф. Кампорези

Князь Потемкин и князь Суворов.
Деталь памятника Екатерине Великой

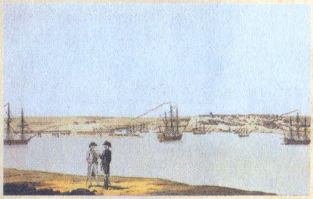
Чесменский бой 25–26 июня 1770 года.
Худ. И. Айвазовский



Граф А. Г. Орлов после Чесменского боя

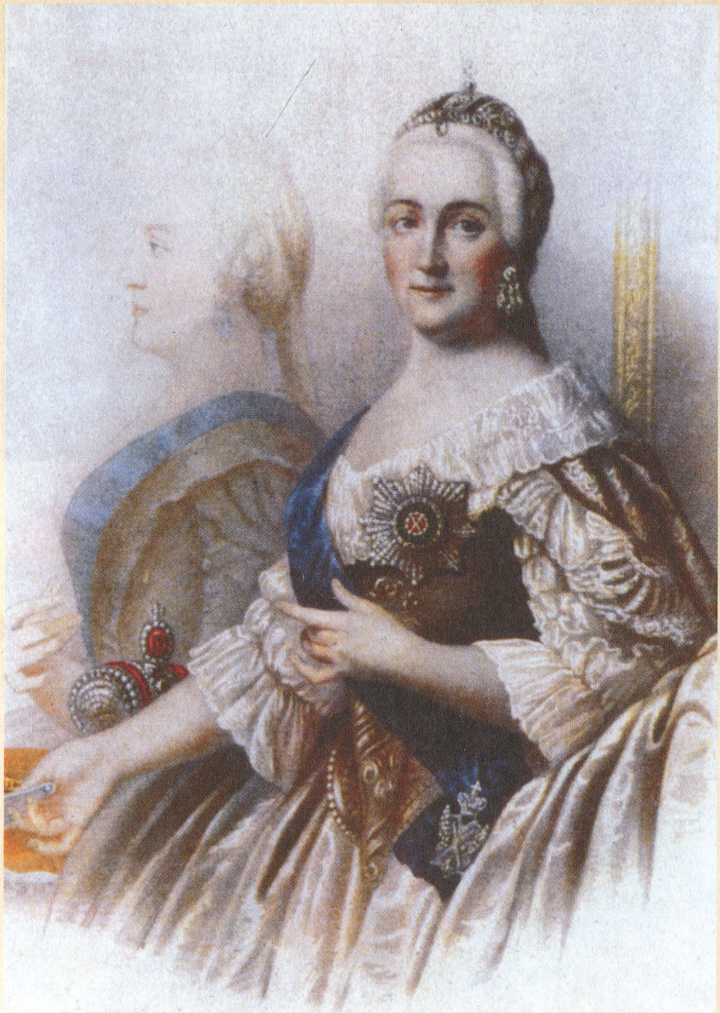
Адмирал С. К. Грейг

Светлейший князь Г. А. Потемкин



Вид на Севастополь и русскую эскадру

Граф А. Г. Орлов-Чесменский



Императрица Екатерина II

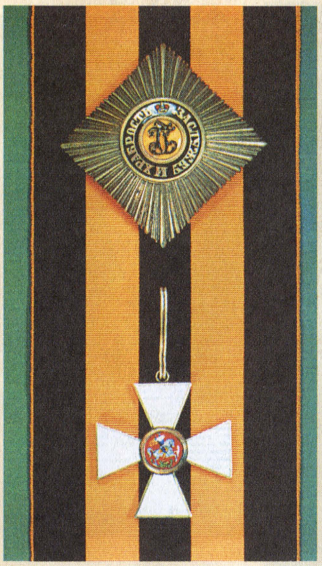
Князь П. А. Зубов

Генерал-фельдмаршал А. В. Суворов

Князь Г. А. Потемкин

Аллегория победы над Турцией

Княжна Тараканова. Худ. К. Флавицкий

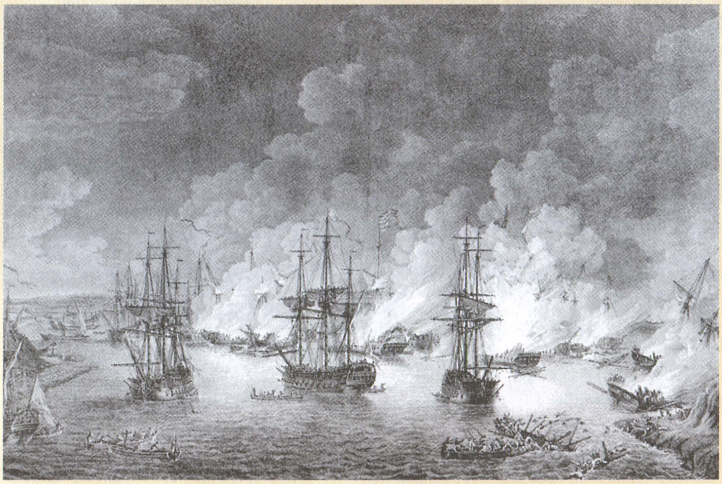


Памятная медаль на учреждение ордена Святого Георгия. 1769 г.

Орден Святого Георгия

Победа над турками при Кагуле. 1770 г.

Адмирал
Г.А. Спиридов



Бой в Чесменской бухте. 1770 г.

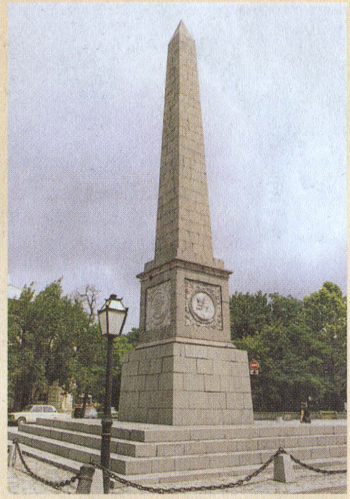
Князь
В. М. Долгоруков-Крымский

Адмирал
И. М. де Рибас

А. В. Суворов, кавалер
ордена Святого Георгия
трех высших степеней

П. А. Румянцев-
Задунайский

А. А. Безбородко. Государственный деятель и дипломат



Симферополь. Обелиск в честь освобождения Крыма русскими войсками

Императрица Екатерина II. Худ. Р. Бромптон

Кресло президента Государственной Военной коллегии

Выход императрицы Екатерины II
с дежурными генералами

Вид набережной Невы в Петербурге
и дома князя Г. Г. Орлова

Портрет Екатерины II. Худ. Ф. Рокотов

власти, сделанной движением 28 июня. Так популярная деятельность нового правительства должна была одновременно следовать направлению национальному, либеральному и сословно-дворянскому. Легко заметить, что эта тройственная задача страдала несогласимым внутренним противоречием. После закона 18 февраля дворянство стало поперек всех народных интересов и даже преобразовательных потребностей государства.

Деятельность правительства в духе этого сословия не могла быть ни либеральна, ни национальна, т. е. не могла быть популярна. Притом либеральные реформы в духе идей века не могли найти в органах правительства, в служащем классе достаточно ни подготовленных, ни сочувственных проводников и исполнителей: так чужды были эти идеи всем преданиям, понятиям и привычкам русского управления.

По соображениям ли гибкой мысли, или по указаниям опыта и наблюдения Екатерина нашла выход из неудобств своей программы. Не будучи в состоянии согласить противоречивые задачи и не решаясь пожертвовать которой-либо в пользу остальных, она разделила их, каждую проводила в особой сфере правительственной деятельности.

Национальные интересы и чувства получили широкий размах во внешней политике, которой дан был полный ход. Предпринята

была широкая реформа областного управления и суда по планам тогдашних передовых публицистов Западной Европы, но главным образом с туземной целью занять праздное дворянство и укрепить его положение в государстве и обществе. Отведена была своя область и либеральным идеям века: на них строилась проектированная система законодательства; они проводились как принципы в отдельных узаконениях, вводились в ежедневный оборот мнений, допускались, как украшение правительственного делопроизводства и общественной жизни, проводились в частных беседах императрицы, в великосветских гостиных, в литературе и даже в школе как образовательное средство.

Но деловое содержание текущего законодательства закрепляло туземные факты, сложившиеся еще до Екатерины, или осуществляло желания, заявленные преимущественно тем же дворянством, — факты и желания, совершенно чуждые распространяемым идеям. Тройственная задача развилась в такую практическую программу: строго национальная, смело патриотическая внешняя политика, благодушно-либеральные, возможно гуманные приемы управления, сложные и стройные областные учреждения с участием трех сословий, салонная, литературная и педагогическая пропаганда просветительных идей времени и осторожно, но последовательно

консервативное законодательство с особенным вниманием к интересам одного сословия. Основную мысль программы можно выразить так: попустительное распространение идей века и законодательное закрепление фактов места. *В. К-ский*

Собственноручная записка Екатерины II о первых годах ее царствования

1769 года, сентября 20

При вступлении моем на престол, в 1762 году, я нашла империю в следующем состоянии:

После кончины покойной Императрицы, Елисаветы Петровны, война, которая началась в 1756 году с прусским королем, в которой из ауксилярных австрийского дома мы сделались главною воюющею державою, кончена была по воле Петра III, несмотря ни на какие обязательства, таким миром, коим возвращена была Пруссия королю того имени, и кроме мира, не видно, чтоб России выгода какая была приобретена в сем случае. 28 числа 1762 года армия была еще за границею и не получила осьмой месяц жалованья. На штатс-конторе было семнадцать миллионов долгу. Ни единый человек в государстве не то, чтоб знал, сколько казне было дохода,

ниже не ведал званий доходов разных. Повсюду народ приносил жалобу на лихоимство, взятки, притеснения и неправосудия разных правительств, а наипаче приказных служителей.

Все ветви коммерции почти отданы были частным людям на откуп. Флот был в упущении, армия в расстройке, крепости разваливались. В Сенате за излишество почитали государственные дела слушать, ландкарту имев пред собою на столе, и оттого сделалось, что иногда сами не знали о чем судят. Стыдно сказать, что и карты печатанные не были в Сенате, и что первую карту я, быв в Сенате, послала купить в Академии. Тюрьмы были так наполнены колодниками, что хотя при смерти своей Императрица Елисавета Петровна освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации моей 22 сентября 1762 года оных еще до осми тысяч было. К заводам приписных крестьян я нашла сорок девять тысяч в явном ослушании и открытом бунте против заводчиков и, следовательно, власти той, которая их приписала к заводам. Монастырских крестьян и самых помещичьих почиталось до полутораста тысяч, кои отложились от послушания и коих всех усмирить надлежало. Поверенности же к правительству никто не имел, но всяк привык был думать, что иное учреждение не могло выходить как вредное

общему благу. Жестокие пытки и наказания за безделицу, как за тяжкое преступление, ожесточили так умы, что многим казалось, что тот-то и самый порядок правосудия, а не иной какой.

Политические же обстоятельства были таковы, что сверх сего еще мы ожидали пришествия татар на Украйну к масленице. <...>

ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

Первый манифест императрицы от 6 июля обещал народу «узаконить такие государственные установления», которые должны сохранить целостность империи и самодержавной власти. По сути дела объявлялось о переходе от традиционной государственности к государству нового времени — самодержавному, но с просвещенным монархом, опирающимся на естественное право народа. В духе этих заявлений Екатерина начала строить свою политику.

Внешняя политика

Внешняя политика, как отмечал В. О. Ключевский, — самая блестящая сторона государственной деятельности Екатерины, произведшая наиболее сильное впечатление на современников и ближайшее потомство. Когда хотят сказать самое лучшее, что можно сказать об этом царствовании, говорят о победоносных войнах с Турцией, о польских разделах, о повелительном голосе Екатерины в международных отношениях Европы.

С другой стороны, внешняя политика была поприщем, на котором Екатерина всего удобнее могла завоевать народное расположение: здесь разрешались вопросы, понятные и сочувственные всему народу; поляк и татарин были для тогдашней Руси самые популярные недруги. Наконец, здесь не нужно было ни придумывать программы, ни искать возбуждений: задачи были готовы, прямо поставлены вековыми указаниями истории и настойчивее других требовали разрешения. Потому наибольшее внимание императрицы было обращено в эту сторону. В решении внешнеполитических проблем она опиралась на людей, которые проявили себя с наилучшей стороны в делах военных и государственных..

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ. После Ништадтского мира, когда Россия твердой ногой стала на Балтийском море, на очереди оставались два вопроса внешней политики, один территориальный, другой национальный. Первый состоял в том, чтобы продвинуть южную границу государства до его естественных пределов, до северной береговой линии Черного моря с Крымом и Азовским морем и до Кавказского хребта. Это восточный вопрос в тогдашней исторической своей постановке. Потом предстояло довершить политическое объединение русской народности, воссоединив с Россией оторванную от нее западную часть. Это вопрос западнорусский. По самому существу своему оба вопроса имели местное значение, возникли исторически из взаимных отношений соседних государств, притом не имели никакой исторической связи между собою. Потому для успешного их решения их следовало локализовать и разделить, т. е. разрешать без стороннего вмешательства, без участия третьих, и разрешать не оба вместе, а тот и другой порознь. Но сплетение международных отношений и неумелость или заносчивость дельцов дали ходу дел иное направление. *В. К-ский*

БУКСГЁВДЕН Федор Федорович (Фридрих-Вильгельм) (02.09.1750–23.08.1811 гг.) — во-

енный и государственный деятель, граф (1797 г.), генерал от инфантерии (1803 г.).

Ф. Ф. Буксгевден происходил из древнего рода рыцарей-крестоносцев. В 1764 г. поступил в Артиллерийский и инженерный шляхетский корпус, но не окончил его. Кадетом принял участие в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. В 1771 г. при штурме крепости Браилов Буксгевден первым взобрался на крепостную стену и захватил турецкую батарею. В этом бою он был дважды ранен в голову. За храбрость он получил орден Св. Георгия 4-й степени. В том же году назначен адъютантом Г. Г. Орлова, фаворита Екатерины II. Женитьба в 1777 г. на внебрачной дочери Орлова и императрицы Екатерины II Н. Г. Алексеевой способствовала его карьере.

Во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. в чине бригадира находился при командующем Балтийским гребным флотом принце К. Г. Нассау-Зигене. В Роченсальмском морском сражении 1789 г. во главе десантного отряда он захватил остров Куцаль-Мулин и установил на нем береговые батареи. Под их прикрытием русские корабли нанесли противнику сокрушительное поражение. За это сражение Буксгевден был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени.

Во время военных действий против польских конфедератов в 1793–1794 гг. Буксгев-

ден отличился при штурме Варшавы 24 октября 1794 г. и был назначен комендантом города. В 1796 г. стал петербургским генерал-губернатором. В день коронации Павла I, в апреле 1797 г., его род был внесен в число графских родов Российской империи. Однако он внезапно попал в немилость к императору, ему пришлось уйти в отставку и уехать в Германию.

Вновь на русскую службу Ф. Ф. Буксгевден был принят при Александре I. Он получил назначение на пост рижского генерал-губернатора. Во время войны с Францией 1805 г. был главнокомандующим Волынской армией, во время Аустерлицкого сражения командовал левым флангом русско-австрийской армии, фактически главными ее силами. Во время русско-шведской войны 1808–1809 гг.— главнокомандующий действующей армией. За один месяц его войска овладели Южной и Средней Финляндией и Аландскими островами, взяли шведскую крепость Свеаборг. 17 сентября 1808 г. Буксгевден подписал со шведами перемирие, что вызвало недовольство императора Александра I, который не утвердил соглашения. В декабре 1808 г. Буксгевдена уволили в отставку. Последние 3 года жизни провел в своем замке Лоде в Эстляндской губернии. *В. В.*

ВОЕ́ННО-МОРСКО́Й ФЛОТ. Без современного флота Россия не могла превратиться в великую державу. «Всякий потентат (властитель), который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет»,— писал Петр I. Военно-морской флот был олицетворением не только военной мощи государства, но и высокого уровня развития экономики, техники и науки того времени.

Еще в кон. 17 в. стараниями Петра в России была создана Азовская флотилия. Превращение России в морскую державу произошло во время Северной войны 1700–1721 гг., когда появился Балтийский флот.

После Прутского похода 1711 г. Россия лишилась и Азовской флотилии, и всех крепостей на Азовском море. Но Персидский поход 1722–1723 гг. потребовал создания Каспийской флотилии. После русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда был завоеван выход к Черному морю, создан Черноморский флот.

В 18 в. военно-морские силы состояли из парусного флота, действовавшего в открытом море, и гребного флота для десантных операций в прибрежной зоне. Основу парусного флота составляли линейные корабли с вооружением от 50 до 100 пушек. Пушки устанавливали вдоль бортов и их стволы выставляли наружу через специальные отверстия.

В сражении корабли выстраивались в линию против такой же боевой линии противника и обрушивали на него огонь бортовых орудий, иногда сходились на абордаж. Тогда крючьями притягивали борт вражеского корабля, высаживались на него и брали в плен или уничтожали его команду. Фрегаты с 25–50 пушками были меньше, чем линейные корабли, но более маневренные, они действовали самостоятельно. Бомбардирские корабли боролись с береговыми батареями. Для разведки и связи служили пакетботы, позднее замененные бригами.

Парусно-гребной флот состоял из галер, шняв, прем, бригантин, дубель-шлюпок. Но больше были распространены скампавеи (полугалеры) с 18 парами весел и 3–5 пушками для стрельбы по береговым укреплениям. В кон. 18 в. им на смену пришли гребные канонерские лодки с более мощным вооружением, заимствованные у шведов.

На парусном российском флоте во 2-й пол. 18 – 1-й пол. 19 вв. прославились адмиралы Г. А. Спиридов, Ф. Ф. Ушаков, Д. Н. Сенявин, Н. М. Лазарев. В. А. Корнилов, П. С. Нахимов. Они разработали новую стратегию и тактику морской войны. *Д. Н.*

ГРЕЙГ Самуил Карлович (30.11. 1735–15.10.1788 гг.) — флотоводец, адмирал (1782 г.).

С. К. Грейг, уроженец шотландского города Инверкитинг, служил в британском флоте. В 1764 г. он перешел на службу в российский флот в чине капитана 1-го ранга. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. он командовал линейным кораблем «Три иерарха» в составе эскадры Г. А. Спиридова, которая совершила поход в Средиземное море к островам Архипелага. Грейг отличился во время морского сражения в Хиосском проливе 24 июня 1770 г. и фактически руководил действиями русских кораблей во время сражения в Чесменской бухте 26 июня 1770 г., когда был уничтожен турецкий флот.

Именно С. К. Грейг в 1775 г. доставил в Кронштадт княжну Е. Тараканову, захваченную А. Г. Орловым-Чесменским. (Она называла себя незаконнорожденной дочерью Елизаветы Петровны и претендовала на российский трон.) В благодарность за поимку авантюристки он был назначен главным командиром Кронштадтского порта.

Во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. Грейг командовал Балтийским флотом. Он нанес поражение шведской эскадре герцога К. Зюдерманландского в Гогландском сражении (6 июля 1788 г.), блокировав корабли противника в Свеаборгском морском районе.

Вскоре Грейг тяжело заболел, был эвакуирован в Ревель, где и умер. *В. В.*

ЧЕРНОМО́РСКИЙ ФЛОТ. Начало созданию Черноморского флота положило основание Херсона, ставшего центром черноморского кораблестроения. После присоединения Крыма в 1783 г. был основан Севастополь — главная база Черноморского флота. Создаваемый флот при Екатерине II подчинялся не Адмиралтейств-коллегии, а наместнику Новороссии Г. А. Потемкину.

К началу русско-турецкой войны 1787–1791 гг. строительство Черноморского флота не было закончено и он сильно уступал турецкому. К тому же силы русского флота были разделены: в Днепровско-Бугском лимане находилось 3 линейных корабля, фрегат и 15 галер; в Севастополе — 3 линейных корабля и 10 фрегатов. Тем не менее Черноморский флот одержал ряд блестящих побед, связанных с именем командующего Ф. Ф. Ушакова: в Днепровско-Бугском лимане и у острова Фидониси в 1788 г., у Керченского пролива и острова Тендра в 1790 г., в 1791 г. — у мыса Калиакрия. Гребная флотилия участвовала в осадах крепостей Очаков и Измаил. Вошел в историю подвиг капитана Сакена в 1788 г. Атакованный 30 турецкими галерами, он взорвал свою дубель-шлюпку вместе с ними.

В 1789 г. появился новый судостроительный центр — Николаев. К концу русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в Черномор-

ском флоте насчитывалось 22 линейных корабля, 12 фрегатов и 100 гребных канонерских лодок. *Д. Н.*

ЧИЧАГО́В Василий Яковлевич (28.02.1726–04.04.1809 гг.) — русский флотоводец и мореплаватель, адмирал (1782 г.).

В. Я. Чичагов происходил из дворянского рода, известного с 14 в. Он учился в московской Школе математических и навигацких наук, после окончания которой в 1742 г. был зачислен гардемарином в русский военный флот. В 1745–1754 гг. плавал на кораблях английского флота. В первый офицерский чин мичмана был произведен в 1745 г.

В 1764 г. его назначили начальником экспедиции из трех кораблей для отыскания морского пути вдоль побережья Северного Ледовитого океана из Архангельска к Берингову проливу и далее к Камчатке. Дважды, в 1765 и 1766 гг., он пытался выполнить поставленную перед ним задачу, но обе экспедиции Чичагова с целью пройти Северным морским путем окончились безрезультатно. Однако ему удалось достичь высоких полярных широт, более 80° с. ш.

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. контр-адмирал Чичагов командовал отрядом кораблей Донской флотилии, оборонявшим Керченский пролив. В июле 1774 г.

он одержал победу над турецким флотом и не допустил его в Азовское море.

По возвращении в Петербург в 1775 г. Чичагов был произведен в чин вице-адмирала и назначен членом Адмиралтейств-коллегии. Во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. командовал Балтийским флотом, руководил действиями русских эскадр в Эландском и Ревельском морских сражениях. В этом сражении в мае 1790 г. эскадра Чичагова из 15 кораблей разгромила флот из 26 кораблей шведского короля Карла Зюдерманландского, будущего короля Карла XIII. В июне того же года Чичагов заманил в ловушку в Выборгском заливе шведский флот. Тогда сгорели и потонули 64 корабля противника. За эту победу он был награжден орденом Св. Георгия 1-й степени. С 1797 г. — в отставке. В. Я. Чичагов заслужил уважение Екатерины II своими скромностью, тактом, достоинством. При дворе он появлялся лишь при необходимости и держался как можно дальше от придворного общества. *В. В.*

МИРОЛЮБИЕ ЕКАТЕРИНЫ. В первое время по воцарении Екатерина, слишком озабоченная упрочением своего шаткого положения, совсем не желала каких-либо осложнений в Европе и разделяла общую жажду покоя. Семилетняя война была на исходе; все участники ее крайне утомились и жестоко истра-

тились. Екатерина не отступилась от мира с Пруссией, заключенного Петром III, отозвала свои войска из завоеванных ими прусских областей, прекратила приготовления к войне с Данией.

Первое ознакомление с положением дел в империи также располагало Екатерину вести себя смирно. При вступлении ее на престол русская армия в Пруссии восьмой месяц не получала жалованья. На штатс-конторе числилось 17 млн долгу, не исполненных казной уплат, на один миллион больше годовой суммы государственных доходов, какую знал Сенат. Ежегодный дефицит в Семилетнюю войну дошел до 7 млн. Русский кредит пал: императрица Елизавета искала в Голландии занять 2 млн руб., и охотников на этот заем не оказалось.

Флот, по словам Екатерины, был в упущении, армия в расстройке, крепости развалились. Несколько позднее, в 1765 г., Екатерина произвела смотр Балтийскому флоту. Любимое детище Петра Великого предстало перед ней жалким сиротой: корабли наезжали друг на друга, ломали снасти, линейные никак не могли выстроиться в линию, при стрельбе не попадали в цель. Екатерина писала, что это суда для ловли сельдей, а не военный флот, и признала, что у нас без меры много кораблей и на них людей, но нет ни флота, ни моряков. Откровенно и болтливо признавалась она в

1762 г. послу совсем не дружественной Франции, что ей нужно не менее пяти лет мира, чтобы привести свои дела в порядок, а пока она со всеми государями Европы ведет себя, как искусная кокетка. Но она ошиблась в своих кавалерах. *В. К-ский*

СИСТЕМА ГРАФА ПАНИНА Н. И. Польские дела свели Екатерину до срока с пути невмешательства. Ждали скорой смерти польского короля Августа III. Возникал обычно мутивший соседей Польши вопрос о новых королевских выборах. Для России было все равно, кто будет ангажирован на придуманную польской историей мольеровскую роль короля республики: по состоянию Речи Посполитой король, враждебный России, был для нее безвреден, дружественный — бесполезен; при том и другом ей одинаково приходилось добиваться своего подкупом и оружием.

Но у Екатерины был кандидат, которого она хотела провести во что бы то ни стало. Это был Станислав Понятовский, фат, рожденный для будуара, а не для какого-либо престола: шага не мог ступить без красивого словца и глупого поступка. Можно подозревать две главные причины настойчивости Екатерины II. 1. Станислав оставил Екатерине очень приятные по себе воспоминания в бытность свою в Петербурге еще при императрице Елизавете.

2. Кандидатурой Станислава Екатерина доставляла себе немалое удовольствие вынудить у Фридриха II письмо с признанием, что присланные ему астраханские арбузы для него бесконечно дорого получить от руки, раздающей короны. Причины, какие выставлялись открыто, не более уважительны.

Эта кандидатура повлекла за собою вереницу соблазнов и затруднений. Прежде всего нужно было заготовить сотни тысяч червонных на подкуп торговавших отечеством польских магнатов с примасом, набольшим архиереем во главе, потом поставить на польской границе 30 тыс. русского войска да держать наготове еще 50 тыс. для поддержания свободы и независимости республики; наконец, пришлось круто поворотить весь курс внешней политики.

До тех пор Россия держалась союза с Австрией, к которой в Семилетнюю войну присоединилась Франция. В первое время по воцарении, еще плохо понимая дела, Екатерина спрашивала мнения своих советников о мире с Пруссией, заключенном при Петре III. Советники не признали этого мира полезным для России и высказались за возобновление союза с Австрией.

За это стоял и старый приятель Екатерины, возвращенный ею из ссылки, А. П. Бестужев-Рюмин, мнение которого она тогда особенно ценила. Чуть какое затруднение в делах —

к нему идет собственноручная записочка: «Батюшка, Алексей Петрович! Пожалуй, помогай советами». Но около него стал дипломат помоложе его, ученик и противник его системы граф Н. И. Панин, воспитатель великого князя Павла. Он был не только за мир, но прямо за союз с Фридрихом, доказывая, что без его содействия ничего не добиться в Польше.

Екатерина некоторое время крепилась: не хотелось ей продолжать ненавистную политику своего предшественника, быть союзницей короля, которого она в июльском манифесте всенародно обозвала злодеем России, но Панин одолел и надолго стал ближайшим сотрудником Екатерины во внешней политике.

В это время Екатерина крепко веровала в дипломатические таланты Панина, но потом иногда не соглашалась с его мнениями, бывала недовольна его медлительным умом и нерешительным характером, но пользовалась им, как гибким истолкователем ее видов.

Союзный договор с Пруссией был подписан 31 марта 1764 г., когда в Польше по смерти короля Августа III шла избирательная агитация. Но этот союз только входил составной частью в задуманную сложную систему международных отношений. Панин был дипломат нового склада, непохожий на Бестужева. Много лет стоя на трудном посту посла в

Стокгольме, он приобрел познания и навык в дипломатических делах, но с умом не соединял трудолюбия своего учителя.

По смерти его Екатерина жаловалась, что довольно помучилась с ним, как с лентяем, в первую турецкую войну. После работящего и практичного до цинизма Бестужева, дипломата мелочных средств и ближайших целей, Панин выступил в дипломатии провозвестником идей, принципов и как досужий мыслитель любил при нерешительном образе действий широко задуманные, смелые и сложные планы, но не любил изучать подробности их исполнения и условия их исполнимости. Это был дипломат-белоручка, и так как его широкие планы строились на призраке мира и любви между европейскими державами, то при своем дипломатическом сибаритстве он был еще и дипломат-идиллик, чувствительный и мечтательный до маниловщины.

Панин и стал проводником небывалой в Европе международной комбинации. Впрочем, не ему принадлежала первая мысль о ней. В 1764 г., незадолго до трактата 31 марта, русский посол в Копенгагене Корф представил императрице заявление, нельзя ли на севере образовать сильный союз держав, который можно было бы противопоставить южному, австро-франко-испанскому. Панин живо воспринял и разработал эту мысль.

По его проекту северные некатолические государства, впрочем со включением и католической Польши, соединялись для взаимной поддержки, для защиты слабых сильными. Боевое назначение, прямое противодействие южному союзу лежало на главах северного союза, «активных» его членах, на России, Пруссии и Англии; от государств второстепенных, от «пассивных» членов, каковы Швеция, Дания, Польша, Саксония и другие мелкие государства, имевшие присоединиться к союзу, требовалось только, чтобы они при столкновениях обоих союзов не приставали к южному, оставались нейтральными. Это и была нашумевшая в свое время северная система.

Легко заметить ее неудобства. Трудно было действовать вместе и дружно государствам, столь разнообразно устроенным, как самодержавная Россия, конституционно-аристократическая Англия, солдатски-монархическая Пруссия и республикански-анархическая Польша. Кроме того, у членов союза было слишком мало общих интересов: Англии не было дела до европейского континента помимо ее торговых и колониальных отношений; Пруссия вовсе не была расположена защищать Саксонию, тянувшую к Австрии, даже хотела захватить ее, как захватила Силезию. Куча пассивных членов союза, опекаемых Англией, Россией и Пруссией, — дипломати-

ческая телега, запряженная щукой, лебедем и раком.

Фридрих II встретил план Панина раздраженными или насмешливыми возражениями, твердил, что для него довольно русского союза, при котором он никого не боится, его никто не тронет и других союзников ему не нужно. Фридрих вообще был невысокого мнения о своем русском стороннике и писал, что у Панина нет верных представлений ни об интересах, ни о политике, ни о степени могущества европейских государей. Панин не мог переубедить короля, Англия также уклонилась от союза, и северная система не облеклась ни в какой международный акт (умерла еще до рождения, не родившись), оставшись простой тенденцией русского кабинета, одним из тех простодушно-русских дипломатических планов, о которых настоящие дипломаты говорят со снисходительной улыбкой. *В. К-ский*

ПА́НИН Никита Иванович (18. 09. 1718–31.03. 1783 гг.) — граф, государственный деятель и дипломат, брат военного деятеля П. И. Панина. Н. И. Панин родился в Данциге, где в это время служил его отец, сенатор И. В. Панин. Он получил домашнее образование. В 1743 г. юный корнет обратил на себя внимание императрицы Елизаветы Петровны. И был пожалован в камер-юнкеры. Но

близкие к императрице люди поспешили удалить его от двора. В 1747 г. его отравили посланником сначала в Копенгаген, а затем в Стокгольм. Он прожил в Швеции 12 лет и оценил преимущества конституционного устройства государства. Когда он вернулся домой, то оказался не у дел, так как имел могущественного врага — канцлера, графа М. И. Воронцова.

Н.И. Панин много раз просился в отставку, и неожиданно для себя в 1760 г. был назначен воспитателем шестилетнего цесаревича Павла Петровича.

Панин считал, что Петра III необходимо отстранить от власти, поэтому он участвовал в дворцовом перевороте 1762 г. Он стал ближайшим советником Екатерины II по внешнеполитическим делам. Екатерина назначила его сенатором. Панин полагал, что она останется правительницей только до совершеннолетия Павла и что ее власть следует ограничить.

В 1763—1781 гг. он возглавлял Коллегию Иностранных дел, хотел создать союз северных европейских стран («Северный аккорд»), выступал за союз с Пруссией и против сближения с Австрией, но его планы противоречили намерениям Екатерины. В сентябре 1781 г. Панина уволили от должности, но императрица щедро наградила воспитателя своего сына. Панин был образованнейшим челове-

ком , сторонником приоритета законов в государственной жизни. *О. Н.*

НЕВЫГОДЫ СОЮЗА С ПРУССИЕЙ. Договор 31 марта не был столь бесплоден и вызвал разносторонние следствия, невыгодные для России. Прежде всего он был не нужен России. Главные его условия состояли во взаимном обеспечении владений и в обоюдном обязательстве не допускать никаких перемен в польской конституции, а также добиваться возвращения диссидентам их прежних прав или по меньшей мере свободы от притеснений.

Но после Семилетней войны Фридрих по всем этим пунктам был или бесполезен России, или и при союзе вредил под рукой ее интересам не меньше, чем мог бы вредить без союза. Одинокий и беспомощный, он больше всего боялся разрыва с Россией, занемог даже новой болезнью— войнобоязнью и не мог забыть посещения Берлина в 1760 г. казаками и калмыками, сам признавался потом, что ему долго и часто снились эти гости. Притом этот союз, целью которого было облегчить России ее задачи в Польше, только еще более затруднял их. Россия опиралась там на патриотическую партию князей Чарторыйских, стремившихся вместе с новым королем вывести свое отечество из анархии путем реформ, замены сеймового liberum veto большинством голо-

сов, установления наследственной монархии, отмены права конфедераций и т. п.

Сам Панин не был против реформ и находил слишком жестоким мешать полякам выйти из варварства, лаская свое честолюбие мечтой прослыть восстановителем Польши. Эти реформы не были опасны для России; ей было даже выгодно, чтобы Польша несколько окрепла и стала полезной союзницей в борьбе с общим врагом, Турцией.

Но Фридрих и слышать не хотел о пробуждении Польши от политической летаргии, по его выражению, и толкнул Екатерину на договор с Польшей (13 февраля 1768 г.), по которому Россия гарантировала неприкосновенность польской конституции, обязалась не допускать в ней никаких перемен. Так прусский союз заставил Екатерину оттолкнуть от себя преобразовательную партию Чарторыйских, важную опору русской политики в Польше. Тот же союз вооружал против России покинутую ею давнюю союзницу Австрию, а Австрия, с одной стороны, вместе с Францией подстрекнула против России Турцию (1768 г.), а с другой — забила европейскую тревогу: односторонняя русская гарантия грозит-де независимости и существованию Польши, интересам соседних с нею держав и всей политической системе Европы.

Из Вены Фридриха пригласили сообща предложить Польше и австро-прусское ру-

чательство за ее конституцию в дополнение к русскому. Единичная гарантия заменялась коллективной, и республика становилась под тройственный протекторат соседних держав. Фридрих охотно откликнулся на призыв, почуяв добычу и благоприятное расположение карт: раздел влияния в Польше можно было положить в основу раздела территории, а союз с Россией превратить в средство ей противодействовать. Недаром император Иосиф II вынес из свидания с Фридрихом по поводу этой венской комбинации (1769 г.) впечатление, выразившееся в его отзыве о короле: «Это гений, говорит он чудесно, но в каждом слове его сказывается плут».

Пугая Австрию Россией, Россию Австрией, а ту и другую Францией в случае их союза, он передергивал бестолково запутавшиеся отношения европейских кабинетов, восполняя недостаток силы бесстыдством, смущавшим даже дипломатическую совесть того века. Опираясь на союз с Россией, он затянул в один узел русско-польское и русско-турецкое дело и оба дела вывел из сферы русской политики, сделав их европейскими вопросами, чем отнял у русской политики средства разрешить их исторически правильно — раздельно и без стороннего участия.

Таковы были неудобства и затруднения, созданные для России северной системой и прусским союзом. Этой системой Екатерина

выходила на путь политики мечтаний, ставила себе слишком далекие от текущих нужд, даже недостижимые цели, а этим союзом подчиняла себя чужой политике; наконец, эта система и этот союз вместе затрудняли достижение прямых и ближайших целей, какие указывала история. Достаточно беглого обзора хода и приемов внешней политики в изучаемое царствование, чтобы видеть действие этих ее недостатков на разрешение обеих очередных задач. *В. К-ский*

ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ. Начнем с восточного вопроса. На нем особенно ярко отразился недостаток политического глазомера, наклонность смотреть поверх ближайших целей, не соображая наличных средств. Вопрос состоял в том, чтобы продвинуть территорию государства на юге до естественных ее пределов, до морей Черного и Азовского, и ни в чем более он не состоял в то время.

Но такая цель казалась слишком скромна: пустынные степи, крымские татары — это завоевания, которые не окупят потраченного на них пороха. Вольтер шутя писал Екатерине, что ее война с Турцией легко может кончиться превращением Константинополя в столицу Российской империи. Эпистолярная любезность совпала с серьезными промыслами в Петербурге и прозвучала как бы пророчеством.

Турецкая война была проверочным испытанием для Екатерины. В шесть лет императрица успела широко взмахнуть крыльями, показать свой полет Европе делами в Польше, дома — созывом представительной комиссии 1767 г. Ее имя уже обволакивалось светлой дымкой величия. Опуститься на землю и пойти, как ходят обыкновенные государи, значило для Екатерины допустить, чтобы сияние рассыпалось болотными огоньками; тогда все зависти и злости, пришибленные ее успехами, поднимутся и бог знает, что может последовать.

В таком приподнятом настроении встречала Екатерина турецкую войну, к которой совсем не была приготовлена. Унывать было нельзя. «Пойдем бодро вперед — поговорка, с которой я проводила одинаково и хорошие и худые годы, и вот прожила целых сорок лет, и что значит настоящая беда перед прошлыми?» — так писала Екатерина своей заграничной знакомой в самом начале военных действий — и начале, не совсем удачном. И она развила в себе изумительную энергию, работала, как настоящий начальник генерального штаба, входила в подробности военных приготовлений, составляла планы и инструкции, изо всех сил спешила построить азовскую флотилию и фрегаты для Черного моря, обшарила все углы и закоулки Турецкой империи в поисках, как бы устроить заворошку, заговор

или восстание против турок в Черногории, Албании, среди майнотов, в Кабарде, поднимала царей имеретинского и грузинского и на каждом шагу наталкивалась на свою неготовность; решив послать морскую экспедицию к берегам Морей, просила своего посла в Лондоне выслать ей карту Средиземного моря и Архипелага, также достать пушечного литейщика поаккуратнее наших, «кои льют сто пушек, а годятся много что десять», хлопоча поднять Закавказье, недоумевала, где находится Тифлис, на каспийском или черноморском берегу, или же внутри страны.

Настроение менялось под сменявшимися впечатлениями. «Зададим мы звону, какого не ожидали», — писала она вскоре по получении известия о разрыве (ноябрь 1769 г.). «Много мы каши заварили, кому-то вкусно будет», — раздумчиво писала она через полгода, когда война разгоралась. Но набегавшее раздумье разгоняли такие лихие головы, как братья Орловы, умевшие только решаться, а не думать. На одном из первых заседаний совета, собиравшегося по делам войны под председательством императрицы, Григорий Орлов, которого Екатерина называла Фридриху II героем, подобным древним римлянам лучших времен республики, предложил отправить экспедицию в Средиземное море. Немного спустя брат его Алексей, долечивавшийся в Италии, указал и прямую цель экспедиции:

если ехать, так уж ехать до Константинополя и освободить всех православных от ига тяжкого, а их неверных магометан, по слову Петра Великого, согнать в поле и в степи пустые и песчаные, на прежние их жилища. Он сам напросился быть и руководителем восстания турецких христиан.

Нужно было иметь много веры в провидение, чтобы послать на такое дело в обход чуть не всей Европы флот, который сама Екатерина четыре года назад признала никуда не годным. И он спешил оправдать отзыв. Едва эскадра, отплывшая из Кронштадта (июль 1769 г.) под командой Спиридова, вступила в открытое море, один корабль новейшей постройки оказался негодным к дальнейшему плаванию. Русские послы в Дании и Англии, осматривавшие проходившую эскадру, были поражены невежеством офицеров, недостатком хороших матросов, множеством больных, унынием всего экипажа. Эскадра двигалась медленно.

Екатерина выходила из себя от нетерпения и просила Спиридова ради бога не мешкать, собрать силы душевные и не посрамить ее перед целым светом. Из 15 больших и малых судов эскадры до Средиземного моря добралось только восемь. Когда А. Орлов осмотрел их в Ливорно, у него волосы поднялись дыбом, а сердце облилось кровью: ни провианта, ни денег, ни врачей, ни сведущих офицеров,

и «если бы все службы, — доносил он императрице, — были в таком порядке и незнании, как эта морская, то беднейшее было бы наше отечество». С незначительным русским отрядом Орлов быстро поднял Морею, но не мог дать повстанцам прочного боевого устройства и, потерпев неудачу от подошедшего турецкого войска, бросил греков на произвол судьбы раздраженный тем, что не нашел в них Фемистоклов. Екатерина одобрила все его действия.

Соединившись с подошедшей между тем другой эскадрой Эльфингстона, Орлов погнался за турецким флотом и в Хиосском проливе близ крепостцы Чесме настиг армаду по числу кораблей больше чем вдвое сильнее русского флота. Смельчак испугался, увидев «оное сооружение», но ужас положения вдохнул отчаянную отвагу, сообщившуюся и всему экипажу, «пасть или истребить неприятеля». После четырехчасового боя, когда вслед за русским «Евстафием» взлетел на воздух и подожженный им турецкий адмиральский корабль, турки укрылись в Чесменскую бухту (24 июня 1770 г.).

Через день в лунную ночь русские пустили брандеры и к утру скученный в бухте турецкий флот был сожжен (26 июня). Еще в 1768 г. по поводу только что предпринятой морейской экспедиции Екатерина писала одному своему послу: «Если богу угодно, увидишь чу-

деса». И чудеса уже начались, одно было налицо: в Архипелаге нашелся флот хуже русского, а об этом русском флоте сам Орлов писал из Ливорно, что, «если б мы не с турками имели дело, всех бы легко передавили». Но Орлову не удалось завершить кампанию, прорваться через Дарданеллы к Константинополю и вернуться домой Черным морем, как было предположено.

За удивительными морскими победами на Архипелаге следовали такие же сухопутные в Бессарабии на Ларге и Кагуле (июль 1770 г.). Заняты Молдавия и Валахия, взяты Бендеры; в 1771 г. овладели нижним Дунаем от Журжи и завоевали весь Крым. Казалось, территориальная задача русской политики на юге была разрешена; сам Фридрих II находил присоединение Крыма к России умеренным условием мира. Но петербургская политика, чересчур смелая в начинаниях, была довольно робка в подсчете добытых итогов. Боясь встревожить Европу такими крупными присоединениями, как Крым и азовско-черноморские степи, где между Кубанью и Днестром кочевали ногайские татары, там придумали новую комбинацию — этих всех татар не присоединять к России, а только оторвать от Турции и объявить независимыми, точнее, заставить променять легкую зависимость от единоверного султана на покровительство грозной иноверной царицы.

Ногаи поддались на русское предложение, но крымский хан понял мудреный план и напрямки обозвал его в своем ответе русскому уполномоченному пустословием и безрассудством. Крым и был завоеван в 1771 г. именно для того, чтобы навязать ему русскую свободу. В число русских условий мира поставлено было и освобождение завоеванных Россией Молдавии и Валахии от Турции, и Фридрих II считал это дело возможным. Теперь сопоставим конец войны с ее началом, чтобы видеть, как мало они сходятся. Предпринято было два освобождения христиан на разных европейских окраинах Турецкой империи, греков в Морее, румын в Молдавии и Валахии.

От первого отказались, потому что не сумели исполнить, от второго принуждены были отказаться в угоду Австрии и кончили третьим, освободили магометан от магометан же, татар — от турок, чего не замышляли, начиная войну, и что решительно никому не было нужно, даже самим освобожденным. Крым, пройденный русскими войсками еще при императрице Анне и теперь вновь завоеванный, не стоил и одной войны, а из-за него воевали дважды.

Вторая война с Турцией и была вызвана недосмотрами, подготовившими или сопровождавшими первую. Мнимо независимый Крым под покровительством России причинял ей хлопот еще больше прежнего ожесто-

ченной усобицей партий русской и турецкой, насильственной сменой ханов. Наконец, решились присоединить его к России, что и повело ко второй войне с Турцией.

Ввиду этой войны покинули северную систему с прусским союзом и вернулись к прежней системе австрийского союза. Сменились и сотрудники Екатерины по внешней политике: вместо Панина стали Потемкин, Безбородко. Но при новых отношениях и людях сохранилось прежнее мышление, привычная наклонность строить «испанские замки», как называла Екатерина свои смелые планы. Ввиду второй войны с Турцией были построены и предложены (1782 г.) новой союзнице Австрии два замка: между тремя империями, Россией, Австрией и Турцией, образуется из Молдавии, Валахии и Бессарабии независимое государство под древним именем Дакии и под управлением государя греческого исповедания; в случае удачного исхода войны восстановляется Греческая империя, на престол которой Екатерина прочила своего второго внука Константина. Екатерина писала императору Иосифу II, что независимое существование этих двух новых государств на турецких развалинах обеспечит вечный мир на Востоке. Иосиф беспрекословно соглашался, что непременно обеспечит, особенно если Австрия при этом что-нибудь присоединит от Турции.

Он со своим министром Кауницем составил план заработать на этом греческом проекте русской дипломатии турецкую крепость Хотин на Днестре и широкую полосу от реки Ольты, притока Дуная, вплоть до Адриатического моря с Малой Валахией, Сербией, Боснией и даже с Истрией и Далматией, областями Венецианской республики, которая за то вознаграждалась из турецкого же территориального фонда Мореей, Критом, Кипром и другими островами. И все это за какую-то Дакию и за Греческую империю без Греции! Политика археологических реставраций встретилась здесь с политикой реальных интересов, с расчетами земельного хищничества.

Вторая война (1787–1791), победоносная и страшно дорого стоившая людьми и деньгами, кончилась тем, чем должна была кончиться первая: удержанием Крыма и завоеванием Очакова со степью до Днестра, за Россией укреплялся северный берег Черного моря, без Дакии и без второго внука на константинопольском престоле. *В. К-ский*

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1768–1774 гг. Осенью 1768 г. Турция объявила войну России. Она стремилась захватить Причерноморье, расширить свои владения на Кавказе и подчинить Астрахань. В январе 1769 г. Крымская орда напала на Украину. Русская армия

генерала П. А. Румянцева отразила этот набег и блокировала Крым. 1-я русская армии генерала А. М. Голицына (65 тыс. чел.), переправившись через р. Днестр, в сентябре 1769 г. заняла турецкую крепость Хотин.

В феврале — мае 1770 г. эскадры кораблей русского Балтийского флота адмирала Г. А. Спиридова и адмирала Д. Эльфинстона пришли в Эгейское море. В июле 1770 г. русский флот под командованием генерал-аншефа А. Г. Орлова атаковал стоявший в Хиосском проливе турецкий флот и вынудил противника укрыться в Чесменской бухте. В ночь на 26 июня 1770 г. все турецкие корабли были уничтожены огнем русской корабельной артиллерии.

В 1770 г. в решающее наступление перешла 1-я русская армия, которую теперь возглавил П. А. Румянцев. Его войска разгромили крымского хана в сражениях у Рябой Могилы, на р. Ларге, а затем разбили турок на р. Кагул. В сентябре 2-я армия генерала П. И. Панина овладела крепостями Бендеры, Измаил, Килия, Браилов и Аккерман.

В феврале — марте 1771 г. армия П. А. Румянцева заняла крепость Журжу, блокировала крепости Тулча и Исакча. 2-я русская армия под командованием генерала В. М. Долгорукова в июне заняла Перекоп, а затем быстро захватила Крым. В июне — июле 1771 г. рус-

ские заняли крымские города Кафу, Керчь, Еникале.

1 ноября был подписан мирный договор представителей России с крымским ханом Сахиб-Гиреем, по условиям которого устанавливалось независимое положение Крыма от Турции и покровительство над ним Российской империи.

В июне 1773 г. русские войска перешли Дунай и осадили крепость Силистрия, но сил уже не было, и Румянцев отвел войска обратно за Дунай. Императрица Екатерина II поставила перед Румянцевым задачу ускорить окончание войны.

Армия П. А. Румянцева снова перешла Дунай. В июне 1774 г. 25-тысячный русский отряд под командованием генералов А. В. Суворова и М. Ф. Каменского разбил 40-тысячный турецкий корпус у Козлуджи. Войска генерала И. П. Салтыкова блокировали крепости Шумлу, Рущук (Русе) и Силистрию. Турецкому правительству пришлось пойти на мирные переговоры, которые закончились подписанием Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., по которому Россия получала свободный выход в Черное море и крепости Кунбуры, Керчь и Еникале. (Молдова), левый приток р. Прут. *В. В.*

ЛА́РГА — река на территории княжества Молдавия.

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. 7 июля 1770 г. в устье р. Ларги произошло сражение между русской армией и частью турецко-татарской армии.

После победы в сражении у Рябой Могилы (17.06.1770 г.) 1-я русская армия (38 тыс. человек, при 115 орудиях) под командованием генерала-аншефа П. А. Румянцева продолжала наступление в южном направлении, пытаясь выйти к нижнему течению реки Дунай и окончательно разгромить турецкую армию. Между реками Ларга и Бабикул разведка обнаружила авангард армии противника — войско крымского хана Каплан-Гирея (65 тыс. татар, 15 тыс. турок, при 33 орудиях). Командующий русской армией генерал П. А. Румянцев 7 июля 1770 г. в 4 ч. утра атаковал противника. С фронта позиции противника атаковал корпус генерал-поручика П. Г. Племянникова. Другие русские корпуса переправились через Ларгу за селением Кысть и нанесли удар по флангам войск Каплан-Гирея. Румянцев построил свои войска в несколько каре и между ними расположил артиллерию. Каждое каре действовало самостоятельно. Русские сразу же потеснили численно превосходящие силы противника и к 12 ч. дня совершенно разгромили его.

Потеряв более 1000 человек убитыми и до 2000 человек пленными, а также всю артиллерию и обоз, Каплан-Гирей отступил на соеди-

нение с главной турецкой армией, стоявшей у Исакчи. Русские войска в сражении на р. Ларге потеряли ок. 100 человек убитыми и ранеными.

Сражение при Ларге создало условия для разгрома основных турецких сил при Кагуле. *В. В.*

КАГУ́Л — река, левый приток р. Дунай, на которой 21 июля 1770 г. произошло сражение между русской и турецкой армиями в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. 1-я русская армия генерала П. А. Румянцева (38 тыс. человек, 149 орудий) была сосредоточена у деревни Гречены (Гризешти). Главная турецкая армия под командованием визиря Халиль-паши (50 тыс. пехоты, ок. 100 тыс. конницы) находилась у деревни Вулканешти и собиралась атаковать русские войска с фронта. Одновременно с ней удар в тыл армии Румянцева должно было нанести 80-тысячное татарское войско, стоявшее в районе оз. Ялпуг.

Чтобы помешать планам противника, Румянцев в ночь на 21 июля начал выдвижение своих войск в направлении турецких позиций. С 6 до 8 ч. утра турецкая конница непрерывно атаковала наступающие русские войска. Русские дивизии для боя построились в несколько каре. Русская конница располагалась между каре и позади них. Еще 3,5 тыс. всадников и артиллерию Румянцев оставил

в резерве. В ходе атаки 10-тысячного отряда янычар, одно из русских каре (дивизия генерала П. Г. Племянникова) было расстроено. Тогда Румянцев восстановил положение, бросив на выручку резервные части, а затем разгромил всю турецкую армию. Войска крымских татар наступать не решились и отошли к Аккерману. Уже ок. 10 ч. утра турки бежали в направлении Дуная, где их настиг отряд генерала Ф. В. Бауэра и снова успешно атаковал.

В ходе сражения турки потеряли ок. 20 тыс. человек убитыми, 2 тыс. человек пленными, 60 знамен, 130 орудий и обоз с казной Халиль-паши. Русские потеряли в этой битве ок. 1,5 тыс. человек. Кагульское сражение резко изменило ход войны. Русские заняли Бендеры, Измаил, Киликию, Аккерман, Бухарест и другие населенные пункты. Румянцев гарантировал мир и безопасность всем жителям этих районов. *В. В.*

АРХИПЕЛА́ГСКИЕ ЭКСПЕДИ́ЦИИ — походы русского военно-морского флота во время войн с Турцией в Архипелаг — острова в Эгейском море.

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. с Балтики на Средиземное море направились 5 эскадр (всего более 50 кораблей) под руководством графа А. г. Орлова. Фактически руководителем экспедиции был Г. А. Спири-

дов, командир 1-й эскадры. Цель экспедиции состояла в том, чтобы оттянуть часть турецких военных сил с Дунайского фронта и нанести им удар с тыла, а также помочь народам Балканского полуострова в их освободительной борьбе. Корабли прибыли в Архипелаг в феврале 1770 г.

В июне 1770 г. в бухте Чесма в Хиосском проливе Эгейского моря русские корабли уничтожили турецкий флот и завоевали господство на островах Архипелага. Базой русского флота стал порт Ауза на острове Парос. Русские корабли блокировали пролив Дарданеллы и взяли под контроль не только весь Архипелаг, но и все Эгейское море, а с 1772 г.— все Восточное Средиземноморье. Они захватили на турецких морских путях более 600 торговых судов. Русские моряки более 60 раз высаживались на берег. Они взяли 16 приморских крепостей и этим оказали поддержку греческому народу в борьбе с турками.

Во время Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. на Ионическом море против французов действовала эскадра Д. Н. Сенявина (10 линейных кораблей и фрегат). Она подошла к Архипелагу и в марте 1807 г. захватила остров Тенедос, который стал базой для блокады пролива Дарданеллы. Турецкий флот, пытавшийся прорвать блокаду, был разбит в мае в Дарданельском и в июне — в Афонском сражениях. Это обеспечило рус-

скому флоту безраздельное господство в Архипелаге.

После заключения Тильзитского мира 1807 г. эскадра Сенявина покинула Средиземноморье. *Д. Н.*

ЧЕСМЕ́НСКОЕ МОРСКО́Е СРАЖЕ́НИЕ 1770 г. — сражение во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Сражение произошло 24–26 июня 1770 г. в бухте Чесма (Чешме) в Хиосском проливе Эгейского моря.

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., по предложению А. Г. Орлова, часть кораблей Балтийского флота была направлена в Средиземное и Эгейское моря, чтобы там нанести туркам неожиданный удар и отвлечь их силы с Черного моря. Благодаря мужеству русских моряков этот план оказался удачным.

Две балтийские эскадры под командованием адмиралов Г. А. Спиридова и Д. Эльфинстона в разное время вышли в поход, и затем соединились под общим командованием графа А. Г. Орлова у о-ва Цериго в греческом Архипелаге. Русский флот насчитывал 9 линейных кораблей, 3 фрегата, 1 бомбардирский корабль, 17 вспомогательных судов и 820 орудий. Ему противостояли главные силы турецкого флота, который господствовал в Эгейском море и заметно превосходил русские

эскадры как по числу кораблей (16 линейных кораблей, 6 фрегатов и 50 малых судов), так и по их вооружению. Всего на турецких кораблях было 1430 орудий — на 610 больше, чем на русских.

24 июня 1770 г., обнаружив турецкий флот в Хиосском проливе, в полумиле от анатолийского берега, русские на всех парусах атаковали неприятельские корабли, выстроившиеся в две линии. Во время боя противники сошлись на дистанцию в 50–70 м, на которой артиллеристы без промаха могли расстреливать противника. Командовавший турецким флотом Ибрагим Хасан-Эддин во время сражения находился на наблюдательном пункте на берегу. Его обязанности выполнял алжирский адмирал Хасан-бей Джезаирли, находившийся на флагманском корабле «Реал-Мустафа». Именно его и атаковал адмирал Г. А. Спиридов, командовавший русским авангардом. Он держал флаг на линейном корабле «Евстафий». В ходе боя оба корабля сблизились настолько, что их экипажи вступили в абордажную схватку. После того как «Реал-Мустафа» загорелся, Спиридов и генерал Ф. Г. Орлов, находившийся с ним на одном корабле, перешли на пакетбот «Почтальон». Спустя несколько минут подгоревшая гротмачта турецкого корабля рухнула на «Евстафий». Попавшие в пороховой погреб искры вызвали взрыв, от которого погибли оба ко-

рабля. Из 625 человек экипажа на русском корабле спаслось лишь 70 человек.

Устрашенные произошедшей катастрофой, турецкие корабли стали выходить из боя и отступать к югу, в Чесменскую бухту.

Русская эскадра не преследовала неприятеля и лишь к утру 25 июня 1770 г. блокировала турецкий флот в этой глубокой бухте, прикрытой со стороны моря сильной береговой батареей. В ночь на 26 июня 1770 г., корабли Орлова и Спиридова, начали обстрел окруженного флота зажигательными снарядами. Один за другим загорелись и взорвались два турецких линейных корабля. Тогда, по особо оговоренному сигналу (3 выпущенные с флагманского корабля ракеты), четыре русских брандера (небольшие шхуны, загруженные бочками с порохом и смолой) двинулись к неприятельскому флоту, находившемуся в глубине Чесменской бухты. Три из них не достигли своей цели — один перехватили турецкие галеры, другой сел на мель, третий экипаж преждевременно его бросил, и он прошел мимо вражеских кораблей. Лишь брандер лейтенанта Д. Ильина вплотную подошел к борту турецкого корабля и был подожжен вместе с ним. От начавшегося пожара загорелся весь неприятельский флот. Экипажи горящих судов, прекратив сопротивление, в панике бросали свои корабли и бежали в глубь побережья. Победа русских была полной. Им удалось даже

спасти некоторые из брошенных турецких кораблей. Русские моряки вывели из огня линейный корабль «Родос» и 5 галер, ставшие боевым трофеем.

Потери с турецкой стороны оцениваются приблизительно. Считается, что только погибшими турецкий флот потерял 10–11 тыс. человек. Русские в ночном бою 26 июня потеряли 11 человек.

Все участники Чесменской победы независимо от чинов и званий были награждены медалями с надписью «БЫЛ». Граф А. Г. Орлов за эту победу получил почетное добавление к фамилии — Чесменский. *В. В.*

КЮЧУ́К-КАЙНАРДЖИ́ЙСКИЙ МИР 1774 г.— мирный договор, заключенный 10 июля 1774 г. между Россией и Турцией недалеко от Силистрии у границы с Добруджей.

Кючук-Кайнарджийский договор положил конец Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Война с Турцией 1768–1774 гг. была победоносной для России: блестящие победы русского флота и сухопутных сил под командованием князя В. М. Долгорукого и графа П. А. Румянцева заставили турецкую сторону принять основные пункты выдвинутых русскими условий. По мирному договору к России отошли берега Черного и Азовского морей: граница России на северо-западном Кавказе была установлена по реке Кубань.

К России переходила часть Черноморского побережья с крепостями Керчь, Еникале, Кинбурн. Большая и Малая Кабарда оставались в составе России, а русские суда получали право беспрепятственного судоходства по Черному морю. Кючук-Кайнарджийский мир предусматривал отделение от Османской империи Крымского ханства, которое объявлялось независимым. Влияние России на Балканах укреплялось: Молдавия и Валахия переходили от Османской империи под протекторат России, т. к. население этих княжеств было православным.

В результате Россия почти достигла на юге «естественных границ». Последним шагом к их оформлению стало присоединение к России Крыма в 1783 г. Военное могущество России давало русской дипломатии преимущество на международной арене и даже способствовало возникновению т. н. греческого проекта, который состоял в том, чтобы расчленить Турцию и на ее месте воссоздать Греческую империю во главе с внуком Екатерины II, Константином. *Е. С.*

РАСШИРЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ВОПРОСА. Борьба с Турцией, разрешая одни задачи, вносила в него другие, его расширявшие. Призыв подвластных Порте народностей в первое время служил только агитационным средством с целью затруднить врага; подстрекали и татар,

и греков, и грузин, и кабардинцев, подпаливали Турцию, по выражению Екатерины, со всех четырех углов, не задумываясь о том, что строить на пожарище.

Алексей Орлов с умилением мечтал только о том, как по изгнании турок из Европы на их месте опять водворится благочестие. Даже строительный ум Никиты Панина в проекте союза России с Пруссией и Австрией (1770 г.) с целью изгнания турок из Европы успокаивался на мысли, вознаградив Австрию из турецких земель, области, оставшиеся за турками, вместе с самим Константинополем превратить в республику: этот тройственный союз — новая панинская запряжка в дипломатическую телегу, а турецкая республика — под стать орловскому благочестию на опустелых турецких местах.

Только перед второй турецкой войной дипломатический бред стал складываться в более определенные планы, построенные на исторических воспоминаниях или религиозно-национальных связях. Но творцы этих планов не понимали ни религиозных, ни национальных интересов как основы политических построений, славянские области Турции присоединяли к Австрии, православно-греческие — к католической Венеции; накануне первой турецкой войны в Петербурге вразумляли австрийского посла, что владеть Белградом с округом для Австрии гораздо выгоднее, чем

Силезией, и советовали действовать в этом направлении. Впрочем, на деле события следовали не за изворотами дипломатического воображения, а за движениями армий в зависимости от географических расстояний. Потому попытка освободить морейских греков завершилась освобождением крымских татар; подняли православную Грузию, а в условия мирного договора включили присоединение магометанской Кабарды.

В Кайнарджийском договоре (1774 г.) восставшим за свободу грекам была выговорена только амнистия, а господари Молдавии и Валахии, пальцем не шевельнувшие для освобождения своих княжеств, получили право под протекцией русского посла в Константинополе ходатайствовать через поверенных по своим делам перед Портой, и это право стало основой автономии Дунайских княжеств. Молдо-валашская протекция русского посла, расширяясь, превратилась в русское покровительство всех турецких христиан.

В таком составе восточный вопрос стоял на очереди во внешней политике России с начала 19 в. Под покровом русского протектората одна часть Европейской Турции за другой отторгалась от нее вполне или условно в порядке географической близости к России; только иногда этот порядок нарушался сравнительно более или менее ранним политическим пробуждением той или другой народности.

Начавшись Дунайскими княжествами, дело продолжалось Сербией и Грецией и остановилось на Болгарии. *В. К-ский*

ВЛАДИКАВКА́З — город на Северном Кавказе на реке Терек.

Владикавказ основан в 1784 г. как редут (небольшое земляное укрепление) рядом с осетинским селением Капкай («Горные ворота») у входа в Дарьяльское ущелье. Владикавказская крепость приобрела важное стратегическое значение после строительства Военно- Грузинской дороги, соединившей в 1799 г. Владикавказ с Тифлисом. К 1800 г. редут превратился в мощную крепость, рядом выросли 8 станиц Владикавказского казачьего полка. Казаки из этих станиц заставили осетин прекратить взимать пошлины за проезд в Закавказье.

В 1810 г. был введен контроль за торговлей с горцами, и Владикавказская крепость стала единственным пунктом продажи им соли. Здесь находился военный комендант, и ему подчинялись приставы Осетии и Ингушетии.

Крепость сыграла важную роль во время Кавказской войны. Жители Владикавказа отразили нападение горцев в 1830, 1831, 1858 гг. В 1860 г. поселение, где тогда жили 2,5 тыс. человек, было преобразовано в город Владикавказ. В 1863 г. он стал центром Терской области.

В 1870 г. население города превысило 10 тыс. В 1897 г. во Владикавказе жили уже 44 тыс. человек, в основном русские и армяне. На левом берегу Терека выросла торгово-промышленная Тенгинская слобода, которую чугунный мост соединял с городским центром. В 19 в. сформировалась прямоугольная сеть улиц. Два раза в год здесь устраивались ярмарки. Крупнейшим предприятием был винокуренный завод Сараджева. В 1875 г. железная дорога соединила Владикавказ с Ростовом-на-Дону. В городе действовал театр, два общественных сада, дворянский и коммерческий клубы. *Д. Н.*

ГЕОРГИЕВСКИЙ ТРАКТАТ 1783 г. — договор о переходе Восточной Грузии (Картли и Кахетии) под покровительство России.

Георгиевский трактат был подписан 24 июля 1783 г. в русской крепости Георгиевск на Северном Кавказе.

Причиной подписания трактата стала угроза турецкого и иранского вторжения в Восточную Грузию. Грузинский царь Ираклий II еще в 1771 г. обратился за покровительством к Екатерине II. Но она только в 1782 г. поручила российскому посланнику Я. Рейнегсу передать царю Восточной Грузии свое согласие.

По Георгиевскому трактату, Ираклий II обязывался не признавать иной власти, кроме власти и покровительства российских

государей. Отныне монархи России утверждали грузинского царя, вступающего на престол, а он приносил им присягу на верность. Восточная Грузия отказывалась от самостоятельных отношений с иностранными государствами и принимала посредничество России в урегулировании споров с Западной Грузией (Имеретией). Царь Картли и Кахетии сохранял «власть, со внутренним управлением сопряженную, суд и расправу, и сбор податей». В свою очередь Россия брала на себя обязательства содействовать объединению всех грузинских земель, защищать Восточно-Грузинское царство и направить туда два батальона, а в случае войны — другие войска.

3 ноября 1783 г. русский отряд торжественно встретили в Тифлисе, а 23 ноября Ираклий II присягнул на верность России. *Д. Н.*

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1787—1791 гг. — Турция хотела вернуть Крым и не допустить усиления России в Закавказье. В конце августа 1787 г. Турция предъявила России ультиматум и потребовала вернуть Крым. Россия ультиматум отвергла, и 1 сентября, еще до получения в Петербурге известия об объявлении войны, турецкий флот напал на русские сторожевые корабли у Кинбурна. 1 октября турецкий десант высадился на Кинбурнской косе, но его уничтожил корпус А. В. Суворова.

В мае 1788 г. в войну вступила Украинская армия под командованием П. А. Румянцева. Но начались военные действия в Швеции и Польше, и в результате основные действия ограничились взятием крепостей Хотин (в сентябре) и Очаков, взятой войсками генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина в декабре 1788 г.

Из-за интриг Потемкина был устранен П. А. Румянцев, вместо него назначен Н. В. Репнин. Обе армии слились в одну, Южную. В июле русские войска двинулись к Бендерам. На подступах к городу их ожидала турецкая армия. Здесь на помощь пришла дивизия А. В. Суворова. Дважды, под Фокшанами (21 июля 1789 г.) и на реке Рымник (11 сентября 1789 г.), он разбил турецкие армии, после чего русские войска заняли крепости Бендеры, Хаджибей и Аккерман. Но императрица торопила с окончанием войны, а Потемкин действовал медленно. Русский Черноморский флот под командованием контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова в Керченском морском сражении 8 июля 1790 г. и сражении у о. Тендра 28–29 августа 1790 г. нанес поражение турецкому флоту капудан-паши Хусейна и сорвал высадку десанта в Крыму. 11 декабря 1790 г. русская армия под командованием А. В. Суворова штурмом овладела турецкой крепостью Измаил. Отныне русский флот господствовал на Черном море.

В 1791 г. Россия одержала еще три громкие победы. В июне отряд под командованием генерала Н. В. Репнина форсировал Дунай и разбил 23-тысячный турецкий корпус при Бабадаге. В июне в сражение при Мачине 30-тысячная русская армия под командованием генерала Н. В. Репнина разгромила 80-тысячную турецкую армию великого визиря Юсуф-паши. На Кавказе русские войска овладели Анапой. 31 июля 1791 г. Черноморская эскадра контр-адмирала Ф. Ф. Ушакова одержала полную победу над турецким флотом у мыса Калиакрия.

29 декабря 1791 г. был подписан Ясский мирный договор, по которому к Российской империи отошли земли между р. Южный Буг и р. Днестр, а также подтверждено присоединение Крыма. *В. В.*

ОЧА́КОВА ОСА́ДА 1788 г. — действия русской армии по овладению турецкой крепостью Ачи-Кале (русское название Очаков), завершившиеся ее штурмом 6 декабря 1788 г. В мае 1788 г. Екатеринославская армия генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина выступила к крепости Ачи-Кале (Очакову). Гарнизон крепости, расположенной на северо-западном берегу Днепровско-Бугского лимана, контролировал все Северное Причерноморье. Еще до прибытия войск Потемкина русская гребная флотилия под командованием адмирала

К. Г. Нассау-Зигена нанесла два тяжелых поражения турецкому флоту, прикрывавшему Ачи-Кале с моря. Потеряв 7 линейных кораблей, 2 фрегата и несколько вспомогательных судов, противник больше не пытался препятствовать действиям русского флота и войск под Очаковым.

В июле 1788 г. главные силы Екатеринославской армии подошли к турецкой крепости, расположились лагерем на берегу Днепра в 3,5 км от нее и приступили к установке осадных батарей. Бомбардировка крепости началась в июле 1788 г. и продолжалась до самого штурма в декабре. Дважды, в августе и сентябре, осажденные совершали вылазки из города, но были отбиты и с потерями возвращались обратно в крепость. Тогда был ранен генерал-майор М. И. Кутузов. В ноябре турки пытались разрушить брешь-батарею на левом фланге. Русские понесли большие потери. Эта диверсия продемонстрировала готовность осажденных биться до конца. После нее Г. А. Потемкин приказал готовиться к штурму крепости. Подготовка несколько затянулась из-за снежной бури, продолжавшейся полмесяца. Лишь 6 декабря 1788 г. в 7 ч. утра при 23-градусном морозе русские войска пошли на штурм. Он продолжался всего 1 ч. 45 мин. Противник ожесточенно сопротивлялся: из 13-тысячного турецкого гарнизона в плен сдались лишь 4 тыс. человек во главе с комендантом пашой

Хуссейном. В числе пленных было три паши и 448 офицеров. Во время штурма погибло 8700 турок, в т. ч. 283 офицера. Еще 1140 человек из очаковского гарнизона, взятые в плен ранеными, умерли в госпиталях и лазаретах. В числе трофеев были 323 орудия и 180 знамен.

Русские потеряли убитыми генерал-майора С. А. Волконского, бригадира И. П. Горича, трех штаб-офицеров, 25 обер-офицеров, 936 солдат. Ранены были ок. 5 тыс. человек.

В награду за взятие Очакова Г. А. Потемкин получил орден Св. Георгия 1-й степени, осыпанную бриллиантами шпагу и 60 тыс. рублей. Золотыми медалями были награждены офицеры. Солдаты получили серебряные медали на Георгиевской ленте для ношения в петлице. *В. В.*

ИЗМАЙЛА ШТУРМ 1790 г. — одно из важнейших сражений, определившее исход Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Турецкая крепость Измаил (тур. название Ордукалеси — «армейская крепость») находилась на левом берегу Килийского рукава р. Дунай. Ее реконструировали европейские военные инженеры Де-Лафит-Клаве и Рихтер. Крепость стояла на высоком холме и была окружена валом высотой 6–8 м. Вокруг холма был вырыт ров шириной 12 м и глубиной 6–10 м. Укрепления крепости считались неприступ-

ными. Турецкий гарнизон насчитывал 35 тыс. человек, при 265 орудиях. Командовал им сераскир Айдос Мехмет-паша.

В ноябре 1790 г. Измаил осадили русские войска под командованием генерал-поручика И. В. Гудовича (31 тыс. человек, свыше 500 орудий). На военном совете, созванном 26 ноября 1790 г., генерал-поручик А. Н. Самойлов, сменивший Гудовича, принял решение снять осаду и отойти на зимние квартиры. Еще до этого решения 25 ноября 1790 г. главнокомандующий объединенной Южной армией Г. А. Потемкин послал генерал-аншефу Суворову приказ немедленно выехать к Измаилу и принять командование находящимися там войсками.

2 декабря 1790 г. Суворов прибыл к войскам, и вскоре на военном совете единогласно приняли решение штурмовать крепость. Суворов дал противнику понять, что готовится к длительной осаде крепости, но сам начал готовиться к внезапной атаке со всех сторон крепости. 7 декабря 1790 г. Суворов отправил письмо командованию турецкого гарнизона с предложением сдаться. К письму Суворов приложил свою записку: «Сераскиру, старшинам и всему обществу: я с войсками сюда прибыл. 24 часа на размышление для сдачи и воля; первые мои выстрелы уже неволя, штурм — смерть, чего оставляю вам на рассмотрение». Русскому офицеру, доставившему эти письма,

Айдос Мехмет-паша передал ответ: «Скорее Дунай остановится в своем течении, и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил».

На военном совете 9 декабря 1790 г. Суворов назначил штурм на 11 декабря 1790 г. Он разделил свои войска на 3 отряда по 3 колонны в каждом. Отряд генерала П. С. Потемкина должен был штурмовать крепость с запада, отряд генерала А. Н. Самойлова — с востока, а отряд генерала О. М. Дерибаса, высаженный с кораблей Лиманской военной флотилии — южные укрепления, прикрывавшие город со стороны Дуная. В тот же день началось 2-дневная бомбардировка Измаила. 11 декабря 1790 г. в 5 ч. 30 мин. русские войска пошли на штурм крепости. Ее укрепления пали к 8 ч. утра, но бои в городе продолжались до 16 ч. дня.

Во время штурма и в уличных боях турки потеряли 26 тыс. человек убитыми и 9 тыс. пленными, русские — 4 тыс. человек убитыми и 6 тыс. ранеными. Первым русским комендантом Измаила Суворов назначил генерал-майора М. И. Кутузова, который отличился во время штурма. *В. В.*

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1788–1790 гг. — Шведский король Густав III потребовал от России вернуть бывшие владения Швеции в Прибалтике и Южной Финляндии. Требование шведского короля поддержали Великобрита-

ния, Пруссия и Голландия. Швеция заключила союз с Турцией и напала на Россию в то время, когда лучшие русские войска находились у южных ее границ, где в самом разгаре была русско-турецкая война 1787–1791 гг.

Военные действия начались 21 июня 1788 г. Шведская армия под командованием самого короля Густава III (36 тыс. чел.) внезапно перешла русскую границу. Противник осадил крепость Нейшлот, которую обороняли русские войска под командованием генерал-аншефа В. П. Мусина-Пушкина (ок. 19 тыс. человек). Несмотря на численное превосходство, шведы так и не смогли овладеть Нейшлотом и в августе 1788 г. были вынуждены отступить на свою территорию. В дальнейшем военные действия велись в основном на море.

6 июля 1788 г. произошло Гогландское морское сражение. Шведский флот под командованием брата короля, генерал-адмирала К. Зюдерманландского (16 линейных кораблей, 7 больших фрегатов) у о-ва Гогланд в Финском заливе напал на русскую эскадру адмирала С. К. Грейга (17 линейных кораблей, 8 фрегатов). Русская эскадра контратаковала шведов и захватила шведский корабль «Принс Густав». Шведы также захватили русский корабль «Владислав», потерявший управление и оказавшийся в центре шведского боевого порядка. После этого шведский флот скрылся в Свеаборгской гавани. В июле 1789 г. русский корабельный

флот под командованием адмирала В. Я. Чичагова после сражения у острова Эланд заставил шведский флот уйти к своим берегам.

13 августа 1789 г. русский гребной флот под командованием вице-адмирала К. Нассау-Зигена (86 кораблей) на рейде Роченсальма (р-н совр. г. Котки) атаковал шведский флот адмирала Эренсфельда (62 корабля, 24 транспортных судна). Шведы отступили, потеряв 13 кораблей и все транспорты. В плен попали 37 шведских офицеров и 1100 матросов. Русские потеряли 2 корабля и ок. 1000 человек убитыми и ранеными.

23–24 мая 1790 г. произошло Красногорское морское сражение на южном побережье Финского залива. Русская эскадра А. И. Круза (17 линейных кораблей, 5 фрегатов), атаковала на южном побережье Финского залива (к северо-западу от Красной Горки) шведскую эскадру герцога К. Зюдерманландского (22 линейных корабля, 12 фрегатов). Русские корабли нанесли шведам поражение, вынудив их укрыться за о-вом Сейскари. На следующий день сражение возобновилось, но, заметив приближение новой русской эскадры адмирала В. Я. Чичагова (10 линейных кораблей, 5 фрегатов), шведские корабли ушли в Выборгский залив, где были блокированы русским флотом.

22 июня 1790 г. произошло Выборгское морское сражение. Шведская эскадра генерал-

адмирала герцога К. Зюдерманландского (19 линейных кораблей, 12 фрегатов) и гребная флотилия под командованием самого короля Густава III (200 судов, 14 тыс. солдат десанта) пошли на прорыв блокады. Потеряв 7 линейных кораблей, 3 фрегата и 54 гребных судна, шведскому флоту все же удалось пробиться через русскую блокаду и уйти в Свеаборг. Общие потери противника составили ок. 5 тыс. человек убитыми, 2 тыс. человек пленными. На русской эскадре было убито 117 и ранено 164 моряка.

Силы шведского флота были подорваны, и в августе 1790 г. начались мирные переговоры между русской и шведской делегациями в дер. Вереле (совр. Вяряля) на р. Кюммене в Финляндии. Окончательный текст мирного Верельского договора был подписан в середине августа. Этот договор подтвердил прежние территориальные приобретения России. *В. В.*

Государственные и военные деятели

В екатерининские времена выросла целая плеяда деятелей, занимавшихся вопросами государственной политики, которые обеспечили успехи и во внешней и во внутренней политике Российского государства.

БЕЗБОРО́ДКО Александр Андреевич (14.03.1747–06.04.1799 гг.) — светлейший князь (1797 г.), государственный деятель и дипломат.

Малороссийский дворянин Безбородко окончил Киевскую духовную академию, потом попал в канцелярию графа П. А. Румянцева, генерал-губернатора Малороссии. Работоспособный, сообразительный писарь, он обратил на себя внимание П. А. Румянцева. Участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., отличился в сражениях при Ларге и Кагуле, при штурме Силистрии.

Румянцев представил его императрице Екатерине II. В 1775–1796 гг. был личным секретарем Екатерины. Императрица быстро оценила его ум, необыкновенную память, деловой слог. Со временем он стал ее личным докладчиком по внутренним делам, а в 1780 г. был причислен к Коллегии иностранных дел.

Он участвовал в заключении ряда важных международных договоров, в т. ч. добился признания Османской империей присоединения к России Таврии и Крыма.

Безбородко сопровождал императрицу во всех поездках, пользовался ее большим доверием, был автором многочисленных манифестов и именных указов. С 1786 г. как член Совета при императорском дворе получил право объявлять волю Екатерины. За заключение Ясского мира 1791 г. получил большие награды и чин действительного тайного советника.

В 1792 г. у Екатерины появился очередной фаворит — П. А. Зубов. Он лично пожелал руководить внешней политикой, и положение Безбородко пошатнулось. В 1795 г. Безбородко заключил конвенцию о третьем разделе Речи Посполитой. В день коронации Павла I Безбородко получил титул светлейшего князя, 30 тыс. десятин земли и 16 тыс. крестьян. Безбородко не вел интриг, но он был единственным, кто всегда сохранял расположение Павла I. К концу жизни Безбородко стал одним из крупнейших помещиков, владел огромным богатством, жил роскошно. По свидетельству современников, он «имел ненасытную страсть к наживе и приобретению». С 1797 г. он канцлер и сенатор. В 1798 г. князь просил об отставке по болезни, но получил только отпуск за границу. Уехать он не успел — умер, разби-

тый параличом. Его несметные богатства достались брату, а более 210 тыс. руб. он завещал на содержание Воспитательного дома. *О. Н.*

ГЕО́РГИЕВСКИЕ КАВАЛЕ́РЫ — военнослужащие русской императорской армии и военно-морского флота, награжденные высшей военной наградой — орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия.

Императрица Екатерина II учредила 26 ноября 1769 г. орден с девизом «За службу и храбрость». Орден включал четыре степени. В первый раз награждали орденом 4-й степени, за новые подвиги давали ордена 3-й, 2-й и 1-й степеней. Орденами 1-й, 2-й и 3-й степеней отмечались подвиги, совершенные на полях сражений. Орденом 4-й степени награждали также лиц, прослуживших либо 25 лет в полевых войсках в чине не ниже обер-офицерского, либо участвовавшие в 18–20 морских кампаниях.

Кавалерам вручали знаки ордена. Кавалеры 1-й степени удостаивались большого золотого креста на широкой георгиевской ленте (ее носили, перекинув через правое плечо) и четырехугольной золотой звезды на правой стороне груди. Кавалеров 2-й степени награждали большим золотым крестом на шее и четырехугольной золотой звездой на левой стороне груди; кавалеров 3-й степени — малым золотым крестом на шее. Кавалеры 4-й

степени носили малый золотой крест в петлице.

На георгиевской ленте всех степеней ордена чередовались три черные и две желтые (оранжевые) продольные полосы. Малый и большой золотые кресты ордена имели расширяющиеся от центра лучи, покрытые белой эмалью. В центральном медальоне орденского знака (креста) на розовом фоне изображался Св. Георгий на коне, копьем поражающий змея.

Первоначально офицеров и генералов на награждение орденом 4-й и 3-й степеней представляли Военная коллегия и Адмиралтейств-коллегия. В 1782 г. для этого была образована специальная Орденская дума. Орденами 2-й и 1-й степеней награждали непосредственно государь или государыня.

Первым Георгиевским кавалером стал подполковник Ф. И. Фабрициан, награжденный орденом 3-й степени. С небольшим отрядом он 11 ноября 1769 г. успешно взял турецкую крепость Галац. Сразу же в порядке исключения кавалером 1-й степени ордена стал генерал-поручик П. А. Румянцев, разбивший в 1770 г. турецко-татарскую армию в сражении при Ларге. За эту победу ордена 2-й степени получили генералы П. Г. Племянников, Н. В. Репнин и Ф. В. Боур.

За всю историю существования этой награды всех четырех степеней ордена удостои-

лись 4 российских военачальника: М. И. Кутузов-Смоленский, М. Б. Барклай-де-Толли, И. И. Дибич-Забалканский и И. Ф. Паскевич-Эриванский.

Орденом 1-й степени были награждены 25 человек: Екатерина II (возложившая на себя знаки этой степени как гроссмейстер ордена при его учреждении), П. А. Румянцев-Задунайский (1770 г.), А. Г. Орлов-Чесменский (1770 г.), П. И. Панин (1770 г.), В. М. Долгоруков-Крымский (1771 г.), Г. А. Потемкин-Таврический (1788 г.), А. В. Суворов-Рымникский (1789 г.), В. Я. Чичагов (1790 г.), Н. В. Репнин (1791 г.), М. И. Кутузов-Смоленский (1812 г.), М. Б. Барклай-де-Толли (1813 г.), шведский принц Карл Юхан (1813 г.), прусский фельдмаршал Г. Л. Блюхер (1813 г.), австрийский фельдмаршал К. Ф. Шварценберг (1813 г.), английский фельд-маршал А. Веллингтон (1814 г.), Л. Л. Беннигсен (1814 г.), герцог Ангулемский Людвиг-Антуан (1823 г.), И. И. Дибич-Забалканский (1829 г.), И. Ф. Паскевич-Эриванский (1829 г.), император Александр II (возложивший на себя знаки 1-й степени по случаю 100-летней годовщины ордена в 1869 г.), прусский король Вильгельм I (1869 г.), австрийский эрцгерцог Альберт Фридрих (1870 г.), великий князь Михаил Николаевич (1877 г.) и его брат великий князь Николай Николаевич (Старший) (1877 г.). После 1877 г. награждение орденом 1-й степени не производилось.

Орденами 2-й степени были награждены 121 человек, 3-й степени — 653 человека, 4-й степени — более 6 тыс. человек. Единственной, кроме императрицы Екатерины II, женщиной-кавалером ордена была медсестра Р. М. Иванова, посмертно награжденная орденом 4-й степени в 1915 г. С 1849 г. имена всех георгиевских кавалеров, начиная с 1769 г., помещали на мраморных досках Георгиевского зала Большого Кремлевского дворца в Москве.

В 1807 г. к ордену Святого Великомученика Георгия Победоносца были отнесены нижние чины, награжденные Георгиевскими знаками отличия. Георгиевские знаки вначале имели одну степень отличия — серебряный крест. Знак отличия ордена Св. Георгия № 1 получил унтер-офицер Кавалергардского полка Е. И. Митрохин (Митюхин), отличившийся в сражении с французами под Фридландом 2 июля 1807 г. Всего бесстепенными серебряными знаками отличия («солдатскими Георгиями») было награждено 114 424 человека.

С 1856 г. установили четыре степени — золотые кресты 1-й и 2-й степеней и серебряные кресты 3-й и 4-й степеней. После установления четырех степеней отличия только в 1856 г. Георгиевский солдатский крест получили 151 человек, имевшие ранее знак отличия военного ордена. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. было выдано

46 тыс. солдатских крестов всех степеней, в русско-японскую войну 1904-1905 гг. — ок. 87 тыс., во время 1-й мировой войны — более 1 млн. С 1913 г. все военнослужащие, награжденные знаком отличия ордена Св. Георгия, также именовались георгиевскими кавалерами. *В. В.*

ГУДО́ВИЧ Иван Васильевич (1741–22.01.1820 гг.) — граф (1797 г.), военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал (1807 г.), член Государственного совета (1810 г.), сенатор.

И. В. Гудович был сыном знатного шляхтича из Малороссии. Он учился в Кенигсбергском и Лейпцигском университетах, состоял флигель-адъютантом при генерал-фельдмаршале П. И. Шувалове, а потом в чине подполковника при Георге Голштинском, дяде Петра III. Своим быстрым продвижением по службе он обязан брату, Андрею Васильевичу, одному из приближенных Петра III.

После переворота 1762 г. и воцарения императрицы Екатерины II Гудович три месяца содержался под стражей, но потом был принят на военную службу. В 1763 г. его назначили командиром Астраханского пехотного полка, во главе которого он совершил Польский поход 1764 г., чтобы утвердить на польском пре-

столе Станислава Понятовского, ставленника Екатерины II.

Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Гудович командовал полком, бригадой, он отличился в сражениях под Хотином, при Ларге, Кагуле, при взятии Бухареста. Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. отличился в боях под Хаджибеем, Килией, при взятии крепости Анапа, которую защищал гарнизон из 15 тыс. турецких головорезов. За этот подвиг его наградили орденом Св. Георгия 2-й степени и золотой шпагой с алмазами.

Летом 1800 г. Гудович навлек на себя немилость Павла I и его отправили в отставку. Александр I вернул его из ссылки и назначил командующим войсками в Грузии и Дагестане. Там ему пришлось бороться с эпидемией чумы.

При И. В. Гудовиче к России были присоединены Бакинское, Шекинское и Дербентское ханства. Во время Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. он разбил армию сераскера Юсуф-паши на р. Арпачай и за это получил чин генерал-фельдмаршала. Но службу на Кавказе пришлось оставить из-за тяжелой болезни и потери глаза.

В 1809–1812 гг. И. В. Гудович командовал московским гарнизоном, был членом Непременного совета, а затем Государственного совета. С февраля 1812 г. в отставке. *В. В.*

ДЕРИБА́С (Де Рибас, De Ribas-y-Boyons) Иосиф (Осип) Михайлович (06.06.1749–02.12.1800 гг.) — государственный и военный деятель, адмирал (1799 г.).

И. М. Дерибас был старшим сыном каталонского дворянина Микеле Рибас-и-Байонеса, директора Неаполитанского министерства морских и военных сил. В 1772 г. он перешел на русскую службу и принял участие в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Граф А. Г. Орлов дал поручение бывшему неаполитанскому поручику отыскать самозванную княжну Е. Тараканову, которая выдавала себя за незаконную дочь Елизаветы Петровны.

С 1774 г. Дерибас служил в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе в Петербурге. В 1780 г. он был назначен командиром Мариупольского полка, участвовал в Крымском походе 1783–1784 гг., в ходе которого Крым был присоединен к Российской империи.

После начала русско-турецкой войны 1787–1789 гг. Дерибас отличился во время сражения русской гребной флотилии с турецким флотом в Днепровском лимане (ноябрь 1788 г.), при штурме Очакова (декабрь 1788 г.). Он командовал авангардом русской армии при взятии турецких крепостей Хаджибей (сентябрь 1789 г.) и Аккерман (сентябрь 1788 г.). А. В. Суворов привлек Дерибаса к разработке плана штурма крепости Измаил, во время которого

адмирал командовал гребной флотилией и десантным отрядом.

Дерибас предложил на месте крепости Хаджибей построить военную гавань и купеческую пристань. Екатерина II одобрила проект, и с 1794 г. началась стройка. Автор проекта стал главным начальником строящегося города и порта, позднее получившего название Одесса.

После воцарения императора Павла I Дерибаса отозвали в Петербург и назначили членом Адмиралтейств-коллегии, с января 1798 г.— генерал кригскомиссаром. Из-за злоупотреблений своим служебным положением в марте 1800 г. его уволили в отставку, но в ноябре этого же года назначили вице-президентом Адмиралтейств-коллегии. Ему предложили подготовить план перестройки и перевооружения Кронштадтской крепости.

Дерибас был одним из организаторов заговора против императора Павла I, но умер за 3 месяца до цареубийства. В честь Дерибаса названа главная улица Одессы — Дерибасовская. *В. В.*

ПА́НИН Петр Иванович (1721–15.04.1789 гг.) — граф, военный деятель, генерал-аншеф, брат Н. И. Панина.

Отец братьев Паниных, сенатор И. В. Панин, был женат на племяннице А. Д. Менши-

кова, Аграфене Васильевне. Сына Петра отец определил капралом в Измайловский полк.

В 1736 г. молодой офицер получил боевое крещение в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. П. И. Панин отличился в русско-шведской войне 1740–1741 гг. В 1748 г. он получил чин полковника и стал одним из лучших полковых командиров в русской армии.

Панин отличился в Семилетней войне, в т. ч. в битвах при Гросс-Егерсдорфе, Цорндорфе, Кунерсдорфе и взятии Берлина. В 1762 г. он стал генерал-губернатором Восточной Пруссии и генерал-аншефом, затем сенатором.

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Панин командовал 2-й армией. В 1770 г. взял Бендеры, но при этом разрушил город и потерял 6 тыс. человек. Недовольная Екатерина II отправила его в отставку. Панин считал себя обиженным, критиковал действия Екатерины II, за это самолюбивая императрица ненавидела его и называла «первым врагом и персональным оскорбителем». Он единственный из сенаторов мог спорить с императрицей, был тверд, усерден, обладал чувством собственного достоинства, не заискивал перед фаворитами. Панин был страстным патриотом, он высоко ставил качества русского солдата.

В 1774 г. Екатерина II назначила Панина главнокомандующим войсками и отправила подавлять пугачевский бунт. Решительными

и жестокими мерами Панин навел порядок. Императрица наградила его высшим орденом России — орденом Св. апостола Андрея Первозванного, дала 60 тыс. руб. «на поправление экономии» и отправила в отставку. *О. Н.*

РУМЯ́НЦЕВ-ЗАДУНА́ЙСКИЙ Петр Александрович (04.01.1725–08.12.1796 гг.) — русский полководец, генерал-фельдмаршал (1770 г.).

Отец будущего прославленного полководца был сподвижником Петра I. Когда сыну исполнилось 6 лет, отец записал его рядовым в Преображенский полк. В 1740 г., проучившись лишь четыре месяца в Сухопутном шляхетском корпусе, он получил чин подпоручика и перешел на службу в армию, участвовал в русско-шведской войне 1741–1743 гг. Его отец подписал мирный договор со Швецией и отправил сына с донесением в Петербург. Получив долгожданное известие, императрица Елизавета Петровна произвела 18-летнего Румянцева в полковники. Вскоре он стал командиром Воронежского пехотного полка.

Военные дарования П. А. Румянцева раскрылись во время Семилетней войны 1756–1763 гг. В сражении при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 г. в чине генерал-майора, командуя бригадой резерва, он спас русскую армию от поражения. В нужный момент он атаковал прусские позиции через затопленный и считавшийся непроходимым лес.

В 1758 г. Румянцева за боевые отличия произвели в чин генерал-поручика. В Кунерсдорфском сражении 1759 г. он командовал дивизией, занимавшей позиции в центре русских позиций на высоте Мюльберг. Доблесть этой дивизии и ее начальника во многом определили победу русской армии над войсками прусского короля Фридриха II.

Классическим примером полководческого искусства Румянцева считается осада крепости Кольберг (польское название Колобжег) в 1761 г. Тогда Румянцев впервые построил батальоны в колонны, маневренные на поле боя, и создал легкие батальоны — прообраз будущих егерей, действовавших в рассыпном строю.

Император Петр III произвел Румянцева в чин генерал-аншефа и назначил главнокомандующим армией, образованной для похода в Голштинию. Однако после переворота 1762 г. и воцарения Екатерины II этот поход был отменен. В 1764–1769 гг. П. А. Румянцев продолжал командовать различными соединениями русской армии и одновременно был президентом Малороссийской коллегии и генерал-губернатором Малороссии. Он занимался благоустройством края и укреплял южные границы России.

Военную славу Румянцеву принесла русско-турецкая война 1768–1774 гг. П. А. Румянцев выдвинулся в число выдающихся полковод-

цев России. Воинских частей не хватало, и он сосредотачивал силы на самых опасных участках. Он создал резервы, которые бросал в атаку только в критические моменты. Созданные им новые боевые построения войск — дивизионные каре — разгромили превосходящие силы турок и татар в июле 1770 г. на реке Ларге и вскоре при Кагуле. Благодаря этим победам русские войска смогли развернуть наступление на левом берегу Дуная в его нижнем течении. После этих блистательных побед Екатерина II наградила полководца первым в истории России орденом Св. Георгия 1-й степени и присвоила звание генерал-фельдмаршала.

В 1774 г. он взял Шумлу, где находилась ставка турецкого командования, и это заставило турок заключить Кючук-Кайнарджийский договор. По его условиям Россия приобретала выход к Черному морю и могла строить там свой флот. После окончания войны императрица присвоила ему почетное добавление к фамилии — Задунайский. Ему был вручен крест и орден Св. Андрея Первозванного, осыпанный алмазами, и 5 тыс. крепостных крестьян в Белоруссии.

В начале новой войны с Турцией 1789–1791 гг. П. А. Румянцев-Задунайский командовал 2-й русской армией, но из-за постоянного соперничества с генерал-фельдмаршалом

Г. А. Потемкиным в 1789 г. его отозвали с театра военных действий.

Во время польской кампании 1794 г. он числился главнокомандующим, но из-за болезни не выезжал из своего имения. Умер в своем имении Ташань под Киевом. *В. В.*

СУВО́РОВ Александр Васильевич, граф Рымникский (1789 г.), князь Италийский (1799 г.) (13.11.1730–06.05.1800 гг.) — прославленный русский полководец, генералиссимус (1799 г.). Родился в семье генерал-аншефа В. И. Суворова (соратника Петра I). В 1742 г. был записан солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк, однако службу начал лишь в 1748 г. в чине капрала. В 1754 г. в чине поручика его перевели в Ингерманландский пехотный полк.

Во время Семилетней войны 1756–1763 гг. А. В. Суворов сначала служил в тылу, а с 1759 г. состоял при главной квартире действующей армии. Участвовал в сражениях при Кунерсдорфе (1759 г.), под Франкфуртом-на-Одере (1759 г.), во взятии Берлина (1760 г.) и осаде Кольберга (1761 г.). В августе 1762 г. А. В. Суворов получил чин полковника и был назначен командиром Астраханского пехотного полка, с 1763 г. командовал Суздальским пехотным полком. В 1764–1765 гг., когда Суздальский полк находился на постоянных квартирах в Новой Ладоге, написал «Полковое учрежде-

ние» — наставление по обучению и воспитанию офицеров и солдат.

В 1768–1772 гг. участвовал в военных действиях в Польше и за боевые отличия получил чин генерал-майора (1770 г.). А. В. Суворов разгромил отряды конфедаторов д. Ореховой под Брестом (1769 г.), под Раковцом (1770 г.), Ланскруной, Замостьем, Столовичами (1771 г.); в 1772 г. взял Краковский замок. В 1773 г. А. В. Суворов добился перевода в армию П. А. Румянцева, которая тогда вела войну с Турцией (1768–1774 гг.). В мае — июне 1773 г. его отряд дважды форсировал Дунай под Туртукаем и разбил превосходящие силы турок. Здесь А. В. Суворов успешно применил новое для того времени построение — атаку колоннами, прикрытыми рассыпным строем егерей. В сентябре 1773 г. он нанес туркам новое поражение под Гирсово и вынудил их отступить с большими потерями. Еще более прославила его победа над 40-тысячным турецким корпусом при Козлудже, одержанная в самом конце войны (в июне 1774 г.).

В августе 1774 г. Екатерина II направила А. В. Суворова против отрядов Е. И. Пугачева, действовавших в Поволжье, но восставших разгромили еще до его прибытия к месту боев. А. В. Суворов лишь сопровождал пленного Е. И. Пугачева до Симбирска. В 1776–1779 гг. А. В. Суворов командовал войсками в Крыму и на Кубани. В 1780 г. его отправили в Астрахань

для подготовки похода в Персию, но в 1782 г. эту экспедицию отменили и его вновь направили на Кубань, где он руководил строительством укреплений Кубанской линии обороны. В 1785–1787 гг. А. В. Суворов командовал Владимирской, Петербургской и Кременчугской дивизиями. В 1786 г. был произведен в чин генерал-аншефа.

С началом Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. А. В. Суворова назначили начальником обороны в районе Херсона. Он уничтожил десант противника, высадившийся в октябре 1787 г. на Кинбурнской косе. В составе Екатеринославской армии генерал-фельдмаршала Г. А. Потемкина принимал участие в осаде Очакова (1788 г.), во время которой был тяжело ранен. После длительного лечения А. В. Суворов получил под свою команду отдельный корпус, который должен был действовать с австрийскими войсками принца Ф. И. Саксен-Кобургского. Спасая союзников от поражения, русский генерал разгромил турецкие войска в сражениях у Фокшан (июль 1789 г.) и при Рымнике (сентябрь 1789 г.). В этом сражении турки потеряли 15 тыс. человек, а австрийцы и русские — 500 воинов. Екатерина II присвоила А. В. Суворову почетный титул «граф Рымникский». По приказу Г. А. Потемкина в ноябре 1790 г. А. В. Суворов выехал к войскам, безуспешно осаждавшим турецкую крепость Измаил. По-

няв, что осадой ее не взять, он в течение двух недель готовил штурм этого неприступного укрепления и в середине декабря овладел им. После окончания военных действий А. В. Суворов командовал русскими войсками в Финляндии, руководил строительством укреплений на границе со Швецией. В 1794 г. Екатерина II назначила его командовать войсками, направленными против польских конфедератов. Столицу Польши — г. Варшаву — осадили прусские и русские войска под командованием прусского короля Фридриха Вильгельма II, а А. В. Суворова назначили руководить штурмом правобережного предместья польской столицы — Праги. После падения последней в октябре 1794 г. сдалась и Варшава. Ключи от нее были вручены А. В. Суворову. За эту блестяще проведенную операцию Екатерина II произвела его в чин генерал-фельдмаршала. *В. В.*

ДОЛГОРУ́КОВ-КРЫ́МСКИЙ Василий Михайлович (01.07.1722–30.01.1782 гг.) — князь, военный деятель. В. М. Долгоруков был младшим сыном Михаила Владимировича Долгорукова, члена Верховного тайного совета, и племянником генерал-фельдмаршала В. В. Долгорукова. Анна Ивановна запретила производить Долгоруковых в офицеры, и В. М. Долгоруков служил в армии капралом, а затем вахмистром. Во время русско-турецкой

войны 1735–1739 гг. он участвовал в штурме Перекопа (май 1736 г.). За храбрость и мужество в бою главнокомандующий Б. Миних лично произвел его в прапорщики.

После воцарения Елизаветы Петровны он стал быстро продвигаться по службе. В течение шести лет он получил пять чинов и даже был адъютантом у своего родного дяди, генерал-фельдмаршала В. В. Долгорукова.

Он участвовал в Семилетней войне 1756–1763 гг. и отличился в сражениях под Кюстрином в 1758 г. и Цорндорфом в 1758 г., во время которого был ранен в ногу. Екатерина II произвела его в генерал-аншефы.

В 1771 г. он командовал армией, направленной в Крым. Армии Долгорукова удалось овладеть укреплениями под Перекопом, а затем Кафой (Феодосией). Русским сдались и другие крымские города. Он смог заключить союз с крымским ханом.

Екатерина II осыпала его наградами. Она дала ему орден Св. Георгия 1-й степени (за всю историю ордена им были награждены всего 25 человек), шпагу, усыпанную алмазами, бриллиантовые знаки к ордену Св. Апостола Андрея Первозванного, 60 тыс. рублей и почетный титул «Крымский». Его 18-летний сын Василий стал полковником.

Но Василий Михайлович не получил чин генерал-фельдмаршала, которого он так же-

лал. Обидевшись, он подал в отставку. С 1780 г. Долгоруков — главнокомандующий в Москве. Его военные таланты оценивались современниками по-разному, но все признавали его личную храбрость. Как администратор он заботился о порядке и справедливости, не выносил взяточничества. За его душевную щедрость и доброту москвичи платили ему любовью. *О. Н.*

ЧЕРНЫШЁВ Захар Григорьевич (18.03.1722–29.08.1784 гг.) — граф, генерал-фельдмаршал (с 1773 г.).

З. Г. Чернышев происходил из дворянского рода, известного с 15 в. В 13 лет его определили на военную службу, а в 1774 г. его мать устроила юношу на службу камер-юнкером к будущему императору Петру III. Своим умом и любезностью Чернышев заслужил расположение Петра и обратил на себя внимание его жены, будущей императрицы Екатерины II. Вскоре Елизавета Петровна заметила симпатию Екатерины Алексеевны к молодому придворному и перевела его в армию. Чернышев участвовал в Семилетней войне, отличился в битве при Цорндорфе, где проявил выдающееся мужество. Возле него убило трех адъютантов, и в конце сражения поручик Чернышев попал в плен. Прусский король Фридрих II заключил его в каземат крепости Кюстрин,

но Чернышева удалось обменять на пленного прусского генерала.

В 1760 г. отряд под командованием Чернышева лихим налетом взял Берлин. Но через три дня ему пришлось сдать город 70-тысячной армии Фридриха. В1761 г. Петр III поручал ему командование войсками, предназначенными для помощи прусскому королю в действиях против Австрии.

При Екатерине II З. Г. Чернышев занимал видные посты: был президентом Военной коллегии, получил звание генерал-фельдмаршала. Активно участвовал в войнах с турками и в подавлении бунта Пугачева. Чернышев подал в отставку, когда Екатерина назначила вице-президентом Военной коллегии своего фаворита Г. Потемкина.

После первого раздела Польши в 1772 г. Восточная Белоруссия вошла в состав России, и Чернышев был назначен наместником Полоцкой и Могилевской губерний. Он многое сделал для развития здесь торговли и промышленности, строил дороги и здания в городах.

В 1782–1784 гг. Чернышев был главнокомандующим в Москве. О нем сохранилась память как об одном из самых умных и образованных людей своего времени, строгом и бескорыстном в делах, деятельном администраторе. Современники его уважали. *О. Н.*

ВЯ́ЗЕМСКИЙ Александр Алексеевич (03.08.1727– 08.01.1793 гг.) — князь, государственный деятель.

А. А. Вяземский окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус (1747 г.), участвовал в Семилетней войне 1756–1763 гг. В 1763 г. императрица Екатерина II направила Вяземского на Урал улаживать отношения между бунтующими крестьянами и владельцами заводов и обследовать экономическое положение горных предприятий. В 1764 г. Вяземский стал генерал-прокурором Сената, с 1765 г. сенатором. Назначая его на должность, Екатерина II дала ему секретное поручение наблюдать за соблюдением законов в Сенате, за деятельностью Сенатской канцелярии, а также за продажей соли и вина. Со временем его полномочия расширились.

В 1767 г. он фактически руководил Комиссией для составления нового Уложения. В 1786 г. контролировал перевод денег за границу. Вяземский, человек трудолюбивый и преданный императрице, вскоре стал членом Совета при императорском дворе. Он объявлял в Сенате повеления Екатерины и докладывал ей о решениях Сената. В 1780-х гг. он руководил финансами, юстицией и внутренними делами страны.

Вяземский любил порядок, умел подбирать людей, которые грамотно и быстро составляли нужные бумаги. Он предложил выпускать

в России бумажные деньги — ассигнации — и первым начал составлять отчеты о доходах и расходах за год. В 1791 г. он тяжело заболел и вышел в отставку. *О. Н.*

КРЫМ, Крымский полуостров — полуостров на юге европейской части Российской империи. Главные города: Симферополь, Севастополь, Керчь.

В 13 в. в Крым, на территорию древнерусского Тмутараканского княжества вторглись монголо-татары, и там образовался Крымский улус Золотой Орды. После распада Золотой Орды в 1443 г. возникло Крымское ханство, с 1475 г. ставшее вассалом Турции. В течение нескольких столетий Россия, Малороссия, запорожские и донские казаки отражали многочисленные турецкие и татарские набеги. Чтобы обеспечить безопасность южных областей и иметь выход к Черному морю, Русское государство с кон. 17 в. начало борьбу за овладение Крымом. В результате Азовских походов Петра I (1695–1696 гг.) Россия получила выход в Азовское и Черное моря. Во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. русские войска совершили 3 удачных похода в Крым. В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. русские войска овладели Крымом. По договору с ханом (1772 г.) и Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Крымское ханство стало независимым от Турции и перешло под покрови-

тельство России. 8 апреля 1783 г. весь Крым был мирно присоединен к России, а в 1784 г. стал частью Таврической области (с 1787 г. губернии) с центром в городе Симферополе. В 1797–1802 гг. Крым входил в Новороссийскую губернию, из которой в 1802 г. вновь выделился в Таврическую губернию. Правительство России вытеснило из Крыма татар, и к 1897 г. в Таврической губернии осталось лишь 13 % татарского населения.

Крым стал частью всероссийского рынка, и это ускорило рост промышленности и сельского хозяйства. Развивались овцеводство, зерновое хозяйство, садоводство, табаководство, виноградарство, ремесленные и кустарные промыслы, особенно соляной. Строились новые города. В 1783 г. был заложен город и порт Севастополь, с нач. 19 в.— главный военный порт Черноморского флота и первоклассная крепость.

В период Крымской войны 1853–1856 гг. на полуострове находился главный театр военных действий. Русские войска и жители Севастополя под руководством адмиралов В. А. Корнилова, П. С. Нахимова, В. И. Истомина в течение 11 месяцев героически обороняли город.

Реформы 1860-х гг. способствовали развитию капиталистических отношений, особенно в сельском хозяйстве. Постройка железной дороги Харьков — Севастополь (1869–1875 гг.) ускорила развитие экономики Крыма. В про-

мышленности преобладали мукомольная, консервная, табачная и др. отрасли пищевой промышленности; добывали соль. Наиболее значительными были Керченский металлургический и Севастопольский судостроительный заводы. Со 2-й пол. 19 в. Южный берег Крыма превратился в курорт. Члены царской фамилии, а с 1870–1890-х гг. и состоятельные люди строили там особняки и дворцы.

После образования Таврической губернии в 1780-е гг. для Севастополя и Симферополя были созданы планы регулярной застройки. Среди дач и дворцов на южном берегу Крыма своими масштабами выделялись Воронцовский дворец в Алупке и царский дворец в Ливадии (построен в 1911–1913 гг.). На вершине мыса Ай-Тодор эффектно разместилось Ласточкино гнездо (1911 г., инженер А. В. Шервуд). *П. К.*

Рапорт князя Г. А. Потемкина императрице Екатерине II о строительстве крепостей в Крыму

10 августа 1785 года

Всемилостивейшая государыня!

Год уже тому, как я имел счастие поднести Вашему императорскому величеству положение о крепостях, какие должны

строиться в Тавриде. Тогда же удостоился и высочайшей апробации, но прежде нежели приступить к требованию на строение оных суммы, приказал я господину полковнику Корсакову осмотреть прилежно все места и подать мне проекты и сметы. По прилежному обозрению нашлось, что нужнейшия места к укреплению в Тавриде суть следующия.

Главная и одна только крепость должна быть Севастополь при гавани того же имени, которой описание и сметы у сего прилагаются.

Есть ли Вашему императорскому величеству угодно сие место укрепить и выстроить сходственно с его знаменитостию, то оно должно быть таковое. Ежели ж выстроить только одно Адмиралтейство без укреплений, в таковом случае сумма потребуется меньшая.

Протчия места Козлов, что ныне Евпатория, где обновить только старый замок с небольшим наружным укреплением, так же и у Сербулата построить замок.

В Феодосии возобновить строение городское и приморскую сторону оградить батареями.

У пролива Яникальского полагалась прежде крепость, но ныне найдена ненужною для того, что по широте пролива проходу судов неприятельских препятствовать не

можно. Ради удержания десантов и верности сообщения с Таманом зделать у Павловской батареи небольшое, но прочное укрепление.

Что же касается до Тамана, то по осмотре границы соединяющейся с Кавказскою линиею можно будет сделать положение.

Вашего императорского величества
верновсеподданнейший раб
князь Потемкин

НОВОРО́ССИЯ — официальное название Северного Причерноморья со 2-й пол. 18 в. до 1917 г.

В 1900 г. в состав Новороссии входили Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, Бессарабская и Ставропольская губернии, а также область Войска Донского.

Новоро́ссия вошла в состав Российской империи в 18 — нач. 19 вв. после русско-турецких войн. Огромный пустынный край был населен лишь в северо-западной его части запорожскими казаками. Императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II пригласили на поселение сербов, немцев, болгар и греков. К 1830-м гг. Новороссия была в основном заселена.

Г. А. Потемкин, наместник Новороссии, создал Контору земледелия и домоводства. Он

отдавал предпочтение созданию частных фабрик. У него самого были фабрики: чулочная и шляпная в Кременчуге и фаянсовая в Екатеринославе (Днепропетровске). Екатерина II высоко оценила труды наместника Новороссии: к своей фамилии он получил приставку Таврический.

Заселение Новороссии связано с именами командующего Черноморским гребным флотом О. М. Дерибаса, основавшего в 1793 г. порт Одессу, новороссийских генерал-губернаторов герцога А.-Э. де Ришелье и графа А. Ф. Ланжерона. Туда переселялись вольные и крепостные крестьяне.

В Новороссии были основаны города Екатеринослав, Николаев, Херсон, Одесса, Луганск, Мариуполь. К кон. 19 в. они превратились в высокоразвитые центры капиталистического производства. *В. С.*

ОДЕ́ССА — город-порт на Черном море, крупнейший культурный, торговый и промышленный центр Новороссийского края и всей Российской империи. Уездный город Херсонской губернии (1825 г.).

В 15 в. на месте нынешней Одессы было татарское поселение Качибей, которое затем разрушили турки. Вскоре оно возродилось под именем Хаджибей. После Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Хаджибей вошел в состав

России. В 1794 г. под руководством А. В. Суворова и адмирала Дерибаса в Хаджибее начали строить порт. В 1795 г. Хаджибей переименовали в Одессу. В 1805 г. Одесса стала центром всего Новороссийского края. Во главе генерал-губернаторства стояли А. Э. Ришелье и М. С. Воронцов.

Преемник Ришелье Ланжерон объявил Одессу порто-франко — портом свободной торговли. Одесса быстро превратилась в большой благоустроенный город, административный и торговый центр всего Юга России. В кон. 19 в. Одесса занимала второе место по товарообороту после Санкт-Петербурга.

Развитие торговли сопровождалось подъемом промышленности. В 1900 г. в городе насчитывалось 486 предприятий, на которых работали 16 тыс. человек. В 1860–1870-х гг. Одесса стала крупным железнодорожным центром.

В 1897 г. в Одессе насчитывалось 404 тыс. жителей, что сделало ее четвертым городом Российской империи по количеству населения после Петербурга, Москвы и Варшавы.

В 1-й пол. 19 в. Одесса стала значительным культурным центром. В 1817 г. был основан Ришельевский лицей, в 1865 г. преобразованный в Новороссийский университет, в 1825 г. — Историко-архитектурный музей, в 1830 г. — Городская публичная библиотека,

которая в кон. 19 в. насчитывала 80 тыс. томов.

В 1836 г., после учреждения Херсонско-Таврической епархии Русской Православной Церкви Одесса стала местопребыванием архиерея.

Украшенная множеством памятников и зданий, построенных известными мастерами архитектуры, Одесса превратилась в один из самых благоустроенных и красивых русских городов. Из достопримечательностей Одессы наиболее известны Потемкинская лестница (1837–1841 гг., арх. Ф. К. Боффо), памятник Ришелье (1823–1828 гг., скульптор И. П. Мартос), Старая биржа (1829–1834 гг., арх. Г. И. Торичелли по проекту Боффо), Воронцовский дворец (1826–1828 гг., арх. Боффо), Театр оперы и балета (1883–1887 гг., арх. Ф. Фельнер и Г. Гельмер). *В. С.*

ПЕРСИ́ДСКИЙ ПОХО́Д 1796 г. — военные действия русских войск в Закавказье, направленные на защиту грузинского Картлийско-Кахетинского царства, подвергшегося нападению иранской армии.

12 сентября 1795 г. иранская армия захватила, разграбила и сожгла столицу Картлийско-Кахетинского царства Тифлис. Жители города были убиты или попали в рабство. Согласно условиям Георгиевского трактата 1783 г., по

которому Картлийско-Кахетинское царство перешло под протекторат России, правительство Екатерины II направило в Восточную Грузию и закавказские ханства 13-тысячный отряд генерал-поручика В. А. Зубова, брата фаворита императрицы. Ему была придана Каспийская флотилия и вручена власть над всеми русскими гарнизонами, находившимися в Грузии.

18 апреля 1796 г. отряд Зубова выступил в поход, а 10 мая после упорных боев овладел Дербентом. Развивая этот успех русские войска 15 июня заняли крепости Баку и Куба. В декабре отряд достиг места слияния рек Кура и Аракс, откуда предполагалось начать вторжение в Иран. Однако после кончины императрицы Екатерины II новый император Павел I направил командирам всех частей и соединений приказ возвратиться в Россию. В. А. Зубова он об этом в известность не поставил. *В. В.*

ПОТЁМКИН Григорий Александрович (13.09.1739–05.10.1791 гг.) — государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (1784 г.), светлейший князь Таврический.

Г. А. Потемкин родился в селе Чижово Духовищенского уезда Смоленской губернии, в семье отставного офицера. С 1744 г. Потемкин воспитывался в доме Г. М. Кисловского,

двоюродного брата отца, президента Камер-коллегии. В 1755 г. он поступил на военную службу, рейтаром конной гвардии. В чине вахмистра Потемкин участвовал в дворцовом перевороте 1762 г., а после воцарения императрицы Екатерины II был произведен в подпоручики и награжден придворным званием камер-юнкера. В числе доверенных офицеров он сопровождал свергнутого Петра III в Ропшу и присутствовал при его кончине.

Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Потемкин участвовал в сражениях при Фокшанах, Браилове, Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. За храбрость в 1774 г. получил чин генерал-аншефа и назначен вице-президентом Военной коллегии и подполковником Преображенского полка. (Полковником была сама Екатерина II.) Г. А. Потемкин быстро возвысился благодаря близкому знакомству с Екатериной II, оценившей его талант организатора и усердие в службе. Он стал фаворитом императрицы.

В 1766 г. она назначила Г. А. Потемкина генерал-губернатором новороссийским, азовским и астраханским. Находясь на этом посту, он способствовал освоению Северного Причерноморья. По его инициативе были заложены города Екатеринослав, Херсон, Николаев, Севастополь, Одесса, Ростов-на-Дону.

В 1775 г. по инициативе Потемкина была ликвидирована казацкая вольница — Запорожская Сечь. В 1783 г. ему удалось присоединить к России Крым, Тамань и «всю Кубанскую сторону». За это он получил титул светлейшего князя Таврического, а в 1784 г. Екатерина II назначила его президентом Военной коллегии. На этом посту Потемкин провел ряд преобразований. На Черноморском флоте началось строительство новых кораблей. В 1786 г. был принят новый воинский устав, армию начали регулярно снабжать провиантом и одеждой. Прекратилось использование пудры, было отменено ношение косичек и буклей. Вместо неудобных кафтанов солдатам стали выдавать зимой куртки, а летом белые кителя, суконные плащи и каски, более легкие сапоги.

Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Г. А. Потемкин командовал русской армией и Черноморским флотом. В 1788 г. он руководил осадой и штурмом Хотина и крепости Ачи-Кале (Очаков), имевшей важное стратегическое значение.

Екатерина II осыпала Г. А. Потемкина почестями и наградами, подарила ему Таврический дворец в Петербурге. В июле 1791 г. он в последний раз отправился на юг. В октябре по дороге из Ясс в Николаев он заболел лихорадкой и скончался в степи. *В. В.*

Из переписки Екатерины II и Г. А. Потемкина

Екатерина II — Г. А. Потемкину
[1 марта 1774. С.-Петербург]

Голубчик мой, Гришенька мой дорогой, хотя ты вышел рано, но я хуже всех ночей спала и даже до того я чувствовала волнение крови, что хотела послать по утру по лекаря пустить кровь, но к утру заснула и спокойнее. Не спроси, кто в мыслях: знай одиножды, что ты навсегда. Я говорю навсегда, но со времен[ем] захочешь ли, чтоб всегда осталось и не вычернишь ли сам. Великая моя к тебе ласка меня же стращает. Ну, добро, найду средство, буду для тебя огненная, как ты изволишь говорить, но от тебя же стараться буду закрыть. А чувствовать запретить не можешь. Сего утра по Вашему желанию подпишу заготовленное исполнение-обещанье вчерашнее. Попроси Стрекалова, чтоб ты мог меня благодарить без людей, и тогда тебя пущу в Алмазный, а без того, где скрыть обоюдное в сем случае чувство от любопытных зрителей. Прощай, голубчик.

СЕВАСТО́ПОЛЬ — город-порт на юго-западе Крымского п-ова, на берегу многочислен-

ных бухт Черного моря. Основан как военно-морской порт и крепость 3 июня 1783 г., после включения Крыма в состав России.

Вначале город назывался Ахтиар (Белый утес) по имени татарского селения. Указом правительства от 10 февраля 1784 г. город был назван Севастополем, что в переводе с греческого означает «Величественный город», «Город славы» (при Павле I вновь использовалось прежнее название). В строительстве Севастополя принимали активное участие А. В. Суворов, Д. Сенявин, Ф. Ф. Ушаков.

С 1802 г. Севастополь находился на территории Таврической губернии. В 1804 г. объявлен главным военным портом Черного моря.

В дальнейшем строительстве Севастополя и одновременно укреплении боевой мощи Черноморского флота сыграл важную роль адмирал М. П. Лазарев, главный командир Черноморского флота и портов Черного моря в 1833–1851 гг. Хотя оборонительные сооружения в городе строились под наблюдением императора Николая I, к началу Крымской войны в 1853 г. город оказался незащищенным, т. к. были отстроены только приморские укрепления. В 1854 г., после сражения на р. Альме к Севастополю подступили англо-французские войска и началась знаменитая оборона Севастополя. В результате осады город был почти полностью разрушен, практически прекратил

свое существование Черноморский флот. Всякое его использование в военных целях было запрещено условиями Парижского мирного договора 1856 г.

После окончания Крымской войны в 1856 г. Севастополь стал отстраиваться и вскоре превратился в крупный промышленный город и торговый порт. В 1863 г. в нем была учреждена таможня. В 1871 г. Россия отказалась признавать статьи Парижского договора 1856 г., запрещавшие ей иметь на Черном море военный флот, и было восстановлено значение Севастополя как главной базы Черноморского флота. К кон. 19 в. были восстановлены военные укрепления. 17 мая 1890 г. Севастополь был причислен к разряду крепостей III класса, а торговый порт перенесли в Феодосию. В 1875 г. железная дорога соединила Севастополь с Симферополем. В кон. 19 в. Севастополь превратился в крупный город с развитой промышленностью. В 1897 г. в нем насчитывалось 54 тыс. жителей.

Среди памятников архитектуры Севастополя — Петропавловский собор (1843 г.), Графская пристань (1846 г.), построенные в стиле классицизма. В 1905 г. открыта панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» (1902–1904, худ. Ф. А. Рубо). В городе установлено много памятников героям севастопольской обороны: П. С. Нахимову, Э. И. Тотлебену,

А. С. Казарскому и экипажу брига «Меркурий», «Затопленным кораблям», матросу П. М. Кошке и др. *В. С.*

СЕНЯ́ВИН (Синявин) Алексей Наумович (1716–10.08.1797 гг.) — адмирал (1775 г.).

А. Н. Сенявин происходил из старинного дворянского рода. Он был сыном первого русского вице-адмирала Наума Акимовича Сенявина, сподвижника Петра I. А. Н. Сенявин начал флотскую службу в 1734 г. За заслуги отца он был принят на флот сразу мичманом. В русско-турецкой войне 1735–1739 гг. Сенявин плавал на кораблях Днепровской флотилии, затем служил на Балтийском флоте. Во время Семилетней войны он был уже командиром корабля, но в 1762 г. из-за болезни был уволен в запас капитаном I ранга. В 1766 г. он вернулся на флот. В 1768 г. стал контр-адмиралом и командовал кронштадской эскадрой. В 1769 г. в чине вице-адмирала участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Во время войны А. Н. Сенявин начал создавать Азовскую флотилию и за пять лет он построил 130 судов. В 1771 г. Сенявин со своей флотилией помогал овладеть Крымом. В 1773 г. он занял Керчь и Еникале. В 1774 г., несмотря на неравенство сил, отбил нападение турецкого флота у Керченского пролива и тем самым закрыл туркам вход в Азовское море.

А. Н. Сенявин участвовал в создании Черноморского флота. В 1778 г. он руководил постройкой верфи в Херсоне, на которой начал строить крупные корабли. В 1788 г. ушел со службы по болезни, в 1794 г. был назначен присутствовать в Адмиралтейств-коллегии. *В. С.*

Польский вопрос

ОТНОШЕНИЕ К ПОЛЬШЕ. В западнорусском или польском вопросе допущено было меньше политических химер, но немало дипломатических иллюзий, самообольщения (недоразумений) и всего больше противоречий. Вопрос состоял в воссоединении Западной Руси с Русским государством; так он стал еще в 15 в. и полтора столетия разрешался в том же направлении; так его понимали и в самой Западной России в половине 18 в.

Из сообщений приехавшего на коронацию в 1762 г. епископа белорусского Георгия Конисского Екатерина могла видеть, что дело не в политических партиях, не в гарантии государственного устройства, а в религиозных и племенных инстинктах, наболевших до междоусобной резни сторон, и никакие договоры, никакие протектораты не в силах мирно распутать этот религиозно-племенной узел; требовалось вооруженное занятие, а не дипломатическое вмешательство. На вопрос Екатерины, какую пользу может извлечь Русское государство из защиты православных в Польше, один тамошний игумен отвечал прямо: Русское государство праведно может отобрать у поляков на 600 верст плодороднейшей земли с бесчисленным православным народом.

Екатерина не могла прикинуть такой грубо прямой постановки дела к шаблонам своего политического мышления и повела народно-психологический вопрос извилистым путем дипломатии. Общий национально-религиозный вопрос подменяется тремя частичными задачами, территориальной, покровительственной и полицейской: предположено было продвинуть северо-западную границу до Западной Двины и Днепра с Полоцком и Могилевом, добиться восстановления православных в правах, отнятых у них католиками, и потребовать выдачи многочисленных русских беглецов с прекращением дальнейшей их приемки. Этим и ограничивалась первоначальная программа русской политики.

Диссидентское дело о покровительстве единоверцев и прочих диссидентов, как тогда выражались, об уравнении их в правах с католиками было особенно важно для Екатерины, как наиболее популярное дело, но и особенно трудно, потому что бередило много больных чувств и задорных интересов. Но именно в этом деле политика Екатерины обнаружила особенный недостаток умения соображать образ действий с положением дел.

Диссидентское дело надобно было проводить сильной и властной рукой, а королю Станиславу Августу IV, и без того слабовольному человеку, не дали ни силы, ни власти, обязав-

шись по договору с Пруссией не допускать никаких реформ в Польше, способных усилить власть короля. Станислав по бессилию оставался, по его выражению, «в совершенном бездействии и небытии», бедствовал без русской субсидии, иногда не имея со своим двором дневного пропитания и перебиваясь мелкими займами.

Своей гарантией поддерживали польскую конституцию, которая была узаконенной анархией, и сами же негодовали, что при такой анархии ни в чем от Польши никакого толку добиться нельзя. Притом Панин дал делу диссидентов очень фальшивую постановку. Уравнение их в правах с католиками, которого требовало русское правительство, могло быть политическое и религиозное. Православные ждали от России прежде всего уравнения религиозного, свободы вероисповедания, возвращения отнятых у них католиками и униатами епархий, монастырей и храмов, права невольным униатам воротиться к вере православных отцов. Политическое уравнение, право участия в законодательстве и управлении было для них не столь желательно и даже опасно.

В Речи Посполитой только шляхта пользовалась политическими правами. Верхние слои православного русского дворянства ополячились и окатоличились; что уцелело, было бедно и необразованно; между право-

славными дворянами трудно было отыскать человека, способного быть депутатом на сейме, заседать в Сенате, занимать какую-либо государственную должность, потому что, как писал русский посол в Варшаве своему двору, все православные дворяне сами землю пашут и без всякого воспитания. Даже епископ белорусский Георгий Конисский, глава православных Западной Руси, который по своему сану должен был сидеть в Сенате, не мог иметь там места, не будучи дворянского происхождения. Притом политическое уравнение пугало малосильное православное дворянство еще большим озлоблением господствующей католической шляхты, принужденной делиться господством со своими врагами. Все это сдерживало стремление диссидентов к политическим правам.

Панин, напротив, больше всего хлопотал о политическом уравнении. Выступая во имя свободы совести как министр православной державы, он находил усиление православия, как и протестантизма в Польше, вредным для России. Протестантская религия может вывести поляков из их невежества и повести к опасному для России улучшению их государственного строя. «Относительно наших единоверцев этого неудобства быть не может», т. е. от православия нельзя опасаться ни искоренения невежества, ни улучшения государственного строя, но излишне усиленные нами

православные станут от нас независимы. Им надобно дать политические права только для того, чтобы образовать из них надежную политическую партию с законным правом участвовать во всех польских делах, однако не иначе, как под нашим покровительством, «которое мы себе присваиваем на вечные времена». Мечтательный идиллик северной системы здесь — положительный макиавеллист.

Вынужденными конфедерациями, т. е. вооруженными восстаниями, устроенными под давлением русских войск, арестами наиболее упрямых противников вроде епископа краковского Солтыка русское правительство добилось своего, провело на сейме вместе с русской гарантией конституции и свободой вероисповедания для диссидентов и политическое уравнение их с католической шляхтой.

Но Панин ошибся в своих расчетах, а опасения диссидентов сбылись. Диссидентское уравнение зажгло всю Польшу. Едва разошелся сейм, утвердивший договор 13 февраля, как в Баре поднял против него конфедерацию адвокат Пулавский. С его легкой руки начали вспыхивать антидиссидентские конфедерации там и сям по всей Польше. Все бездомное и праздношатающееся из замотавшейся шляхты, из панской дворни, из городов и сел собиралось под знамена этих конфедераций и, рассыпаясь по стране мелкими шайками, грабило во имя веры и отечества кого ни по-

пало; доставалось и своим, но более всего терпели диссиденты и евреи.

По обычному конфедерационному праву всюду, где действовали конфедерации, упразднялись местные власти и водворялось полное безначалие. Это была своего рода польско-шляхетская пугачевщина, нравами и приемами ничуть не лучше русской мужицкой, и трудно сказать, которая из них клала больше позора на государственный строй, ее породивший, хотя причины обоих движений были различны до противоположности: там — разбой угнетателей за право угнетения, здесь — разбой угнетенных за освобождение из-под гнета. Русская императрица, за порядок и законы республики; польское правительство ей и предоставило подавить мятеж, а само оставалось любопытным зрителем событий.

Русского войска было в Польше до 16 тыс. Эта дивизия и воевала с половиной Польши, как тогда говорили. Большая часть войска стояла гарнизонами по городам, и только четверть преследовала конфедератов; но, как доносил русский посол, сколько за сим ветром ни гоняются, догнать не могут и только понапрасну мучатся.

Конфедераты всюду находили поддержку; мелкая и средняя шляхта тайно снабжала их всем нужным. Католический фанатизм был разогрет духовенством до высшей степени;

под его действием разрывались все общественные и нравственные связи. Помянутый епископ Солтык перед арестом вызывался русскому послу склонить католиков на уступки диссидентам, если посол позволит ему попрежнему вести себя самоотверженным борцом за веру для сохранения кредита в своей партии, т. е. позволит ему быть плутом и провокатором.

Русский кабинет убедился, что ему не справиться с последствиями собственной политики, и поручил русскому послу подговаривать самих диссидентов пожертвовать частью дарованных им прав, чтобы сохранить остальные, и обратиться к императрице с ходатайством о разрешении им такой жертвы.

Екатерина позволила, т. е. вынуждена была отказаться от допущения диссидентов в Сенат и министерство, и только в 1775 г., после первого раздела Польши, за ними утверждено было право быть избираемыми на сейм вместе с доступом ко всем должностям. Одною из причин непрямой постановки диссидентского вопроса были полицейские соображения, к нему прицепленные.

Порядки самодержавно-дворянского русского правления так тяжело ложились на низшие классы, что издавна тысячи народа бежали в безнарядную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось сноснее. Панин

потому особенно считал вредным наделение православных в Речи Посполитой слишком широкими правами, что тогда побеги из России еще более усилятся «при свободе веры, соединенной с выгодами свободного во всем народа».

Тем [же] барским взглядом русская политика смотрела и на православное простонародье Речи Посполитой: в нем, как в единоверцах, видели предлог ко вмешательству в польские дела, но не хотели пользоваться им, как материалом для политической агитации против господствующего, сами находясь в положении такого же класса.

Диссидентское дело обострило на Украине давнюю непрерывную борьбу православных с униатами и католиками, столько же ободрило правых, сколько озлобило вторых. Ответом православных на Барскую конфедерацию был гайдамацкий бунт (1768 г.), в котором вместе с гайдамаками, русскими беглецами, ушедшими в степи, поднялись запорожцы с Железняком во главе, оседлые казаки и крепостные крестьяне с сотником Гонтой и другими вождями. Явилась и подложная грамота императрицы Екатерины с призывом подниматься на ляхов за веру. Бунтари по-старому избивали евреев и шляхту, вырезали Умань; фанатизм греческий и холопий, как выразился о восстании король Станислав, боролся огнем и мечом с фанатизмом католическим и

шляхетским. Русский бунт погасили русские же войска; повстанцы, избегнувшие кола и виселицы, воротились в прежние состояния.

При такой двусмысленности русской политики православные диссиденты Западной Руси не могли понять, что хочет сделать для них Россия, пришла ли она совсем освободить их от Польши или только уравнять, хочет ли она избавить их от католического ксендза и униатского попа или и от польского пана. *В. К-ский*

РАЗДЕЛ ПОЛЬШИ. В продолжение шестисеми лет сумятицы, поднявшейся в Польше со смерти короля Августа III (1763 г.), в русской политике незаметно мысли о воссоединении Западной Руси: она затерта вопросами о гарантии, диссидентах, конфедерациях. Забота Панина о присвоении России покровительства диссидентам «на вечные времена» скорее указывает на то, что ему была совсем чужда эта мысль.

Русский кабинет сначала довольствовался (думал только) исправлением границы с польской стороны и каким-нибудь территориальным вознаграждением Фридриха за содействие в Польше. Но русско-турецкая война дала делам более широкое течение. Фридрих сперва испугался этой войны, опасаясь, что Австрия, злобясь на русско-прусский союз, вмешается в нее, станет за Турцию, впутает и

Пруссию. С целью отклонить эту опасность из Берлина с самого начала войны и была пущена в ход мысль о разделе Польши. Эта идея ничья; она сложилась сама собой из всего строя, быта и соседского окружения Речи Посполитой и носилась в дипломатических кругах давно, уже с 17 в.

При деде и отце Фридриха II три раза предлагали Петру I раздел Польши и всегда непременно с уступкой прусскому королю западной Пруссии, отделявшей досадным промежутком Бранденбург от восточной Пруссии. Фридриху II принадлежит не самая идея, а ее практическая разработка. Он сам признавался, что, страшась усиления России, он попробовал без войны, без жертв и риска, только ловкостью извлечь пользу из ее успехов. Война России с Турцией дала ему желанный случай, который он, по его выражению, ухватил за волосы. По его плану к союзу России с Пруссией привлекалась враждебная им обеим Австрия для дипломатического — только отнюдь не вооруженного — содействия России в войне с Турцией, и все три державы получали земельное вознаграждение не от Турции, а от Польши, подавшей повод к войне.

После трехлетних переговоров, веденных с «притворной добросовестностью», по выражению Панина, участники, перетасовывая области и населения, как игральные карты, подвели такие итоги игры. Молдавия и Вала-

хия, христианские княжества, отвоеванные у турок русскими войсками, возвращались именно по настоянию Фридриха, союзника, под турецкое иго, освобождение от которого им было торжественно обещано, а взамен этой уступки русский кабинет, обязавшись охранять территориальную целость христианской Польши от хищных соседей, заставил Россию вместе с ними участвовать в ее расхищении.

Вышло так, что одни польские области отходили к России взамен турецких за военные издержки и победы, а другие — к Пруссии и Австрии так, ни за что, или к первой как бы за комиссию и за новую постановку дела, за фасон, а ко второй в виде отступного за вражду к России, вызванную ее союзом с той же Пруссией. Наконец, в 1772 г. (25 июля) последовало соглашение трех держав-дольщиц, по которому Австрия получала всю Галицию с округами, захваченными еще до раздела, Пруссия — западную Пруссию с некоторыми другими землями, а Россия — Белоруссию (ныне губернии Витебская и Могилевская).

Доля России, понесшей на себе всю тяжесть турецкой войны и борьбы с польской сумятицей, была не самая крупная: по вычислениям, какие представил Панин, она по населенности занимала среднее место, а по доходности — последнее; самая населенная доля была австрийская, самая доходная —

прусская. Однако, когда австрийский посол объявил Фридриху свою долю, король не утерпел, чтоб не воскликнуть, взглянув на карту: «Чорт возьми, господа! У вас, я вижу, отличный аппетит: ваша доля столь же велика, как моя и русская вместе; поистине у вас отличный аппетит». Но он был доволен разделом больше остальных участников. Удовольствие его доходило до самозабвения, т. е. до желания быть добросовестным: он признавался, что у России много прав поступить так с Польшей, «чего нельзя сказать об нас с Австрией». Он видел, как плохо воспользовалась Россия своими правами и в Турции и в Польше, и чувствовал, как из этих ошибок росла его новая сила.

Это чувствовали и другие. Французский министр злорадно предостерегал русского уполномоченного, что Россия со временем пожалеет об усилении Пруссии, которому она так много содействовала. В России также винили Панина в чрезмерном усилении Пруссии, и он сам сознавался, что зашел дальше, чем желал, а Гр. Орлов считал договор о разделе Польши, так усиливший Пруссию и Австрию, преступлением, заслуживающим смертной казни. Как бы то ни было, редким фактом в европейской истории останется тот случай, когда славяно-русское государство в царствование с национальным направлением помогло немецкому курфюршеству с разрозненной тер-

риторией превратиться в великую державу, сплошной широкой полосой раскинувшуюся по развалинам славянского же государства от Эльбы до Немана.

По вине Фридриха победы 1770 г. принесли России больше славы, чем пользы. Екатерина выходила из первой турецкой войны и из первого раздела Польши с независимыми татарами, с Белоруссией и с большим нравственным поражением, возбудив и не оправдав столько надежд в Польше, в Западной России, в Молдавии и Валахии, в Черногории, в Морее. *В. К-ский*

ВИ́ЛЬНО — официальное название города Вильнюса до 1939 г., столица Литвы; расположена на слиянии рек Вилия (Нярис) и Вилейки (Вильняле).

Археологические раскопки свидетельствуют, что на территории Вильно люди жили уже в конце палеолита и в эпоху мезолита. В 1323 г. великий князь литовский Гедимин (Гедиминас) перенес сюда свою резиденцию из Трок (Трокая). В 1387 г. в Вильно было введено самоуправление при котором горожане сумели добиться для себя особых прав на торговлю, ремесла, деятельность суда, отношений собственности. Благодаря этому стала более оживленной торговля между польскими городами: Гданьском, Познанью и Вильно и русскими — Москвой, Смоленском и др., а

также со странами, расположенными на берегах Балтийского моря. До Люблинской унии 1569 г. Вильно был столицей Великого княжества Литовского, затем входил в состав Речи Посполитой.

Во время восстания в Польше в 1794 г. под предводительством Т. Костюшко в Вильно вспыхнуло восстание во главе с Я. Ясинским против русских войск, занявших город. Повстанцы образовали правительство — Верхний совет Литвы, которое позже преобразовано в филиал польского правительства. Вильно до взятия его русскими войсками 11 августа 1794 г. оставался центром восстания в Литве.

С 1795 г., после третьего раздела Польши, Вильно вошел в состав Российской империи и стал центром Виленской (в 1797–1801 гг. — Литовской, в 1801–1840 гг. — Литовско-Виленской) губернии.

В 1798 г. население Вильно составляло 17,5 тыс. человек, в 1811 г. — 56,3 тыс. человек.

В июле — декабре 1812 г. Вильно был оккупирован войсками Наполеона I. В городе размещался Временный литовский комитет.

В нач. 19 в. город стал одним из центров восстаний в Польше и Литве. В 1864 г. в Вильно открылась газовая фабрика, начал действовать чугунолитейный завод Циммермана. В 1872 г. учрежден Виленский банк. В 19 —нач. 20 вв. в Вильно развивалась легкая промышленность.

С кон. 19 в. Вильно превратился в центр революционного движения рабочих Литвы. В 1880-е гг. в городе начали создаваться марксистские кружки, а в 1896 г. здесь прошел первый съезд Социал-демократической партии Литвы и «Союза рабочих Литвы».

Вильно был одним из важнейших центров культурного развития. В 1578 г. иезуиты основали в городе академию, где преподавались в основном теология и философия. С сер. 18 в. там стали изучать физику, политические науки, математику и геологию.

В 1773 г., после закрытия Ордена иезуитов, академия была реорганизована в Главную литовскую школу.

В 1803 г. школу преобразовали в университет, который в 1832 г. был закрыт. На его основе стали действовать медицинская и духовная академии. С 1842 г. в городе действовала Виленская комиссия для разбора и издания древних актов. В 1855 г. был основан Музей древностей, а в 1867 г.— первая публичная библиотека. *Н. П.*

ДАЛЬНЕЙШИЕ РАЗДЕЛЫ. Не будем входить в подробности двух дальнейших разделов Польши, которые были неминуемым продолжением первого, вызывались теми же причинами и сопровождались сходными явлениями. Те же дольщики и те же приемы дележа. Польша и теперь оплачивала свои-

ми землями издержки Австрии и Пруссии на войну с революционной Францией, как прежде заплатила за русские издержки на турецкую войну.

Продолжалась прежняя игра только с пересадкой: Россия действовала уже не в союзе с Пруссией против Австрии, а наоборот. Впрочем, теперешний союзник не был лучше прежнего противника, а общая добыча мирила друзей и недругов. Преобразовательная партия в Польше на четырехлетнем сейме (1788–1791 гг.) выработала новую конституцию, проведенную кое-как революционным путем 3 мая 1791 г. с наследственной королевской властью, с сеймом без liberum veto, с допущением депутатов от горожан, с полным равноправием диссидентов, с отменой конфедераций.

Но приверженцы старины по-прежнему составили конфедерацию (в Тарговице) и призвали русские войска, а прусские явились без зова. Опять половина Польши была завоевана русскими. Прежние предлоги к иноземному вмешательству осложнились новым, «адским учением», ядом «демократического духа», заражавшим Польшу с крайней опасностью для соседей.

После второго раздела (1793 г.) 10-миллионная Речь Посполитая, простиравшаяся «от моря до моря», сократилась в узкую полосу между средней и верхней Вислой и Нема-

ном — Вилией с трехмиллионным населением, с прежней конституцией и с подчинением внешней политики короля русскому надзору. Восстание 1794 г. с объявлением войны России и Пруссии и с диктатурой Костюшки было предсмертной судорогой Польши. Страна еще раз была завоевана русскими войсками. Конвенция трех держав, поделивших между собой остаток Польши, закрепила международным актом падение польского государства (13 октября 1795 г.). *В. К-ский*

ПО́ЛЬСКОЕ ВОССТА́НИЕ 1794 г. — восстание части польских военных под руководством Т. Костюшко.

В 1792 г. в Польше была принята конституция, которая укрепила власть короля и вызвала недовольство многих польских магнатов и шляхты. В 1792 г. в Тарговицах они образовали свою оппозиционную конфедерацию. Тарговицкую конфедерацию взяла под свою защиту российская императрица Екатерина II. На территорию Польши вошли русские и прусские войска.

Польский генерал Тадеуш Костюшко составил в Дрездене заговор с целью свержения власти тарговицких конфедератов, он провозгласил идею воссоединения польских земель. Восстание началось в марте 1794 г. Генерал А. Мадалинский должен был сократить польскую армию со 100 тыс. до 15 тыс. человек.

Именно увольняемые военные подняли восстание. Поляки внезапно напали на русский полк и захватили его казну, а затем рассеяли прусский эскадрон в Шренске и двинулись к Кракову. Туда же направился Т. Костюшко со своими сторонниками. Жители Кракова провозгласили Костюшко диктатором восстания. Военные отряды русских войск генералов В. В. Орлова-Денисова и А. П. Тормасова потерпели поражение в бою под Рацлавицами. 17–18 апреля 1794 г. восстали жители Варшавы. Они истребили часть русского гарнизона, другая часть отступила из столицы в г. Лович. 22–23 апреля 1794 г. победило восстание в Вильне, откуда смогла уйти лишь часть русского гарнизона. Костюшко, возведенный в чин генералиссимуса, объявил о всеобщем вооружении. Численность его войск достигла 70 тыс. человек.

В мае — июне 1794 г. объединенные русские и прусские войска нанесли два поражения войскам Костюшко. Прусские войска заняли Краков, русские войска — Люблин, а в Литве подошли к Вильне. В июле 1794 г. войска прусского короля Фридриха-Вильгельма II осадили Варшаву. Т. Костюшко заперся в столице, а в тыл прусским войскам отправил корпус генерала Домбровского. В прилегающих к Варшаве местностях вспыхнуло народное восстание, и 25 августа 1794 г. прусский король снял осаду Варшавы. В войну вступила Австрия,

но ее армия, захватив на юге Польши Краков, Сандомир и Холм (Хелм), остановилась.

Решающим стало появление в Польше в августе 1794 г. военного отряда под командованием генерала А. В. Суворова (ок. 10 тыс. человек). Обеспокоенная Екатерина II впервые после Пугачевского бунта поручила непобедимому полководцу погасить огонь восстания. Суворов разгромил польские отряды под Брест-Литовском, Крупчицами и Кобылкой и в сентябре 1794 г. начал решительное наступление на Варшаву. На верность России присягнула значительная часть польских магнатов и шляхты. 28 сентября 1794 г. в сражении при Мацеевице русские генералы И. Е. Ферзен и В. В. Орлов-Денисов взяли в плен раненого Костюшко, тысячи повстанцев погибли. После пленения Костюшко в Варшаве царила паника, но жители требовали продолжения войны.

В октябре 1794 г. Суворов принял командование всеми русскими военными силами и расположился возле Праги — предместья Варшавы. На следующий день Прага была взята штурмом. 25 октября 1794 г. Варшава заявила о капитуляции, а 26 октября Суворов вступил в побежденную польскую столицу. Через несколько дней прусские и русские войска разгромили последние отряды повстанцев, сражавшиеся в Познани и южной Польше.

После подавления восстания Т. Костюшко Польское государство потеряло самостоятельность и в результате третьего раздела в 1795 г. прекратило существование. *Вс. В.*

СИ́ВЕРС Яков Ефимович (Якоб-Иоганн) (19.09.1731–11.07.1808 гг.) — граф, государственный деятель, дипломат.

Яков Сиверс был родом из датской дворянской семьи, которая в кон. 17 в. переселилась в Швецию, а затем в Прибалтику. В 1744 г. его дядя, обер-гофмаршал привез его в Петербург и устроил писцом в Коллегию иностранных дел. Затем Сиверс служил при посольствах в Копенгагене и Лондоне, где прилежно изучал науки и языки. Будучи подполковником Невского полка, участвовал в Семилетней войне, сражался при Гросс-Егерсдорфе, осаждал крепость Кольберг. После воцарения Екатерины II в 1762 г. по болезни вышел в отставку.

С 1764 г. Я. Е. Сиверс — новгородский губернатор. Он основал новые города (Боровичи, Валдай, Калязин и др.), многое сделал для улучшения в губернии сельского хозяйства, промышленности, путей сообщения, судоходства, устроил канал между реками Волхов и Мста. Его считают одним из инициаторов создания Вольного экономического общества. С 1776 г. управлял Тверским, Новгородским и Псковским наместничествами. За труды по управлению наместничествами

Я. Е. Сиверс получил от императрицы 20 тыс. руб. и имение в Полоцкой губернии. Однако из-за постоянных споров с членами Сената и из-за неприязни князя Г. А. Потемкина, фаворита Екатерины II, ему пришлось в 1781 г. выйти в отставку. Будучи послом в Польше (1792–1794 гг.), он подготовил второй раздел Польши. За дипломатическую службу Сиверс получил от Екатерины 2 тыс. душ крестьян в Минской губернии.

Павел I назначил его сенатором и опекуном над Московским и Петербургским воспитательными домами. Он также управлял водными коммуникациями. С 1800 г.— в отставке. Я. Е. Сиверс оставил о себе память как просвещенный и гуманный администратор. *О. Н.*

ЗНАЧЕНИЕ РАЗДЕЛОВ. Сведем в польском вопросе конец с началом. Предстояло воссоединить Западную Русь; вместо того разделили Польшу. Очевидно, это различные по существу акты — первого требовал жизненный интерес русского народа; второй был делом международного насилия. Решение не отвечало задаче.

Правда, в раздел вошла с русской стороны и Западная Русь, но, так сказать, под другим политическим титулом — не как результат борьбы России с Польшей один на один во имя политического объединения русского народа, а как доля в захватной сделке трех соседних

держав во имя права силы. Россия присоединила не только Западную Русь, но и Литву с Курляндией, зато Западную Русь не всю, уступив Галицию в немецкие руки. Рассказывали, что при первом разделе Екатерина плакала об этой уступке; 21 год спустя, при втором разделе, она спокойно говорила, что «со временем надобно выменять у императора Галицию, она ему некстати»; однако Галиция осталась за Австрией и после третьего раздела.

Польша не была лишним членом в семье государств Северо-Восточной Европы, служа слабой посредницей между тремя сильными соседками. Но освобожденная от ослаблявшей ее Западной Руси и преобразовав свой государственный строй, как силились сделать это ее лучшие люди эпохи разделов, она могла бы сослужить добрую службу славянству и международному равновесию, стоя крепким оплотом против пробивавшейся изо всех сил на восток Пруссии. С падением Польши столкновения между названными тремя державами не ослаблялись никаким международным буфером и должны были больнее отзываться именно на России, граница которой на Немане не стала безопаснее от соседства с прусскими форпостами.

Екатерина напрасно рассказывала шутя, как преемник Фридриха, святоша Фридрих Вильгельм II, «недели две в рубахе ходил со шпагой для видения духов и, имев свиданье с

Христом, не объявил нам войны по его запрещению». Духовидец бредил помыслами здравомыслящих. Притом «нашего полку убыло» — одним славянским государством стало меньше; оно вошло в состав двух немецких государств; это крупная потеря для славянства.

Россия не присвоила ничего исконно польского, отобрала только свои старинные земли да часть Литвы, некогда прицепившей их к Польше. Но с русским участием раздвинулось новой обширной могилой славянское кладбище, на котором и без того похоронено было столько наших соплеменников, западных славян. История указывала [Екатерине] возвратить от Польши то, что было за ней русского, но не внушала ей делиться Польшей с немцами.

Предстояло ввести Польшу в ее этнографические границы, сделать ее настоящей польской Польшей, не делая ее Польшей немецкой. Разум народной жизни требовал спасти Западную Русь от ополячения, и только кабинетская политика могла выдать Польшу на онемечение. Без русских областей, в своих национальных пределах, даже с исправленным государственным строем самостоятельная Польша была бы для нас несравненно менее опасной, чем та же Польша в виде австрийских и прусских провинций.

Наконец, уничтожение польского государства не избавило нас от борьбы с польским

народом: не прошло 70 лет после третьего раздела Польши, а Россия уже три раза воевала с поляками (1812, 1831 и 1863 гг.). Призрак Речи Посполитой, вставая из ее исторической могилы, производил впечатление живой народной силы. Может быть, чтобы избегнуть вражды с народом, следовало сохранить его государство. *В. К-ский*

РЕ́ЧИ ПОСПОЛИ́ТОЙ РАЗДЕ́ЛЫ — поэтапное отторжение Россией, Пруссией и Австрией земель Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг., закончившееся уничтожением Польского государства.

Предыстория разделов Речи Посполитой относится к 1760-м гг., когда Россия предприняла ряд важных шагов для подчинения Польши. В 1764 г. России удалось добиться избрания на польский трон Станислава Понятовского, фаворита Екатерины II. В 1768 г. под предлогом защиты православных дворян (т. н. диссидентов, т. е. несогласных) с Польшей был заключен Варшавский договор, фактически установивший в стране протекторат России. По этому договору Екатерина II объявлялась гарантом незыблемости «кардинальных прав» польской шляхты, в первую очередь православной. В ответ на Варшавский договор польское дворянство и духовенство в городе Бар составили конфедерацию (1768–1772 гг.) против короля и вмешательства Рос-

сии в дела Польши, что, в свою очередь, привело к введению в Польшу русских войск. Все это не устраивало Пруссию, желавшую присоединить польские земли. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг., страшась опасного сближения Пруссии с Австрией, Россия была вынуждена принять прусские предложения о разделе Польши. 6 февраля 1772 г. между Пруссией и Россией в Петербурге была подписана секретная конвенция о предварительных условиях раздела, затем к ней присоединилась Австрия и 25 июля 1772 г. произошел первый раздел. Войска трех держав заняли польские территории. Россия получила Восточную Белоруссию и часть Ливонии с городами Полоцк, Витебск, Могилев, Гомель. К Пруссии отошли земли Северной Польши, и теперь она могла контролировать польскую торговлю на Балтике. Австрии стали принадлежать земли на юго-западе Речи Посполитой с городами Львов и Краков. В 1773 г. Россия, Пруссия и Австрия заставили польский сейм признать произведенный раздел.

Потеряв часть земель, Речь Посполитая попыталась консолидироваться. В 1775 г. было создано первое польское правительство — Постоянный совет. Но отношения между королем и шляхтой оставались напряженными. В 1791 г. была принята польская конституция, укрепившая власть короля. Обиженное дворянство стало искать поддержки у Екате-

рины II. По договоренности с ней и вопреки конституции польские магнаты образовали Тарговицкую конфедерацию. Вскоре в страну вторглись русские войска. Король встал на сторону мятежников. Польское правительство было свергнуто, конституция отменена. По второму разделу Польши между Россией и Пруссией (март 1793 г.) Россия получила Правобережную Украину и земли центральной Белоруссии с городами Минск, Слуцк, Пинск. Конвенция 1793 г., составленная Россией и Пруссией, утвердила переход к Пруссии Данцига, Торна и земель Великой Польши. Австрия во втором разделе не участвовала — ей была обещана поддержка ее плана обмена Бельгии на Баварию.

Поляки стремились к восстановлению границ Польши, и в 1794 г. под руководством Т. Костюшко началось восстание. Россия и Пруссия ввели в Польшу свои войска, т. к. были обеспокоены возможным пересмотром результатов двух разделов в случае победы восставших. Екатерина II предложила полностью разделить оставшиеся земли. В 1795 г. состоялся третий раздел, в котором участвовали все три державы. Австрии досталась Малая Польша с городами Краков и Люблин и территория от Варшавы до Бреста. Пруссия получила Варшаву и северо-восток Польши. Россия получила Курляндию, Литву, Западную Волынь и Белоруссию вплоть до Гродно. Польское

государство перестало существовать. В свою очередь, Россия возвратила в свой состав исконные русские земли. *В. С.*

ИТОГИ И ХАРАКТЕР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ. Оба вопроса внешней политики, стоявшие на очереди, были решены, хотя с колебаниями, лишними жертвами и отклонениями от прямого пути. Закреплен был северный берег Черного моря от Днестра до Кубани. Южнорусские степи, исконный приют хищных кочевников, вошли в русский народнохозяйственный оборот, открылись для оседлой колонизации и культуры. Возник ряд новых городов (Екатеринослав, Херсон, Николаев, Севастополь и др.).

До первой турецкой войны, по выражению Екатерины, ни одной русской лодки не было на Черном море; договор 1774 г. открыл русским купеческим кораблям свободное плавание по тому морю, и оборот русской черноморской торговли, в 1776 г. не достигавший 400 р., к 1796 г. возрос почти до 2 млн. К экономическим выгодам прибавилась новая политическая сила: возникший с присоединением Крыма военный флот в Севастополе обеспечивал приморские владения и служил опорой русского протектората над восточными христианами. В 1791 г. вице-адмирал Ушаков успешно дрался с турецким флотом в виду Босфора, и в голове Екатерины опять за-

светилась мысль о возможности идти прямо на Константинополь.

С другой стороны, была воссоединена почти вся Западная Русь, и титулярная формула всея Руси получила значение, соприкасавшееся с действительным. В земельных приобретениях на западе тогда считалось до 6770 тыс. большею частью коренного русского населения, на юге — с небольшим 200 тыс. магометан и христиан. Западные присоединения ныне образуют десять губерний, южные — три. Приемы международной политики Екатерины значительно понижали цену успехов, достигнутых в разрешении обоих вопросов. В начале царствования Екатерина ставила себе целью жить в дружбе со всеми державами, чтобы иметь возможность всегда становиться на сторону наиболее угнетенного и через то быть третейским судьей Европы (l'arbitre de l'Europe).

Трудно было разыграть такую роль в тогдашней политической Европе. Тогда в международной европейской политике крупных и большей части мелких континентальных государств действовали не народы, а дворы или кабинеты. Народные интересы подчинялись расчетам и вкусам дипломатии или проникали в политику через призму дипломатического мышления, которая их преломляла, а зачастую и ломала. Все эти кабинетские мастера — Шуазели, Кауницы, Герцберги — доигры-

вали свои последние игры, пока революция не выкинула их карт за окно, где они валялись до Венского конгресса, вновь превратившего Европу в игорный дом кабинетской дипломатии.

Слишком хорошо зная цену своего ремесла, эти игроки искали простаков, а не каких-либо судей. Екатерина знакома была с этим политическим миром по его представителям в Петербурге и понимала, что здесь успех создается эффектом, а не создает его и скромность силы принимается за признак слабости. Притом эффект ей нужен был и для внутреннего впечатления. В этот мир она и вошла смелой поступью, взяв гордый и высокомерный тон, на который жаловались иноземные послы.

В ближайшей сфере своих внешних отношений, в Курляндии, Польше, Швеции, она являлась не мировой посредницей, а задорной стороной, заводила свои партии, интриговала, подкупала, создавала себе врагов и, наконец, так запутала свою международную политику, что сама сравнивала ее с вязким местом: едва вытащишь одну лапу из грязи, как завязнет другая. Вместо дружбы со всеми державами она в 34 года своего правления перессорила Россию почти со всеми крупными государствами Западной Европы и внесла в нашу историю одно из самых кровопролитных царствований, вела в Европе шесть войн

и перед смертью готовилась к седьмой — с революционной Францией

Став на практике прямым вмешательством в чужие дела, европейский арбитраж Екатерины при ее средствах и власти, не сдерживаемой чувством ответственности, мог бы наделать много хлопот, если бы политика Екатерины не страдала ослаблявшим опасность недостатком глазомера, умения ставить дело прямо в исполнимых размерах и неуклонно вести его до конца. Признавая доброе начало половиной дела, Екатерина обыкновенно начинала шумными выступлениями с широкой программой, а потом, осмотревшись, наткнувшись на препятствия, шла на сделки, уступки, сокращала свои виды, порой прикрикивала министру: «Держитесь крепко — и ни шагу назад», — и все-таки отступала. А то построит план с задней мыслью, прикрыв ее благовидным принципом.

Когда вспыхнула французская революция, Екатерина поняла ее серьезное значение, негодовала на малодушие Людовика XVI, еще в 1789 г. предсказав ему участь Карла I английского, призывала к единодушию и геройству принцев, братьев короля, говорила, что надобно вложить им душу в брюхо, билась головой об стену, по ее выражению, чтобы двинуть Австрию и Пруссию на революционную Францию во имя монархического начала, но втихомолку своим признавалась, что ей хочется

впутать австрийцев и пруссаков во французские дела, чтобы самой иметь свободные руки: «У меня много предприятий неконченных, и надобно, чтобы они были и заняты и мне не мешали».

Екатерине хотелось устроиться с Польшей по-своему. Но австрийцы и пруссаки хорошо разглядели шитую белыми нитками хитрость, вяло двигались на Францию, равнодушные к принципам, без огорчения несли потери на Рейне в чаянии добычи на Висле и отлично доделили Польшу при содействии и участии России. Сравнительно Россия на западе не стала сильнее, насколько усилилась сама ценою больших жертв, настолько же дала усилиться противникам без всяких жертв. Но это не считалось важным, как подробность: Екатерина признавалась, что, привыкнув к большим делам, не любит мелочей. А большие дела налицо: 7 млн новых подданных и сильное впечатление за границей и дома. Политический мир признавал за Екатериной «великое имя в Европе и силу, принадлежащую ей исключительно». В России по отдаленным захолустьям долго помнили и говорили, что в это царствование соседи нас не обижали и наши солдаты побеждали всех и прославились. Это простейшее общее впечатление Безбородко, самый видный дипломат после Панина, выражал в изысканной форме, говоря в конце своей карьеры молодым дипломатам: «Не знаю,

как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела». *В. К-ский*

ЗУ́БОВ Платон Александрович (15.11.1767–7.04.1822 гг.) — светлейший князь, государственный деятель.

П. А. Зубов был сыном сенатора А. Н. Зубова. С детства его записали в лейб-гвардии Семеновский полк, затем перевели в Конный полк. Ко двору императрицы его представил генерал-аншеф Н. И. Салтыков, который хотел подорвать влияние Г. А. Потемкина, всемогущего фаворита Екатерины II. Зубов сумел обратить на себя внимание 60-летней императрицы и в июне 1789 г. стал ее фаворитом. Он интриговал против Потемкина, после смерти которого окончательно утвердился в качестве близкого советника императрицы. Его назначили шефом Кавалергардского корпуса. В 1792 г. он получил чин генерал-адъютанта, затем стал генерал-губернатором Новороссии, позже — главнокомандующим Черноморского флота.

В 1792 г. он сосредоточил в своих руках руководство внешней политикой России. Екатерина II пожаловала ему большие имения в Литве и Курляндии. Зубов был последним фаворитом Екатерины II.

После ее смерти в 1796 г. император Павел I выслал его за границу и уволил со всех

постов. В кон. 1800 г. его возвратили и назначили шефом 1-го кадетского корпуса, затем генералом от инфантерии. Зубов участвовал в заговоре против Павла I и в ночь с 11 на 12 марта одним из первых ворвался в его спальню с требованием подписать отречение от престола, но участия в его убийстве не принимал. Последние годы жизни провел в своем имении в Виленской губернии. Жил экономно, заботился об увеличении своих богатств, хотя и обладал огромным состоянием. *О. Н.*

Самозванцы

САМОЗВА́НСТВО. Обычно самозванцы выдавали себя за знатных персон из корыстных интересов. В 1704 г. по Северу путешествовал беглый солдат Е. Иванов, представляясь полковником, крестником фельдмаршала Б. П. Шереметева. «Крестником графа Шувалова и лейб-гвардии капитан-порутчиком» именовался в 1756 г. скрывавшийся в Башкирии беглый капрал М. Тойметьев. Усольский мещанин И. Подощин в 1780 г. называл себя «генералом Опочининым». Корнет Р. Медокс уехал в 1812 г. на Кавказ под видом командующего сбором ополчения.

Самозванцы часто выражали народное недовольство. На Южном Урале в 1765 г. казак Ф. Каменщиков-Слудников ездил по деревням под видом «сенатского курьера» и собирал жалобы крестьян в челобитную, с которой явился в Петербург. Его схватили и отправили на каторгу. Самозванные «порутчики», «царские посланники», «жандарм-майоры», «чиновники особых поручений», «Орловы» неоднократно появлялись во время крестьянских волнений в 18–19 вв.

Наибольшей угрозой для властей было присвоение самозванцами имен представителей царской династии. После смерти Петра I в Астрахани и на Украине объявилось сразу два

его «сына», «царевичи Алексеи» — солдаты Е. Артемьев и А. Семиков. Другой «Алексей Петрович» — беглый крестьянин Т. Труженин — в 1732 г. действовал под Тамбовом и установил связи с беглым солдатом Л. Стародубцевым, выдававшим себя на Дону за сына Петра I, царевича Петра. В 1738 г. объявил себя царевичем Алексеем работный И. Миницкий под Черниговом.

Позднее самозванцы часто присваивали себе имя императора Петра III. Вначале Екатерина II видела причины самозванства «единственно от пьянства, буйства и невежества». Однако в 1764–1765 гг. «объявилось» сразу несколько самозванных «Петров Федоровичей»: беглые солдаты П. Чернышев и Г. Кремнев, украинский казак Н. Колченко, армянин А. Асланбеков; затем — лидер секты скопцов К. Селиванов, крепостной Ф. Богомолов и, наконец, Е. Пугачев. На заключительном этапе восстания Пугачева в отдельных отрядах повстанцев появлялись собственные «Петры Федоровичи». Новые самозванцы порой использовали имя самого Пугачева.

Петром Федоровичем называл себя Стефан Малый, правивший в Черногории в 1768–1773 гг. Русские власти тайно поддерживали самозванца, боровшегося с турками. Напротив, на Турцию ориентировалась Е. Тараканова, выдававшая себя за границей за дочь царицы Елизаветы Петровны.

Смерть в 1831 г. цесаревича Константина Павловича, брата императора Николая I и несостоявшегося русского царя, вызвала появление новых самозванцев. Некая Мария Павловна, выдававшая себя в Иркутске за дочь Павла I, утверждала, что Константин тайно находится в Сибири и скоро будет «перемена в правлении». Действительно, в 1834 г. в окрестностях Красноярска появился «Лжеконстантин» — дезертир Н. Прокопьев. После ареста его освободили крестьяне, но он был схвачен вновь. Последний сколько-нибудь значимый политический самозванец в истории России также выдавал себя за Константина Павловича и действовал среди уральских казаков в 1842 г. *Д. Н.*

ТАРАКА́НОВА Елизавета (?–04.12. 1775 г.) — авантюристка, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и А. Г. Разумовского.

Действительное происхождение Елизаветы Таракановой загадочно. Она была хорошо образованна, свободно говорила по-французски и по-немецки. «Княжна» проживала под разными именами в Киле, Берлине, Генте, Лондоне, с 1772 г.— в Париже, где выдавала себя за русскую принцессу, воспитанную в Персии. В нач. 1774 г. Е. Тараканова объявила о своих правах на российский престол. Она получала поддержку от польской эмиграции, обраща-

лась за помощью к турецкому султану, объявляла о солидарности с «братом Петром», Е. Пугачевым. Затем она переехала в Венецию, по дороге в Стамбул из-за кораблекрушения остановилась в Дубровнике.

Местные власти донесли Екатерине II о появлении самозванки. Императрица приказала графу Алексею Орлову захватить самозванку и доставить ее в Россию. Орлов оказывал Таракановой подчеркнутое внимание и даже предложил выйти за него замуж. Он пригласил ее на морские маневры в Ливорно. Когда в мае 1775 г. Тараканова поднялась на русский корабль, то ее арестовали и доставили в Россию. Ее поместили в Петропавловскую крепость и ежедневно водили на допросы. Она отказывалась давать показания. Вскоре Тараканова умерла от туберкулеза. *Д. Н.*

Внутренняя политика

Внутренняя политика Екатерины по своим задачам не была проще внешней, считал В. О. Ключевский. Надо было показать силу империи и удовлетворить национальное чувство; проявить блеск власти, упрочить положение ее носительницы и согласить враждующие общественные интересы.

В. О. Ключевский считал, что действовать внутри общества Екатерине было сложнее, нежели на внешнеполитической арене, поскольку вместо вооруженной силы, заслуженно прославленной, и дипломатии с ее тонкими комбинациями, здесь правило бал чиновничество с его безвыходной косностью (рутиной) и дворянство с его невежеством и «древней ленью».

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ. Изучение хода дел в империи, начатое еще до воцарения, Екатерина усиленно продолжала теперь, когда ей открылись к тому новые, более широкие пути. Она часто присутствовала в Сенате, вслушивалась в доклады и суждения сенаторов, сама прочитывала некоторые дела, наводила справки, расспрашивала всех и каждого. Так у нее составилась картина положения империи в

минуту ее воцарения — и картина, донельзя мрачная, которую она рисует в своих ранних и поздних записках и заметках.

Мы уже видели, в каком состоянии застала она военные силы и финансы. Елизавета и Петр III забирали себе казенные доходы и, когда у них просили денег на нужды государства, с гневом отвечали: «Ищите денег, где хотите, а отложенные — наши». Потому казна почти никому не платила. Хлеб в Петербурге вздорожал вдвое. Почти все отрасли торговли были превращены в разорительные частные монополии. Жестокие пытки и наказания за безделицу так ожесточили умы, что другого, более человечного правосудия и представить себе не могли: тюрьмы были переполнены; императрица Елизавета перед смертью освободила до 17 тыс., и все-таки при коронации Екатерины в 1762 г. их оставалось до 8 тыс. При жестокости правосудие продавалось платившему дороже.

Законов было неисчислимое множество, их то и дело изменяли, но суды совсем не заботились об их охранении; ими пользовались, только где они были полезны сильнейшему. Все судебные учреждения вышли из своих границ; одни прекратили свою деятельность; другие были подавлены. Всюду народ жаловался на лихоимство, взятки, а воеводы и их канцелярии кормились взятками, потому что не получали жалованья. Распоряжения Сена-

та исполнялись только по третьему указу. Сам Сенат, столько лелеянный Петром I, высший блюститель законного порядка, превратился в совершенно бездельническое учреждение со своим генерал-прокурором Глебовым, «плутом и мошенником», как называла его Екатерина.

Апелляционные дела сенаторы слушали целиком, не в экстрактах, и шесть недель длилось только чтение дела о выгоне гор. Масальска. Сенат назначал воевод во все города, но не имел списка городов и не знал, сколько их, при суждениях никогда не заглядывал в карту империи, так что иногда сам не знал, о чем судил. Да и карты у него не было с самого его основания; раз Екатерина, присутствуя в Сенате, вынула 5 руб., послала в Академию Наук купить печатный атлас и подарила его Сенату. Высший контролер государственного хозяйства — Сенат не мог установить точной бюджетной росписи. По воцарении Екатерины он подал ей реестр доходов, по которому их значилось 16 млн. Екатерина велела пересчитать доходы, и счетная комиссия насчитала их 28 млн; 12 млн Сенату были неведомы. Зато в расточении государственных имуществ и доходов он показал большую энергию. Все таможни он отдал на откуп за 2 млн, а когда они взяты были Екатериной в казенное управление, одна петербургская таможня давала более 3 млн дохода.

Казенные заводы в конце царствования Елизаветы самовольно были переданы Сенатом в частное владение первейшим царедворцам: Шуваловым, Воронцовым, Чернышевым и т. п., да им же роздано на ведение дела до 3 млн руб. Ссуду заводчики промотали в столице, заводским крестьянам платили за работу плохо или вовсе не платили, и они взбунтовались в числе 49 тыс.; пришлось посылать усмирительные команды с пушками, а заводы возвратить за долги в казну.

Всего в виде займов и другими способами расхватали до 4 млн деньгами и более 7 млн землями и рудниками и приходили в негодование на несправедливость казны, когда она требовала возврата денег, давно растраченных. Доверия к правительству не было никакого, но все привыкли думать, что никакого другого распоряжения от него и исходить не могло, кроме вредного к общему благу. Значит, государство утратило свой смысл в народном мнении и даже превратилось в какой-то заговор против народа, от которого, по замечанию Екатерины, скрывали ошибки судей и других чиновников

Если прибавить к этому отсутствие основных законов, кроме разве анархического устава о престолонаследии, то изображение, начертанное Екатериной, даст полную картину азиатской деспотии, где действует произвол лиц вместо законов и учреждений. Петр I

оставил Россию «недостроенной храминой» в виде большого сруба без кровли, без окон и дверей, а только с отверстиями для них. После него при господстве его сотрудников, потом наезжих иноземцев и затем доморощенных елизаветинских дельцов ровно ничего не было сделано для отстройки здания, а только испорчен заготовленный материал в виде учреждений, регламентов, уставов и т. п. *В. К-ский.*

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ. Вступив на престол, Екатерина хотела видеть народ, страну, столь дурно управляемую, взглянуть на ее жизнь вблизи, прямо, не из дворцовой дали и не по придворным россказням. С этой целью она предприняла в первые годы царствования ряд поездок: в 1763 г. ездила в Ростов и Ярославль, в 1764 г. посетила прибалтийские губернии, в 1765 г. проехала по Ладожскому каналу, который нашла прекрасным, но заброшенным, и, наконец, весной 1767 г. решилась посетить Азию, как она выражалась, т. е. проехать по Волге.

В сопровождении большой свиты (до 2 тыс. человек) и всего дипломатического корпуса она села в Твери на барку и спустилась до Симбирска, откуда сухим путем вернулась в Москву. В эту поездку она собрала много поучительных наблюдений. Во-первых, она увидела, какой удобный материал для управ-

ления имеет она в своих подданных, как мало нужно сделать для этого народа, чтобы привлечь к себе его расположение: императрицу всюду встречали с неописуемым восторгом. Екатерина писала с дороги, что даже иноплеменников, т. е. иноземных послов, не раз прошибали слезы при виде народной радости, а в Костроме распоряжавшийся экспедицией граф Чернышев весь парадный обед проплакал, растроганный «благочинным и ласковым» обхождением местного дворянства.

В Казани готовы были постелить себя вместо ковра под ноги императрицы, «а в одном месте по дороге, — писала Екатерина, — мужики свечи подавали, чтоб предо мною поставить, с чем их прогнали». Это был простонародный волжский ответ парижским философам, величавшим Екатерину царскосельской Минервой.

Беглые путевые наблюдения могли внушить Екатерине немало правительственных соображений. Она встречала по пути города, «ситуацией прекрасные, а строением мерзкие». Народ по своей культуре был ниже окружающей его природы.

«Вот я и в Азии», — писала Екатерина Вольтеру из Казани. Этот город особенно поразил ее пестротой населения. «Это — особое царство, — писала она, — столько разных объектов, достойных внимания, а идей на 10 лет здесь набрать можно». Симбирск — город,

самый жалкий, и все дома конфискованы за недоимки. Народ по Волге показался ей богатым и весьма сытым: все хлеб едят, и никто не жалуется; по городам цены высокие, а в деревнях прошлогодние немолоченые запасы в избытке; крестьяне крепятся продавать хлеб из боязни неурожая. *В. К-ский*

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ НАЧИНАНИЯ. Пока накоплявшиеся наблюдения еще не успели сложиться в цельный преобразовательный план, а внешняя политика не развлекала внимания, Екатерина спешила заштопать наиболее резкие прорехи управления, отмеченные в ее картине. Ввиду крестьянских волнений и толков указ, изданный на шестой день по воцарении, обнадеживал помещиков в ненарушимом обладании их имениями и крестьянами.

Отменены были многие откупа и монополии; для удешевления хлеба временно запрещен его вывоз за границу; сбавлена казенная цена соли с 50 до 30 коп. за пуд, а для пополнения убыли соляного дохода Екатерина убавила на 300 тыс. руб. свое комнатное содержание в 1 млн, получавшееся из соляного же сбора. При этом императрица заявила Сенату, что, принадлежа сама государству, она считает и все свое его же принадлежностью и впредь не должно быть разницы между ею и его интересом. Сенаторы встали и со слезами на глазах

благодарили «за столь благоразумные чувства», добавляет Екатерина.

Установлена была роспись доходов и расходов. Екатерина настойчиво ограничивала применение пытки и конфискации имений у преступников, но не решалась отменить оба института законом. Издан был строгий манифест против взяточничества; петербургскому населению дано было назидательное зрелище сенатского обер-секретаря, поставленного у позорного столба на площади перед Сенатом с надписью на груди: «преступник указов и мздоимец».

Введены новые штаты служащих и установлены пенсии; но на покрытие нового расхода повысили цену соли. Кара не миновала и маховика чиновничьей машины, распустившегося Сената: в 1763 г. ему сделан был строгий выговор «за междоусобное несогласие, вражду, ненависть» и партийность. Указание было при случае и на неприличие сенаторам заниматься винными откупами, чем они и с самим генерал-прокурором не брезгали.

Окончено было трудное дело секуляризации населенных церковных имений, доставившее казне только в пределах Великороссии 890 тыс. руб. чистого дохода за штатными расходами на церковные и благотворительные учреждения (указ 26 февраля 1764 г.).

Наконец, в 1765 г. составлена была комиссия о государственном межевании, капиталь-

ном деле, не удавшемся при императрице Елизавете. Эти меры первых трех лет должны были произвести благоприятное впечатление и даже практическое действие, облегчить несколько налоговую тяжесть, содействовать общему успокоению, внести некоторое оживление в застоявшееся правящее болото, дать острастку чиновнику, а что было всего важнее для Екатерины— внушить некоторое доверие к ее правительству. Сама она по своей привычке была очень довольна успехом принятых мер. В одной ранней заметке она пишет, что торговля оживляется, монополии уничтожены, бунтовщики усмирены, работают и платят, правосудие более не продается, законы уважаются и исполняются, все судебные места вернулись к своим обязанностям и т. д.
В. К-ский

ВО́ЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ О́БЩЕСТВО (ВЭО) — первое в России и одно из первых в мире экономическое общество.

Учреждено по инициативе Екатерины II в 1765 г. в Санкт-Петербурге крупными землевладельцами (графом Воронцовым, князем Гр. Орловым, Олсуфьевым и др.). ВЭО сыграло большую роль в развитии отечественного сельскохозяйственного производства.

ВЭО стремилось сделать более эффективным сельскохозяйственное производство при условии применения труда крепостных

крестьян. Объявлялись конкурсы на создание лучших проектов по таким темам: сравнительная выгода барщины и оброка; применение наемного труда в сельском хозяйстве; земельная собственность и крепостнические отношения и т. д. В 19 в. в работе ВЭО принимали участие виднейшие ученые России И. В. Вернадский, К. Д. Кавелин, Н. С. Мордвинов, Д. И. Менделеев, В. В. Докучаев, А. М. Бутлеров, Е. В. Тарле, А. Б. Струве и др.

С 1820-х гг. ВЭО занялось вопросами сельскохозяйственного образования, в 1844–1854 гг. оно содержало училище. В 1860–1870 гг. общество стало центром экономической мысли помещиков-либералов, стремящихся к интенсификации сельского хозяйства. Там исследовали вопрос развития крестьянской общины. С 1876 г. в ВЭО началось изучение почвоведения под руководством В. В. Докучаева, основавшего в 1903 г. Почвенный музей и крупную библиотеку.

ВЭО постоянно издавало «Труды ВЭО», в различные периоды деятельности «Земский ежегодник», «Экономические известия»; опубликовало первые статистико-географические исследования России. *Е. С.*

ГЕНЕРА́ЛЬНОЕ МЕЖЕВА́НИЕ — точное определение границ земельных владений частных лиц, земельных общин, городов, церквей и других собственников земли.

Генеральное межевание началось в 1765 г. Из-за частых земельных споров Екатерина II приказала проверить наличие прав на владение землей. Среди помещиков начались волнения, поскольку большой процент земель, чаще всего казенных, был захвачен незаконно.

5 марта 1765 г. была создана комиссия по Генеральному межеванию, а Манифест 19 сентября 1765 г. узаконивал права владения помещиков землей по самому факту владения, если не существовало каких-либо спорных вопросов. Фактически казна бесплатно передала во владение дворянам 70 млн. десятин земли. Кроме того, степные угодья продавались во владение по низкой цене.

В процессе межевания были составлены подробные росписи о передаче земель во владение различным категориям собственников, частным лицам и учреждениям и оговорены условия владения. Например, за каждую застроенную сажень земли для выгонов город должен был выплачивать штраф, однако земли не изымались из городского владения. Были составлены подробные планы земельных владений в каждой губернии, всего — ок. 200 тыс. планов. На их основе создали губернские атласы. Примечания помогали оценить хозяйственное состояние империи. Экономические примечания, например, сопровождались статистическими сведениями

о количестве душ, дворов, пахотных земель, лугов, лесов, водоемов и непригодных для сельского хозяйства мест на территории каждого владения. В них также были данные о преобладающих крестьянских промыслах и ремеслах.

Недочеты генерального межевания были устранены специальным межеванием 1830–1850-х гг. Его закончили к 1861 г. Межевание оформило и укрепило дворянское землевладение и легализовало захваты земель землевладельцами. *Е. С.*

ПРОЕКТ ИМПЕРАТОРСКОГО СОВЕТА. Но все эти меры были только подробности, большею частью почти мелочи. В манифесте 6 июля обещана была общая реформа управления, возвещены государственные установления, которые неуклонно действовали бы в пределах закона.

Между тем в центральном управлении оставался очень заметный пробел: законодательная власть, сосредоточиваясь в одном лице государя, не имела никакого закономерного устроения; не было учреждения, которое воспособляло бы эту работу. Генерал-прокурору Сената принадлежала законодательная инициатива, но только казуальная, когда в пределах распорядительной и судебной компетенции Сената встречалось дело, требовавшее нового закона. Н. И. Панину, редактору июль-

ского манифеста, Екатерина вскоре по воцарении поручила составить план недостающего учреждения.

Панин представил доклад и проект манифеста об Императорском совете и о преобразовании Сената с разделением его на департаменты. Из этих двух учреждений устроялось новое верховное управление. Панин подвергает жестокой критике елизаветинское правление, в котором «действовала более сила персон, нежели власть мест государственных», и, пользуясь домашним кабинетом императрицы, «безгласным и никакого образа государственного не имеющим местом», всеми делами безответственно вертели фавориты, временщики, случайные и шальные люди, что напоминает Панину «те варварские времена», когда еще не было ни установленного правительства, ни письменных законов. Сколько можно понять тягучее, дипломатически неясное изложение Панина, его Императорский совет, разделенный на четыре департамента со статским секретарем во главе каждого, — чисто совещательное учреждение, нисколько не посягавшее на полноту верховной власти.

В него поступают все дела, требующие новых законов, кроме восходящих на высочайшее усмотрение через Сенат, и подлежащими статс-секретарями разрабатываются в законопроекты, которые обсуждаются им-

ператорскими советниками и представляются на высочайшее утверждение. Совет — закономерное, гласным законом установленное учреждение с оформленным порядком делопроизводства; всякий новый закон исходит из него за монаршей подписью и контрассигнованный подлежащим статс-секретарем.

Однако это не был прежний Верховный тайный совет, который, сливаясь с лицом монарха, становился участником законодательной власти. Сенат оставался независимым от нового Совета верховным учреждением. Совет по проекту манифеста — «то самое место, в котором мы об империи трудимся».

Это законодательная мастерская, исполняющая подготовительную работу законодательства по надлежащей форме и порядку, чем бы «добрый государь при его великих трудах ограничивал себя в ошибках, свойственных человечеству». Верховная власть не ограничивалась, а только сдерживалась практически, самой организацией законодательного дела.

В проекте Панина неясно и неумело предначертан будущий Государственный совет Сперанского, оказавшийся вполне безопасным политически. Екатерина подписала манифест (28 декабря 1762 г.) и назначила членов Совета, но потом впала в раздумье, кой с кем посоветовалась и похоронила дело.

Угадывая ли тайную мысль Екатерины, или по искреннему холопьему усердию придворного особенно дальновидно высказался фельдцейхмейстер Вильбуа, заявив, что законом установленный Совет со временем поднимет до значения соправителя, слишком приблизит подданного к государю и может породить желание поделить с ним власть, что разум императрицы не нуждается ни в каком Совете, а только для облегчения тяжести восходящих к ней дел нужно разделить ее частный кабинет на департаменты, говоря проще, заменить государственных советников домашними секретарями.

Осуществлена была только мысль Панина о разделении Сената на департаменты, но уже по другому проекту (15 декабря 1763 г.). Этим и ограничилась реформа центрального управления; законодательная функция, оставшись неупорядоченной, пользовалась случайными или временными средствами; по отдельным вопросам Сенату предоставлялись законодательные полномочия или составлялись комиссии, а комиссии о правах дворянства с 1763 г. вместе со многими другими делами поручено было составить новый проект о разделении Сената на департаменты. С начала первой турецкой войны Екатерина стала созывать преимущественно по военным делам Совет, который скоро превратился в постоянный, оставаясь негласным.

Отрывок из памятной заметки Екатерины II о «Наказе»

В первые три года царствования моего, усматривая из прошений, мне подаваемых, из сенатских и разных коллегий дел, из сенаторских рассуждений и прочих многих людей разговоров неединообразные, ни об единой вещи, установленные правила, законы же, по временам сделанные, соответствующие сему умов расположению, многим казались законами противоречащими; и требовали, и желали, дабы законодательство было приведено в лучший порядок. Из сего, у себя на уме я вывела заключение, что образ мыслей вообще, да и самый гражданский закон не может получить поправления инако, как установлением полезных для всех в империи живущих и для всех вещей вообще правил, мною писанных и утвержденных. И для того я начала читать [разные сочинения] и потом писать Наказ Комиссии Уложения, и читала я и писала два года, не говоря ни слова полтора года, следуя единственно уму и сердцу своему, с ревностнейшим желанием пользы, чести и счастия, и с желанием довести империю до высшей степени благополучия всякого рода, людей и вещей, вообще всех и каждого особенно. Преуспев по мнению в сей работе довольно, я начала казать по частям, всякому по его вкусу,

статьи, мною заготовленные, людям разным, и между прочим князю [Григорию] Орлову и графу Никите Панину. <...>

О том, как разворачивались события в царствование Екатерины II в последующие годы читатель узнает из книги «Екатерина Великая», которая выходит в этой же серии.

Хронология

3 (14) февраля 1744 г. — прибытие в Россию Софии Августы Фредерики (Екатерины II).

21 августа (1 сентября) 1745 г. — бракосочетание Петра (III) Федоровича с Екатериной (II) Алексеевной.

19 (30) сентября 1754 г. — рождение Павла Петровича, будущего императора Павла I.

25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) — смерть императрицы Елизаветы Петровны.

26 декабря 1761 г. (6 января 1762 г.) — восшествие на престол Петра III.

24 апреля (5 мая) 1762 г. — Петербургский мирный договор России и Пруссии.

28 июня (9 июля) 1762 г. — дворцовый переворот. Низложение Петра III и восшествие на престол императрицы Екатерины II.

29 июня (10 июля) 1762 г. — отречение Петра III от престола.

6 (17) июля 1762 г. — убийство Петра III.

22 сентября (3 октября) 1762 г. — коронация императрицы Екатерины II.

31 марта (11 апреля) 1764 г. — заключение русско-прусского союза, в результате которого Станислав Понятовский был избран на польский престол.

4 (15) июля 1764 г. — убийство Ивана VI Антоновича при попытке освобождения его из Шлиссельбургской крепости поручиком В. Я. Мировичем.

19 (30) сентября 1765 г. — Манифест о Генеральном межевании.

31 октября (11 ноября) 1765 г. — основание Вольного экономического общества графом Г. Г. Орловым.

1765 г. — Екатерина II покупает библиотеку французского просветителя Д. Дидро.

1766 г. — присоединение к России Алеутских островов.

26 июня (7 июля) 1767 г. — выход в свет «Наказа» Екатерины II.

25 февраля (7 марта) 1768 г. — Варшавский договор России и Польши, который открывал возможность вмешательства России во внутренние дела Польши.

25 сентября (6 октября) 1768 г. — 10 (21) июля 1774 г. — русско-турецкая война за выход России к Черному морю.

10 (21) сентября 1769 г. — взятие русскими войсками турецкой крепости Хотин.

26 ноября (7 декабря) 1769 г. — учреждение ордена Святого великомученика Георгия Победоносца.

10 (21) апреля 1770 г. — взятие Наварина русским десантом А. Г. Орлова.

24–26 июня (5–7 июля) 1770 г. — уничтожение А. Г. Орловым турецкого флота в Чесменской бухте.

7 (18) июля 1770 г. — победа П. А. Румянцева в устье реки Ларга во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

21 июля (1 августа) 1770 г. — победа П. А. Румянцева при Кагуле, благодаря которой был освобожден от турок весь левый берег Дуная.

14 (25) июня 1771 г. — штурм Перекопа В. М. Долгоруковым.

25 июля (5 августа) 1772 г. — первый раздел Польши.

1 (12) ноября 1772 г. — заключение договора с крымским ханом Сахиб-Гиреем о переходе Крыма под покровительство России.

1772 г. — основание в Москве Английского клуба.

11 (22) мая 1773 г. — взятие А. В. Суворовым крепости Туртукай.

9 (20) июня 1774 г. — разгром А. В. Суворовым 40-тысячного корпуса турок у крепости Козлуджа. Завершение военных действий на суше в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.

10 (21) июля 1774 г. — Кючук-Кайнарджийский мирный договор России и Турции завершивший Русско-турецкую войну 1768–1774 гг.

23 ноября (4 декабря) 1775 г. — смерть в заточении княжны Е. Таракановой.

1775 г. — Московскую епархию возглавил митрополит Платон (Петр Георгиевич Левшин).

28 февраля (11 марта) 1780 г. — Декларация о вооруженном нейтралитете Екатерины II.

8 (19) апреля 1783 г. — Манифест Екатерины II о включении Крымского ханства в состав России.

13 (24) апреля 1783 г. — смерть графа Г. Г. Орлова.

2 (13) мая 1783 г. — заход 11 кораблей Азовской флотилии в Ахтиарскую бухту (ныне Севастопольскую). Дата рождения Черноморского флота.

24 июля (4 августа) 1783 г. — Георгиевский трактат. Вхождение Восточной Грузии в состав Российской империи.

14 (25) сентября 1783 г. — спуск на воду в Херсоне первого линейного корабля Черноморского флота «Слава Екатерины».

Февраль—июль 1787 г. — путешествие Екатерины II в Крым.

Содержание

Предисловие 3

Путь к трону 7
Гвардия меняет монарха 8
На пороге перемен 27
Первые годы царствования 33
«Я хотела быть русской...» 34
«Или умру, или буду царствовать» 67
Политика Екатерины II 102
Внешняя политика 103
Государственные и военные деятели 158
Польский вопрос 196
Самозванцы 229
Внутренняя политика 233
Хронология 250

Серия «Россия — путь сквозь века»

МАТУШКА ЕКАТЕРИНА
(1760 — 1770-е гг.)

Составитель *М. Смыр*

Оформление переплета *А. Козаченко*

Ведущий редактор *Л. Кузьмина*
Художественный редактор *Н. Терехов*
Технический редактор *Н. Ремизова*
Компьютерная верстка *О. Тарвид*
Корректоры *Н. Боброва, А. Гундаев*

Подписано в печать 15.02.10.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «GaramondBooks».
Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 16. Тираж 4000 экз.
Изд. № 09-9708. Заказ № О-153.

ЗАО «ОЛМА Медиа Групп»
129626, г. Москва, Проспект Мира, д.102, стр. 12
Почтовый адрес: 143421, Московская область, Красногорский район, 26-й км автодороги «Балтия»,
комплекс ООО «Вега-Лайн», стр. 3
www.olmamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Были ли шансы у захудалой немецкой принцессы Фике стать русской царицей? Практически — нет. Некрасивая девушка, нелюбимая жена, иноземка, никому не нужная в чужой стране, — такой была в глазах окружающих жена Петра III София-Фредерика-Августа, принявшая в России православие с именем Екатерина.

Другая бы смирилась с таким унизительным положением, но только не она. Год за годом шла она к цели — учила язык, обычаи, узнавала людей, читала книги, приспосабливалась к обстоятельствам...
Ее путь к трону — почти детективная история, где немецкий рационализм тесно переплетается с русским авантюризмом. Бывшая принцесса Фике стала императрицей Екатериной II.

О том, как это произошло, вы узнаете из предлагаемой книги, где русский историк 19 века В. О. Ключевский и современные ученые из Института истории РАН излагают свои точки зрения на происходившие события.

ISBN 978-5-373-03076-2
9 785373 030762

ОЛМА
МЕДИА ГРУПП
www.olmamedia.ru